ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2022, Том 2, №4

Подписано к публикации: 5.11.2022

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Атаев Борис Махачевич** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Богданова Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор*
***Биданюк Марзият Мугдиновна** (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук*
***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Гумовская Галина Николаевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Дергачева Ирина Владимировна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Закирова Елена Сергеевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Захарова Виктория Трофимовна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор*
***Зумбулидзе Ия Гурамовна** (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор*
***Ибрагимова Мариза Оглановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент*
***Лисицкая Лариса Григорьевна** (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор*
***Лиходкина Ирина Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Мазирка Ирина Олеговна** (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор*
***Маркова Елена Ивановна** (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент*
***Наджиева Флора Султан гызы** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Окорокова Варвара Борисовна** (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Елена Касимовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рзаев Фикрет Чингиз оглу** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Цветова Наталья Сергеевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в Elibrary.ru.
Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул Костюкова 12а-132
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2782-5329 (online)

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2022

Содержание

Билиенкова И.А., учитель,
Невонская школа 1 им. Родькина Н.Д.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Аннотация: в статье раскрывается возможность постижения идейного своеобразия художественного мира великого романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на уроке литературы с опорой на толкование художественного образа. Автор указывает на важность поступательного образного анализа на протяжении текста романа как ключевого приема в постижении художественной идеи текста. Предпринимается попытка выстроить представление об особенностях идейного и художественного своеобразия текста на основе результатов выводов, к которым приходят учащиеся в ходе работы с системой художественных образов, что позволяет также выявить особенности художественной манеры писателя. Автор использует для образного анализа ключевые для идейного понимания романа сцены, в целом имеющие устоявшуюся традицию изучения, но предлагает опираться в работе с учащимися на художественный образ, что активизирует фантазию учащихся, обращается к их эмоционально-эстетическому и нравственному опыту, помогая в ходе работы преобразовать эмоциональный отклик в идею. Подобный подход поможет учителю в выстраивании системы уроков, опирающейся на толкование ключевых образов текста, а также позволит включить такой способ работы с романом в число уже опробованных, основанных на анализе сюжета и характера героев. Обращение к образной системе текста позволит более тонко осознать его психологизм и многогранность.

Ключевые слова: образ, идея, анализ, эпический текст

Искусство и литература сегодня провозглашены в России базовыми национальными нравственными ценностями, которые раскрываются в таких нравственных представлениях, как красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни. Утверждения, что знание литературы – условие сохранения культурно-образовательного единства России, что литература обеспечивает ценностно-смысловое восприятие русского языка как воплощения национальных идеалов и представлений о мире, с благодарностью приняты педагогами-словесниками. Наконец-то провозглашена необходимость развития читательской культуры, утверждена благотворность духовно-нравственного воздействия литературы на формирующуюся личность школьника, а также отмечена недопустимость игнорирования диалогической и ценностно-смысловой природы чтения художественной литературы, подмена труда и творчества читателя информационными стратегиями.

А вместе с тем одна из главных проблем сегодняшней школы – проблема чтения (вернее, не-чтения). Изменение природы и условий существования текстов (обилие электронных носителей и нелинейность представления в них текстов, гиперссылки, обилие сиюминутно возникающих бытовых текстов, десакрализация художественного текста) приводят к тому, что традиционный классический текст зачастую с трудом

прочитывается и воспринимается детьми. Это становится серьезным препятствием на пути становления юного читателя и почвой, на которой расцветает имитационная читательская деятельность (краткие пересказы, скачивание готовых сочинений, рефератов и даже конспектов). И хотя сегодня мы признаем, что усилия по поддержке чтения одних учителей-словесников и педагогов начальной школы недостаточны, что им в одиночку не справиться с проблемой привлечения подрастающего поколения к чтению, все же именно в наших руках есть поистине волшебное средство, помогающее повернуть юного читателя от экрана к странице. И это, на мой взгляд, – образный анализ художественного текста.

Такое постижение литературного произведения – это своеобразная увлекательная игра, в которую школьников надо научить играть. Анализируя художественный текст, мы должны помочь нашим ученикам понять простые неоспоримые истины:

- в тексте настоящего художественного произведения нет ни одного случайного слова, каждое что-то значит и для чего-то здесь нужно. К любому слову можно задать вопрос и получить ответ;
- то, о чем идет речь в произведении, имеет отношение к самому читателю, ибо настоящее произведение искусства всегда про то, что с нами всеми происходит каждый день;
- в произведении все взаимосвязано, все сцеплено. Книга – это своеобразный сборник загадок и тайн, которые надо разгадать.

«Что есть чтение – как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределами слов… Чтение – прежде всего сотворчество», – писала М. Цветаева, и слова эти должны помочь нам понять, насколько важны для наших учеников наши усилия по введении. Их в мир литературы.

Достаточно давно и успешно мы в работе разрабатываем методику работы с художественным образом. Наше внимание привлекали прежде всего тексты лирические (стихотворения Лермонтова, Блока, Бродского, Цветаевой, Ахматовой), а также лироэпические (Твардовский). Сегодня же хотелось бы поразмышлять о подобных наблюдениях в ходе работы с эпическим текстом. На первый взгляд, работать с эпическими текстами проще, и именно эти произведения имеют хорошо устоявшуюся традицию изучения в школе, которая опирается прежде всего на сюжет, характеры, фабулу. Но ведь и в эпических произведениях таится и незаметно для нас работает художественный образ, который больше, чем просто деталь, портрет или пейзаж. Хочу показать это, опираясь на страницы бессмертного романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Это очень сложная и гениальная книга. Она заставляет взрослеть, Она, погружая нас в жестокий, исковерканный мир, заставляет ужаснуться, отшатнуться и глубоко отозваться на крик художника, задуматься над сложными жизненными вопросами – например, о том, что люди все равны перед Богом. А еще о том, что борьба добра и зла идет постоянно в душах людей. А еще о том, что попытка осознания себя высшим по сравнению с другими неизменно приведет к падению, трагедии, убийству в себе света. А ведь именно это происходит рядом с нами, когда нацисты вышагивают по улицам Киева, а русский язык запрещают, называя проклятым. Итак, как же художественный образ помогает нам понять великую книгу Достоевского?

- Первая группа образов в этом тексте тесно связана с картиной Петербурга Достоевского, города душного, пыльного, душащего человека, не дающего ему вздохнуть. Студент Раскольников подходит к «преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другою в – ю улицу… Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами… [2, с. 20]. Канава и улица – вот пути обитателей этого дома. Канава – это грязная сточная яма, место отбросов, помойка. Ясен путь людей, чья судьба – канава: моральное опустошение. Улица же – это толпа одиноких людей, равнодушных к чужой беде, любопытных, но холодных. Только такие дороги ждут живущих здесь людей…

«Шмыгали» – уникальный глагол-образ. Кто эти люди по сути своей, если они «шмыгали»? Ассоциации очень неприятные: крысы, мыши. Вот во что жизнь между улицей и канавой превращает людей – в подобие жадных грызунов, лишенных чести, совести, разума…

Именно на крысу похожа старуха Алена Ивановна, «с вострыми злыми глазками, вострым носом и волосами, жирно смазанными маслом». Кажется, все делает автор, чтобы вызвать в нас неприятие к ней, и этим заставляет размышлять, как студент Раскольников: вредная, злая, жестокая по отношению к сестре, бесполезная… И это удивительная провокация автора, с помощью которой он заставляет читателей, в особенности юных, задуматься о равенстве и справедливости, а еще о соблазне убедить себя в праве решать чужую судьбу…

Комната Раскольникова – «каморка», «клетушка». А еще «шкаф» и «гроб». И кто же тогда Родион, живущий в ней? В кого превращает его и множество тех, кто рядом, такая жизнь? Тоже в крысу? (и чем он тогда лучше Алены Ивановны?). Или в вещь, не способную ни думать, ни чувствовать? В мертвеца, наконец, потому что душу убивает?

Комната Сони – тоже говорящий образ. Она живет в комнате, в которой есть три двери, две из которых заперты наглухо – что это, как не знак безвыходного ее положения, когда судьба – люди! – перекрыли этой светлой девушке путь к счастью и свету. А три окна в комнате Сони выходят на канаву – понятна ее подстерегающая судьба. А сравнивается комната девушки не со шкафом, а с сараем – с кем заставляет нас этот образ сравнить Соню? Может, со старыми, отслужившими свое вещами? А может, со скотиной, которую забьют, когда будет нужно?.. Как много серьезных выводов мы делаем, прислушиваясь к образу, идя по его тонкой тропе.

Удивительно насыщена образами сцена убийства, анализу которой я отвожу целый урок. Именно здесь возникает образ «механизма», который словно тащит Раскольникова, приближая его к реализации его страшного замысла: «... как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать» [2, с. 87]. Он испытывает при этом страшную слабость, идет, словно на казнь, и в душе его идет поединок доброго (мальчик из сна) и злого (паук, запутавший юношу в паутину теории). Он, добрый, чуткий, стремящийся помочь окружающим, допустил мысль о возможности своего превосходства, и именно эта мысль – гордыня – становится тем «клочком одежды», попавшим в механизм, который затянет в него все тело, переломает и раздробит его. И борьба света и тьмы в его душе и есть причина того, что сил у него почти нет – этой борьбой и поглощена вся его суть, когда он приходит к Алене Ивановне: «Руки его были

ужасно слабы… Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом. Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила». Удивительный момент, заставляющий поразиться тонкому психологизму текста и в то же время задуматься: почему этот первый удар Раскольников совершает – обухом? Вероятно, потому что этот поворот топора свидетельствует о том, что студент – не безжалостный циничный убийца, что все же существуют пороги, прежде всего нравственные, которые он не может перешагнуть. А еще топор, повернутый обухом к невысокой Алене Ивановне, острием направлен на самого Родиона, а значит, этот первый удар – прежде всего по нему, по его душе, по тому мальчику, что плакал над лошадью... «Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила» [2, с. 93]. Не приходится сомневаться в природе силы, которая теперь руководит Раскольниковым… И неслучайно следующий удар топором – по Лизавете – Родион совершит острием. Стоит один раз себе позволить удар – и кровь хлынет рекой…

Но тем и удивителен роман Достоевского, что при всей мрачности и ужасе изображаемого он наполнен бесконечной верой в возможность возрождения даже самой грешной души! Ведь даже в этой страшной сцене еще не раз убитая душа Раскольникова будет отворачиваться от того ужаса, куда поверг ее хозяин: «Ему вдруг захотелось бросить все и уйти» [2, с. 94]. И не раз автор нам покажет, что душа Родиона, вроде бы уже убитая, продолжает болеть, трепетать, протестовать против насилия, которому ее подвергают. Например, пытаясь отыскать ключ от старухиных «сокровищ», Раскольников обнаруживает шнурок на шее старухи и - не смеет рубнуть по телу топором! На шнурке этом он видит туго набитый кошелек и два креста два и образок. Вот оно, олицетворение выбора героя! Что же делает студент? Кладет в карман кошелек, а кресты сбрасывает на грудь убитой. Вроде бы выбор очевиден. Но каким тяжелым камнем ляжет на душу героя этот кошелек, этот выбор…

Буквально каждое слово в этой сцене позволяет все глубже погрузиться в образный мир текста, приближаясь к авторской идее. Мы отметим, насколько точно жест столкнувшейся с убийцей Лизаветы повторит услышавшая признание Раскольникова Соня, как эти две героини будут переплетаться и соединяться в сознании Родиона – убитая им и его спасающая – и в очередной раз подивимся неоднозначности судьбы и мудрости Провидения…

Текст Достоевского – россыпь удивительных образов, которые надо просто помочь увидеть ученику. Камень, похоронивший сокровища, Библия Лизаветы, зеленый платок Сони, банька в воображении Свидригайлова, желтоватое лицо Порфирия Петровича, сны, привидения, «зверок хорошенький» – все это нити, которые, сплетаясь, помогают нам понять сокровенный смысл этого великого текста. Причем понять это не логикой – путем непростым и обманчивым, а сердцем, чувством – путем, которым идет художественный образ…

Достоинства подобного пути работы с художественными текстами, на мой взгляд, очевидны. Он позволяет сделать литературный текст источником выводов о себе и своем народе, помогает увидеть за фабулой тонкую образную систему, включающую текст в мир этических представлений русской литературы, делает наше восприятие текста глубже, богаче. А это уже ощутимый шаг к тому, чтобы стать настоящим ценителем того чуда, что оставила нам великая русская литература, настоящим читателем, потому что просто заставляет читать.

Литература

1. Анализ литературного произведения: сб. науч. тр. / под ред. Т.В. Красновой. Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. Гос. Академии образования, 2013. Вып. 8. 135 с.

2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Олимп; ТКО АСТ, 1996. 704 с.

3. Зинина Е.А. Основы поэтики: теория и практика анализа художественного текста. 10-11 кл.: учеб. Пособие. М.: Дрофа, 2006. 300 с.

4. Чертов В.Ф., Виноградова Е.М., Яблоков Е.А., Антипова А.М. Слово – образ – смысл: филологический анализ литературного произведения. 10-11 классы: учебное пособие / под ред. В.Ф. Чертова. М.: Дрофа, 2006. 444 с.

5. Сосновская И.В. «Как слово наше отзовется… »: монография. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2013. 192 с.

6. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.

7. Юрьева О.Ю. Творчество Ф.М. Достоевского на уроках литературы: учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2002. 400 с.

8. Юрьева О.Ю., Степанов В.М. Русская литература XIX века: Тургенев, Гончаров, Толстой, Тютчев, Достоевский, Чехов: учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. 340 с.

References

1. Analiz literaturnogo proizvedenija: sb. nauch. tr. pod red. T.V. Krasnovoj. Irkutsk: Izd-vo Vost.-Sib. Gos. Akademii obrazovanija, 2013. Vyp. 8. 135 s.

2. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie. M.: Olimp; TKO AST, 1996. 704 s.

3. Zinina E.A. Osnovy pojetiki: teorija i praktika analiza hudozhestvennogo teksta. 10-11 kl.: ucheb. Posobie. M.: Drofa, 2006. 300 s.

4. Chertov V.F., Vinogradova E.M., Jablokov E.A., Antipova A.M. Slovo – obraz – smysl: filologicheskij analiz literaturnogo proizvedenija. 10-11 klassy: uchebnoe posobie. pod red. V.F. Chertova. M.: Drofa, 2006. 444 s.

5. Sosnovskaja I.V. «Kak slovo nashe otzovetsja… »: monografija. Irkutsk: Izd-vo VSGAO, 2013. 192 s.

6. Uspenskij B.A. Pojetika kompozicii. SPb.: Azbuka, 2000. 352 s.

7. Jur'eva O.Ju. Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo na urokah literatury: uchebnoe posobie. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaja izdatel'skaja kompanija, 2002. 400 s.

8. Jur'eva O.Ju., Stepanov V.M. Russkaja literatura XIX veka: Turgenev, Goncharov, Tolstoj, Tjutchev, Dostoevskij, Chehov: uchebnoe posobie. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. ped. un-ta, 2000. 340 s.

Bilienkova I.A., Teacher,
Nevonskaya School 1 named after N.D. Rodkin

THE USE OF FIGURATIVE ANALYSIS IN THE STUDY OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"

Abstract: the article reveals the possibility of comprehending the ideological originality of the artistic world of F.M. Dostoevsky's great novel "Crime and Punishment" in a literature lesson based on the interpretation of an artistic image. The author points out the importance of progressive figurative analysis throughout the text of the novel as a key technique in comprehending the artistic idea of the text. An attempt is made to build an idea of the features of the ideological and artistic originality of the text based on the results of the conclusions that students come to in the course of working with the system of artistic images, which also allows us to identify the features of the writer's artistic manner. The author uses for imaginative analysis the scenes that are key to the ideological understanding of the novel, which generally have an established tradition of study, but suggests relying on an artistic image in working with students, which activates the imagination of students, appeals to their emotional, aesthetic and moral experience, helping to transform an emotional response into an idea in the course of work. Such an approach will help the teacher in building a system of lessons based on the interpretation of the key images of the text, and will also allow including such a way of working with the novel among those already tested, based on the analysis of the plot and the character of the characters. Turning to the figurative system of the text will allow you to more subtly realize its psychologism and versatility.

Keywords: image, idea, analysis, epic text

Гаранина Е.П., преподаватель-эксперт,
Павлодарский педагогический университет, Республика Казахстан,
Худиева С.Р., PhD, ассоциированный профессор (доцент),
Торайгыров университет, Республика Казахстан

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЛЮБОВНЫХ ЦИКЛОВ ДМИТРИЯ ВОДЕННИКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «МУЖЧИНЫ ТОЖЕ МОГУТ ИМИТИРОВАТЬ ОРГАЗМ»)

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению поэтики цикла Дмитрия Воденникова «Мужчины тоже могут имитировать оргазм». В работе анализируются композиционные приёмы, на основе которых в данном цикле создаётся художественное единство. Особое внимание уделено изучению художественного своеобразия лирического героя цикла. Также в статье рассматривается система аллюзий и реминисценций (стихи А. Ахматовой, М. Цветаевой), использованная в цикле, и система эпиграфов. В результате делается вывод об амбивалентности эмоциональной окраски цикла, а также о двойственной природе его лирического героя, который совмещает в себе мужские и женские черты. Лирический герой цикла, с одной стороны, предельно эмоционален (что традиционно считается женской чертой), а с другой стороны, постоянно размышляет над своей эмоциональностью, подвергает свои чувства рациональному осмыслению (что традиционно считается мужской чертой). Также делается вывод о композиционной сложности цикла и о субъективном характере ассоциаций, которые положены в основу создания его художественного единства.

Материалы статьи могут быть использованы при изучении курсов по истории русской литературы второй половины XX века, современной русской литературе, курсов, посвящённых рассмотрению особенностей поэтики лирических циклов.

Ключевые слова: современная поэзия, циклизация, лирический цикл, художественное единство, поэтика, лирический герой

Цикл «Мужчины тоже могут имитировать оргазм» – это третий цикл Дмитрия Воденникова, относящийся к «любовному блоку». Как и в первых двух циклах: «Любовь бессмертная – любовь простая» и «Как надо жить – чтоб быть любимым» в названии цикла есть указание на его любовную тематику, хотя акцент в данном случае смещён с любви на страсть и чувственность. В тематическом отношении цикл «Мужчины тоже могут имитировать оргазм» ближе к циклу «Любовь бессмертная – любовь простая», в котором центральной темой является отношения мужчины и женщины (тогда как «Как надо жить – чтоб быть любимым» – это о любви (и – шире – отношениях) человека и мира). Можно отметить также и структурную близость вышеуказанных циклов: для них характерны схожие принципы соединения стихотворений в метатекстовое единство.

Цикл «Мужчины тоже могут имитировать оргазм» состоит из шестнадцати текстов, своеобразной особенностью которых является наличие названия у каждого (до этого во всех циклах были как тексты с названием, так и тексты без названия). Циклу предпосланы три эпиграфа: из Юкио Мисимы, Святой Тере-

зы и Дмитрия Воденникова. Отбор авторов для эпиграфов очень интересен: на первый взгляд, имя Юкио Мисимы, классика японской литературы XX века, пользующегося репутацией одного из самых неоднозначных, в какой-то мере даже скандальных, авторов книг, обладающих ярким эротическим содержанием, воспринимается как противопоставление имени Святой Терезы – католической монахини, создательнице ордена «босоногих кармелиток». С другой стороны, Святую Терезу и Юкио Мисиму объединяет тот факт, что оба они – яркие и оригинальные писатели, являющиеся классиками своих национальных литератур (творчество Святой Терезы относится к золотому веку испанской литературы, она считается первой испанской писательницей, ей принадлежит несколько автобиографических и богословских сочинений, стихотворения, письма).

Но главное, что объединяет два этих имени – те тексты, которые выбраны для эпиграфов. В центре этих текстов стоит авторское «я» – в самовосприятии (Юкио Мисима: «Прошу обратить внимание на то, что я ничего не пишу о своей жизни, – а лишь о мгновениях мистического потрясения, которые мне довелось пережить» [1]) или в восприятии других людей. Третий эпиграф (автоэпиграф) связывает воедино мотив самовосприятия и восприятия в глазах других людей: «Господи, всю свою жизнь я хотел быть проституткой или по крайней мере – быть абсолютным монархом вместо этого про меня написали десяток статей (www.levin.rinet.ru): «Очищение возвышенным криком», «Буйный цветок неокрепшего неомодерна», «Слово-субъект в полифоническом тексте» и даже «Новая искренность, новая чувственность, новое слово». Господи, на что ж ты потратил мою бесценную жизнь» [2]. Эпиграфы задают общую тональность и сквозные темы цикла: самораскрытие лирического героя и то, как воспринимают его другие люди – саму личность лирического героя и его стихи. Причём следует обратить внимание на то, что один эпиграф принадлежит мужчине, а второй – женщине: соединение женского и мужского начала в лирическом герое, женского и мужского голоса – характерная черта данного цикла.

Первые два стихотворения цикла, основываясь на их названиях («Тема» и «Рема»), можно объединить в смысловой блок. В лингвистике тема – это известное, рема – новое. В цикле Дмитрия Воденникова стихотворения «Тема» и «Рема» противопоставлены друг другу: если в первом идёт речь о преодолимости всего земного, любых жизненных обстоятельств:

И то, что о себе не знаешь,
и то, что вглубь себя глядишь,
и то, чем никогда не станешь, –
всё перепрыгнешь,
всё оставишь,
всё – победишь,

то во втором речь идёт о непреодолимости некоторых жизненных обстоятельств и невозвратимости некоторых ситуаций:

Я падаю в объятья словно плод,
в котором через кожицу темнеет
тупая косточка –

но как она поёт,

но как зудит она,

о, как болит,

болеет,

теряет речь,

не хочет жить, твердеет

и больше – никого – не узнаёт [2].

Стихотворение построено на интересной и оригинальной метафоре: если плод воспринимать как символ человека, то косточка – это его душа. Иногда жизнь меняет человеческую душу окончательно и невозвратимо, бывают события, которые непреодолимы (после которых душа «не хочет жить, твердеет // и больше – никого – не узнаёт»). Изменчивость и постоянство человеческой души в жизненном потоке одна из сквозных тем всего цикла.

Третье стихотворение цикла носит название «Голос». Название очень характерное и много говорящее об особенностях цикла в целом. Весь цикл – это голос лирического героя, обращённый к разным собеседникам. Иногда этот собеседник – сам лирический герой («Но также ты поймёшь, // *как трудно* – говорить // с самим собой – без лести и обмана…» [2]), иногда – конкретная, хоть и лишённая имени, женщина («ты»), иногда – все читатели, слушатели и зрители поэта. Стоит отметить, что вне зависимости от того, к кому обращается поэт, его голос – это предельная искренность и самораскрытие. Мотив исповедальности и предельного самораскрытия повторяется в стихотворениях «Без названия» («Первое место – ПИСАТЬ О СЕБЕ, // второе место – ПИСАТЬ ДЛЯ СВОИХ, // третье – ПИСАТЬ ДЛЯ ДРУГИХ И ДЛЯ ВСЕХ»; «Вся моя пресловутая искренность – // от нежелания подыскивать // тему для разговора. // Раньше – в подобных случаях – // я сразу ложился в постель. // Теперь – говорю правду. // Хорошо это, плохо, – // не мне судить. // Но людям – НРАВИТСЯ») и «Последний снег» («…Я это говорю, как водится, // раздельно, // понятно, образно, на русском языке. // Я это говорю // *не для кого* – отдельно, // а всем – конкретно, *каждому, тебе*!» [2]). Интересно отметить, что в цикле есть список посвящений (он стоит не в начале цикла, как это принято, а перед пятым стихотворением), который и в самом деле содержит обращение ко всему миру, ко всем. В списке посвящений объединены имена друзей и близких людей поэта с именами политиков: «Николаю Охотину, Валерию Ненашеву, Татьяне Райт, за то, что – любили меня. Светлане Ивановой, Владимиру Губайловскому, Александру Уланову, за то, что учили меня насчёт этого – не обольщаться… Джорджу Бушу и бен Ладену, за то, что меняли мою жизнь (и не всегда к лучшему) а также всем остальным – ОТСЮДА с нежностью и благодарностью – ПОСВЯЩАЕТСЯ…» [2]. Цикл построен именно так, как указано в посвящении: стихи в нём представляют то предельно интимный монолог лирического героя, то его высказывания, обращённые «ко всем».

Основная тема четвёртого стихотворения, имеющего длинное название «Первое – и последнее – стихотворение с автоэпиграфом, от которого бы я с удовольствием отказался (но не могу)», – это тема одиночества, его непреодолимости:

Но – в мельтешении лиц, имён и зим,
но – в сём дрожанье – из листвы и света:
что будем делать –
с *одиночеством* моим?
что – с одиночеством своим – *я* – буду делать? [2]

Перечисленные четыре стихотворения цикла указывают на его смысловые и тематические особенности, а также задают эмоциональную окраску. В эмоциональном отношении цикл «Мужчины тоже могут имитировать оргазм» амбивалентен: лирический герой цикла одновременно и одинок, и говорит со всем миром, он ощущает себя совершенно отдельным от всего мира человеком (отсюда – мотив холода, который становится постоянным ощущением героя) и в то же время его голос предельно исповедален. Двойственность, характерная для художественного мира в предыдущих циклах Дмитрия Воденникова, теперь становится характеристикой лирического героя.

Двойственность как принцип изображения лирического героя проявляется и в названии цикла – «Мужчины **тоже** могут имитировать оргазм» (выделено мною – Е.П.). По всей видимости, имеется в виду «тоже, как и женщины». Двойственность закладывается в образ лирического героя самим названием цикла: он совмещает в себе мужские и женские черты, мужскую и женскую эмоциональность и взгляд на мир. Лирический герой цикла, с одной стороны, предельно эмоционален (что традиционно считается женской чертой), а с другой стороны, постоянно размышляет над своей эмоциональностью, подвергает свои чувства рациональному осмыслению (что традиционно считается мужской чертой). Самоосмысление – себя, своих чувств, своего творчества и положения в мире – одна из самых характерных черт лирического героя Дмитрия Воденникова, которая проявилась и в этом цикле тоже.

В связи с этим стоит отметить, во-первых, что и эпиграфы к циклу взяты один из мужского, а второй – из женского текстов. Во-вторых, система реминисценций, которые (как это обычно бывает у Дмитрия Воденникова) тоже служат скрепляющим элементом цикла, ориентирована на поэзию Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Явной реминисценцией на известные стихи Ахматовой («Могла ли Биче, словно Дант, творить, // Или Лаура жар любви восславить? // Я научила женщин говорить…// Но, Боже, как их замолчать заставить!» [3, с. 137]) является начало шестого стихотворения:

А тело пело и хотело жить,
и вот болит – *как может* – только тело.
Я научу мужчин о жизни говорить –
Бессмысленно, бесстыдно, откровенно [2].

Помимо лексического совпадения («научила говорить» – «научу говорить») можно отметить и буквальное ритмическое совпадение (правильный пятистопный ямб), однако тем ярче выступает контраст между этими произведениями: если ахматовское стихотворение за счёт парадоксальной концовки приобретает сатирический смысл, то в стихотворение Дмитрия Воденникова имеет наряжённую эмоциональность, являясь откровенным и страстным монологом лирического героя о любви.

Любовная и сексуальная тематика – один из смысловых центров цикла. Указание на это заложено уже в заголовке цикла; помимо этого автор акцентирует внимание на этих темах в прозаическом вступлении к шестому стихотворению: «Из разговоров – лицом к лицу. Меня спрашивают: почему Вы – так часто – пишете о сексе? Я отвечаю (почти потрясённый): Я – не пишу – о сексе… Кто-то улыбается. Кто-то пожимает плечьми. А многие – верят». После этого вступления идёт ещё одно, тоже прозаическое: «На тех, кто хочет меня [здравствуйте саша] – я смотрю с изумлением. На тех, кто не хочет меня […] – я смотрю с интересом. И лишь на тебя (ты-то знаешь какой я на самом деле: утренний глупый горячий почти никудышный) – так вот на тебя я смотрю совсем по-другому» [2]. На первый взгляд может показаться, что два этих отрывка (стоящие к тому же рядом) противоречат друг другу. Но, вероятно, можно говорить о том, что в результате их столкновения рождается новый смысл: «Я пишу не только о сексе». Тема секса и тема чувственности в цикле входят одной из составляющей в тему любви. Они неотъемлемая часть любви, которую невозможно разделить или разложить на тело и душу.

После этих двух прозаических вступлений идут два стихотворения (шестое и седьмое в цикле), в которых темы любви, страсти и чувственности – центральные. От всех других стихотворений цикла они отличаются большим количеством предметных деталей: телесность в них свойственна не только лирическому герою, но и окружающему его миру:

И ржа, и золото, летящее с ветвей,
и хриплый голос мой, ушибленный любовью, –
всё станет – индульгенцией твоей,
твоим ущербом и твоим здоровьем (А тело пело и хотело жить…») [2].

Именно в этих двух стихотворениях можно отметить образные детали, являющиеся, как нам кажется, реминисценциями к стихам Марины Цветаевой: яблоки, грозди. У М. Цветаевой яблоки и гроздья – образы, которые воплощают в себе полноту жизни: «Само – что дерево трясти! – // В срок яблоко спадает спелое…// – За всё, за всё меня прости, // Мой милый, что тебе я сделала!» («Вчера ещё в глаза глядел…»), «Август – астры, // Август – звёзды, // Август – грозди // Винограда и рябины // Ржавой – август! // Полновесным, благосклонным // Яблоком своим имперским, // Как дитя, играешь, август» («Август – астры»), «Не хочу ни любви, ни почестей: // – Опьянительны. – Не падка! // Даже яблочка мне не хочется // – соблазнительного – с лотка…» («Не хочу ни любви, ни почестей») [4].

Этот же смысл – полноты жизни – вложен в данные образы-детали и в стихотворениях цикла «Мужчины тоже могут имитировать оргазм» Дмитрия Воденникова. Любовь и чувственность изображаются в них как часть природной жизни, как нечто абсолютно естественное, именно поэтому образ любви построен на сравнениях с природными деталями:

Ты ласкаешь меня – как скаковую лошадь,
я же ласкаю тебя – как весенние гроздья
(мну, как осенние гроздья –
ртом, животом
и руками). («Ты ласкаешь меня – как скаковую лошадь…») [2].

Я (мужчина) и ты (женщина) – два образных центра цикла, причём стоит отметить, что в данном цикле образ женщины подаётся через взгляд мужчины, через восприятие лирического героя. Особенно ярко это реализовано в стихотворении «Ожидание первого снега». Основой его композиции является антитеза мужского и женского:

Но – мне! – не нравится,
так поступать с тобой:
о, как ужасна жизнь мужского пола –
ты всё ещё, – а я уже живой,
ты всё как девочка, – а я уже тяжёлый…[2]

В целом, нужно отметить, что цикл «Мужчины тоже могут имитировать оргазм» – один из самых сложных в тематическом и композиционном отношении в лирике Дмитрия Воденникова. Сложность цикла объясняется, прежде всего, сложностью сознания лирического героя, в котором соединены, как уже было сказано выше, мужское и женское начало. Стихотворения в цикле построены так, что лирический герой обращается одновременно и к конкретному адресату, и ко всему миру, в результате чего его интонация колеблется от исповедальности до публицистичности. Связи стихотворений между собой неочевидны и основаны, скорее, на субъективных ассоциациях.

Литература

1. Мисима Юкио. Солнце и сталь. [Электронный ресурс] URL: https://miuki.info/2014/05/yukio-misima-solnce-i-stal/ (дата обращения: 27.12.2018)

2. Воденников Д.Б. Мужчины тоже могут имитировать оргазм [Электронный ресурс] URL: http://www.vodennikov.ru/poem/muzhchiny.htm (дата обращения: 26.09.2018)

3. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1976. 570 с.

4. Цветаева М.И. Полное собрание стихотворений. [Электронный ресурс] URL: https://librebook.me/polnoe_sobranie_stihotvorenii_10 (дата обращения: 25.12.2019)

References

1. Misima Jukio. Solnce i stal'. [Jelektronnyj resurs] URL: https://miuki.info/2014/05/yukio-misima-solnce-i-stal/ (data obrashhenija: 27.12.2018)

2. Vodennikov D.B. Muzhchiny tozhe mogut imitirovat' orgazm [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.vodennikov.ru/poem/muzhchiny.htm (data obrashhenija: 26.09.2018)

3. Ahmatova A.A. Stihotvorenija i pojemy. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1976. 570 s.

4. Cvetaeva M.I. Polnoe sobranie stihotvorenij. [Jelektronnyj resurs] URL: https://librebook.me/polnoe_sobranie_stihotvorenii_10 (data obrashhenija: 25.12.2019)

Garanina Ye.P., Lecturer-Expert,
Pavlodar Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,
Khudiyeva S.R., PhD, Associate Professor,
Toraighyrov University, Republic of Kazakhstan

PECULIARITIES OF THE POETICS BY DMITRY VODENNIKOV'S LOVE CYCLES (ON THE MATERIAL OF THE CYCLE "MEN CAN ALSO IMITATE AN ORGASM")

Abstract: this article is devoted to the consideration of the poetics of Dmitry Vodennikov's cycle "Men Can Also Imitate an Orgasm". The work analyzes compositional techniques, on the basis of which artistic unity is created in this cycle. Particular attention is paid to the study of the artistic originality of the cycle's lyrical hero. The article also discusses the system of allusions and reminiscences (poems by A. Akhmatova, M. Tsvetaeva), used in the cycle, and the system of epigraphs. As a result, a conclusion is made about the ambivalence of the emotional coloring of the cycle, as well as the dual nature of its lyrical hero, who combines male and female features. The lyrical hero of the cycle, on the one hand, is extremely emotional (which is traditionally considered to be a female trait), and on the other hand, constantly reflects his emotionality, subjects his feelings to rational comprehension (which is traditionally considered to be a male trait). A conclusion is also made about the compositional complexity of the cycle and the subjective nature of the associations that underlie the creation of its artistic unity. The materials of the article can be used in the study of courses on the history of Russian literature of the second half of the 20th century, modern Russian literature, courses devoted to the consideration of the features of the poetics of lyrical cycles.

Keywords: modern poetry, cyclization, lyrical cycle, artistic unity, poetics, lyrical hero

Ашинова И.В., доктор филологических наук, профессор, ученый секретарь,
Институт педагогики, психологии и ФСО,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

СПЕЦИФИКА ЖАНРА «ПОСТАПОКАЛИПСИС» КАК ОТРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА В РОМАНЕ КИМА СТЭНЛИ РОБИНСОНА «КАЛИФОРНИЙСКИЙ ТРИПТИХ»

Аннотация: статья посвящена проблеме жанрового своеобразия произведений постапокалиптического характера (на примере романа «Калифорнийский триптих» К.С. Робинсона). Актуальность темы обусловлена ростом популярности данного жанра в современном обществе, что отражает его морально-нравственное состояние. Панические и пессимистические настроения в обществе, в свою очередь, отражаются в современной литературе. Цель статьи заключается в выявлении особенностей жанра постапокалипсис в романе Кима Стенли Робинсона «Калифорнийский триптих» с точки зрения отражения состояния американского социума в конце XX – начале XXI вв. Методология статьи состоит из общенаучных методов (обобщение, систематизация, анализ, синтез), а также включает в себя специальные методы литературоведческого анализа: историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, описательный. В результате проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: в романе «Калифорнийский триптих» жанр постапокалипсиса представлен как три альтернативных истории, связанные одним лейтмотивом гибели человечества, а именно Америки. Такой американоцентричный подход отражает этноцентризм картины мира среднестатистического американца и критикуется автором романа.

Ключевые слова: литературоведение, литературные жанры, стилистика текста, постапокалипсис, «Калифорнийский триптих»

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в американской литературе популярность жанра «постапокалипсис» обусловлена этноцентризмом картины мира, сформировавшейся в сознании американского социума. Тем не менее, в современном литературной дискурсе появляются работы, в которых американоцентрицный вариант гибели человечества подвергается серьезной критике. Одним из примером таких романов является творчество К.С. Робинсона – американского писателя, широко известного как одного из выдающихся и ныне живущих фантастов. Его произведения заслуженно называют «гуманистической научной фантастикой» и «литературной научной фантастикой». Сам Робинсон считает себя «литературным наследником Р. Брэдбери», выступая защитником и сторонником научной фантастики как одной из самых «сильных литературных форм» [10, с. 18]. Робинсон родился 23 марта 1952 года в Вокигане, штат Иллинойс. В колледже в 1971 году он открыл для себя жанр научной фантастики. В 1970 году он поступил в Калифорнийский университет в Сан-Диего (UCSD) и в 1974 году получил степень доктора литературы [10, с.19]. За это время у него возникла идея написать три книги, исследующие три разные альтернативные ис-

тории будущего южной Калифорнии округа Ориндж. Данное произведение известно русскоязычной читательской аудитории как «Калифорнийский триптих» (в оригинале название звучит как «The Wild Shore: Three Californias» – «Дикий берег: три Калифорнии»)[14]. Отметим, что формат трилогии стал для К.С. Робинсона своего рода «литературной визитной карточкой»: в 1982 вышла трилогия о терраформировании Марса, в 1984 году была опубликована трилогия «Айсхендж» – три истории, связанные во времени [11, с. 89]. В своем интервью К.С. Робинсон отмечает, что на его творческое кредо оказали влияние такие мастера фантастики как Р. Брэдбери и У. Ле Гуин [10, с. 22].

В научной литературе исследуемая тема представлена довольно широко работами российских и зарубежных литературоведов и критиков. В рамках нашего исследования особый интерес представляют статьи таких авторов, как А.Г. Некита, С.А. Маленко, Е.П. Суслова [1], Б.С. Сивиринов [2], которые посвящены особенностям жанра «постапокалипсис» в мировой литературе. Теология вымышленных миров и философские основания миров постапокалипсиса в современной культуре рассмотрены Р.А. Силантьевым [3], Е.Н. Чесновой, Ш.И. Мансуровой, А.А. Снытиной [4]. Литературоведческий анализ творчестве Кима Стэнли Робинсона представлен в работах С. Эббота [5], Дж. Брэдли [6], Г. Канавана [7], Н. Далгаарда [8], Структурные особенности произведений писателя рассмотрены в работах таких авторов, как А.С. Гомес [9], У. Хейз, К.С. Робинсон [10], Р. Маркли [11], Р.К. Милнер [12], Р.С. Регин, С.Л. Аарамитиле [12].

В настоящей статье представлен анализ специфики жанра «постапокалипсис» как отражения состояния американского общества на примере романа Кима Стэнли Робинсона «Калифорнийский триптих» [14].

Методы и материалы

Методология статьи состоит из общенаучных методов (обобщение, систематизация, анализ, синтез), а также включает в себя специальные методы литературоведческого анализа: историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, описательный.

Материалом для исследования послужил роман К.С. Робинсона «Калифорнийский триптих» в оригинале [14].

Результаты

Трилогия «Калифорнийский триптих» (также известная как «Триптих Дикого Берега» и «Трилогия округа Ориндж») состоит из трех романов К.С. Робинсона, в которых описываются три различных возможных варианта будущего округа Ориндж, штат Калифорния. Три книги, составляющие трилогию – это «Дикий берег», «Золотой берег» и «Тихоокеанский край». Каждый из романов описывает жизнь молодых людей в трех очень разных версиях будущего.

Все три романа начинаются с археологических раскопок, рассказывающих читателям о погибшем мире. Такой прием позволяет сделать начало трилогии особенно запоминающимся и дающим читателю понять, что «happy end», столь привычный для большинства американцев в книгах о гибели Америки и вместе с ней всего человечества, так и не состоялся. Можно условно обозначить следующие семантические связи между тремя произведениями (рис. 1).

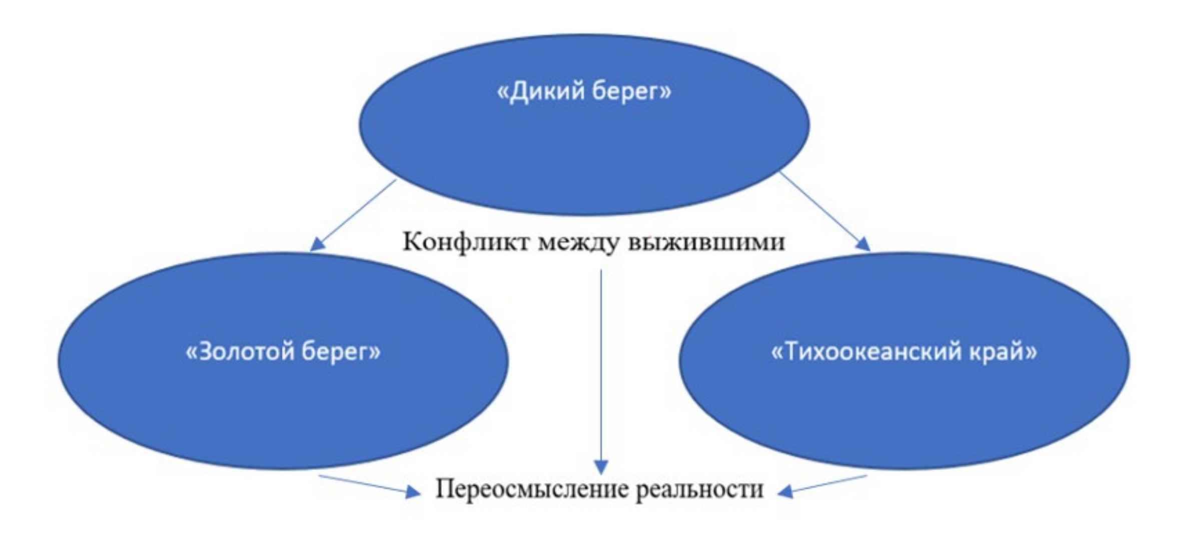

Рис. 1. Структура семантической связи между романами трилогии «Калифорнийский триптих» (составлено автором статьи)

«Дикий берег» (1984) был первым опубликованным романом трилогии. На первый взгляд, это просто очередная история выживших после ядерной войны. Согласно фантазии писателя, ядерный удар составил от 2000 до 3000 нейтронных бомб, которые были взорваны в 2000 крупнейших городах Северной Америки в 1987 году. Выжившие начали все сначала, построив небольшие деревни и живя за счет сельского хозяйства и морской рыбной ловли. Тема первых глав – вполне традиционная научно-фантастическая пастораль, которая деконструируется в последних главах, особенно когда становится ясно, что развитие послевоенной сельской жизни сдерживается Японией, которой поручено патрулирование Западного побережья.

В романе писатель показывает, что среди выживших – не только Америка, остались еще и японцы, которые стремятся занять жизненное пространство в Калифорнии. История представлена в виде мемуаров персонажа Хэнка Флетчера, подростка, живущего в городке в Сан-Онофре. Он сопровождает старейшину города Тома Барнарда в Сан-Диего, где большая часть населения пытается создать движение сопротивления против японцев. Мэр Сан-Диего просит Сан-Онофре о сотрудничестве, но городское собрание голосует против. Лучший друг Хэнка, Стив Николин, протестуя против своего властного отца, вынуждает Хэнка и других подростков помочь Сан-Диего. Их единственная попытка сделать это, устроив засаду на группу японцев, незаконно приземлившихся на Дана-Пойнт, заканчивается катастрофой, поскольку они проигрывают в вооружении.

В итоге Хэнк впадает в депрессивное состояние, и Том Барнард предлагает ему записывать свои переживания, чтобы разобраться в них. Здесь писатель очень язвительно высмеивает практику психоанализа, которая до сих пор имеет огромную популярность в Америке. Роман заканчивается тем, что Хэнк не уверен, каким будет его будущее и что означает его прошлое. В финале произведения автор недвусмысленно дает понять читателю, что «американцы – это еще не весь мир, есть люди и за пределами Калифорнии, и они не простят ядерной войны» [14, с. 38].

Роман «Дикий берег» был номинирован как на премию «Небула», так и на премию Филипа К. Дика в 1984 году. Известный американский критик и литератор Альгис Будрис описал его как «пограничный роман, в состав персонажей которого вплетены богатые нити Стейнбековского популизма» [12, с. 389].

В романе «Золотой берег» (1988) мы узнаем о Южной Калифорнии 2027 года, антиутопическом продолжении Лос-Анджелеса 1980-х годов. В данном произведении линия истории повернулась в сторону «общества безграничного потребления, которое пожрет само себя, когда нечего станет потреблять» [12, с. 399]. В книге дается подробное описание «новой культуры мобильности», выражающейся в «бесконечном разрастании квартир, автострад и торговых центров» [12, с. 400].

На наш взгляд, видна прямая параллель с современной Америкой первой трети XXI века. В книге рассказывается о двух группах персонажей, связанных с 27-летним героем Джимом Макферсоном и его отцом. Последний работает инженером в огромной корпорации «Laguna Space Research (LSR)», аэрокосмической компании, вовлеченной в борьбу за влияние на военно-промышленный комплекс, где персонажу поручено исправить проект системы защиты после фальсификации результатов испытания его предшественником.

Тем временем сам Джим увлекается литературой, наркотиками, вечеринками и случайным сексом и, пытаясь найти смысл в своей жизни, ввязывается в террористическую группу, выступающую против военной промышленности. Нарративы пересекаются, когда группа планирует террористический акт против корпорации. Руководство компании знает о террористической деятельности и открывает систему для атаки с целью вернуть свои инвестиции после получения страховки. В последний момент Джим отказывается участвовать в теракте, и это приводит к тому, что его отец теряет работу. В конце романа и Деннис, и Джим заново открывают для себя жизнь, удалившись из мегаполиса на маленькую ферму.

После публикации роман «Золотой берег» был номинирован на «премию Кэмпбелла», премию «Локус» и «Премию британской научной фантастики» в 1989 году. Примечательно, что в этом романе нет описания катастрофы, она обозначается как вероятная возможность, причем тем более вероятная, чем выше уровень потребления и ниже моральные устои в американском обществе. Как отмечает К.С. Робинсон в одном из своих интервью, «Уже сейчас можно говорить о том, что история Америки пошла именно по данному, среднему пути, и общество бескрайнего потребления грозит потребить самое себя, а заодно и весь остальной мир, нимало не задумываясь о последствиях» [10, с. 25].

Последний роман трилогии «Тихоокеанский край», опубликованный в 1990 году, можно сравнить с «Экотопией» Э. Калленбаха, а также с «Обедененными» У. Ле Гуин. Калифорнийское будущее этой книги происходит в районе Эль-Модена в Оранже в 2065 году.

Писатель изображает реалистичную утопию, поскольку описывает возможный процесс преобразования настоящего в будущее, поднимая очень острые экологические проблемы. Фон развития сюжета составляют привычные здания, города и инфраструктуры американского прошлого и настоящего. Важным аспектом книги является то, как меняется этот фон, чтобы стать полностью «зеленым». В романе также описаны конфликты интересов различных социальных групп в процессе трансформации городов в экологически чистую среду. Писатель показывает в 2065 году конфликты между партией «Зеленых» и «Новыми Федералистами».

С точки зрения литературной критики представляют интерес широкие описания природы и ландшафта, а также самореференции в отношении написания статей об утопическом будущем по сравнению с реальной политической работой. «Тихоокеанский край» стал лауреатом Мемориальной премии Джона У. Кэмпбелла в 1991 году. В сюжетном отношении автор романа повествует о лете из жизни Кевина Клейборна, молодого ремонтника, недавно избранного в городской совет Эль-Модены. Кевин оказывается в разногласиях с мэром города Альфредо Блэром, который пытается перепланировать последний холм внутри города для коммерческой застройки.

В последней попытке спасти холм Кевин превращает его в мемориал своему недавно умершему дедушке, который был столпом общества. Спасение последнего холма в центре застроенного города символизирует «сон человеческого разума, когда личная выгода поглощает время и жизнь других поколений» [10, с. 27].

Последний роман трилогии особенно примечателен, поскольку тема терраформирования в начале 2000-х стала набирать все большую популярность среди писателей-фантастов. При этом основное внимание уделялось писателями преодолению трудностей, приключениям и победам над силами природы, а о губительных последствиях такой деятельности писали крайне немногие, включая К.С. Робинсона.

Заключение

По итогу проведенного исследования автор пришел к следующим выводам:

1. Три различных сценария постапокалипсиса начинаются гибелью Америки, которая показана как гибель всего цивилизованного мира. Такой подход является отличительной характеристикой жанра «постапокалипсис» в современной американской литературе и жестко высмеивается автором «Калифорнийского триптиха».

2. Во всех трех романах отсутствуют элементы жанра «horror» («ужасы»), которые так характерны для современного американского постапокалипсиса. При этом К.С. Робинсон акцентирует внимание на том, что американцы и Америка – это еще не весь мир, и следует уважительно относится к людям, которые живут вне «Золотого берега», вне общества потребления. Выбор пути во всех трех историях остается за героями, поэтому все три романа имеют «открытый финал».

Литература

1. Некита А.Г., Маленко С.А., Суслова Е.П. Стратегии визуализации постапокалипсиса в современной массовой культуре // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 3. С. 11 – 33.

2. Сивиринов Б.С. Позитивное общество будущего: научная фантастика и социальное знание (к постановке проблемы) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 2 – 8.

3. Силантьев Р.А. Теология вымышленных миров. К обоснованию новой научной дисциплины // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 181 – 189.

4. Чеснова Е.Н., Мансурова Ш.И., Снытина А.А. Философия миров постапокалипсиса в современной культуре // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 2. С. 2 – 10.

5. Abbott C. Cities and Communities: The Urban Vision of Kim Stanley RobinsonThe Urban Vision of Kim Stanley Robinson. In book: Fantastic Cities. 2022. P. 66 – 82.

6. Bradley J. It’s Science over Capitalism: Kim Stanley Robinson and the Imperative of Hope. In book: Tomorrow's Parties. 2022. P. 1 – 10.

7. Canavan G. Kim Stanley Robinson. In book: American Literature. 2019. 188 p.

8. Dalgaard N. Reinventing Utopia: Politics and Ethics of Choice in the Works of Kim Stanley Robinson. In book: Science Fiction, Ethics and the Human Condition. 2017. P. 181 – 194.

9. Gomes A.S. Crise climática e reconfiguração do romance contemporâneo em The Ministry for the Future, de Kim Stanley Robinson. Matraga – Revista do Programa de Pós-Graduação em Letras da UERJ. 2022. Vol. 29(56). P. 61 – 79.

10. Heise U., Robinson K.S. Realism, Modernism, and the Future: An Interview with Kim Stanley Robinson. ASAP/Journal. 2016. Vol. 1 (1). P. 17 – 33.

11. Markley R. Kim Stanley Robinson. University of Illinois Press. 2019. 184 p.

12. Milner R.C. Guns Under the Table: Kim Stanley Robinson and the Transition to Utopia. Utopian Studies. 2020. Vol. 31 (2). P. 388 – 397.

13. Regin R.S., Aaramithilee S.L. Treatment of Ecology in the Capital Series of Kim Stanley Robinson. Online International Interdisciplinary Research Journal. 2019. Vol. 9. P. 53 – 59.

14. Robinson K.S. The Wild Shore: Three Californias. Orb Books. First edition. 1995. 384 p.

References

1. Nekita A.G., Malenko S.A., Suslova E.P. Strategii vizualizacii postapokalipsisa v sovremennoj massovoj kul'ture. Vektory blagopoluchija: jekonomika i socium. 2021. № 3. S. 11 – 33.

2. Sivirinov B.S. Pozitivnoe obshhestvo budushhego: nauchnaja fantastika i social'noe znanie (k postanovke problemy). Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2021. № 10. S. 2 – 8.

3. Silant'ev R.A. Teologija vymyshlennyh mirov. K obosnovaniju novoj nauchnoj discipliny. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. № 3. S. 181 – 189.

4. Chesnova E.N., Mansurova Sh.I., Snytina A.A. Filosofija mirov postapokalipsisa v sovremennoj kul'ture. Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2017. № 2. S. 2 – 10.

5. Abbott C. Cities and Communities: The Urban Vision of Kim Stanley RobinsonThe Urban Vision of Kim Stanley Robinson. In book: Fantastic Cities. 2022. P. 66 – 82.

6. Bradley J. It’s Science over Capitalism: Kim Stanley Robinson and the Imperative of Hope. In book: Tomorrow's Parties. 2022. P. 1 – 10.

7. Canavan G. Kim Stanley Robinson. In book: American Literature. 2019. 188 p.

8. Dalgaard N. Reinventing Utopia: Politics and Ethics of Choice in the Works of Kim Stanley Robinson. In book: Science Fiction, Ethics and the Human Condition. 2017. P. 181 – 194.

9. Gomes A.S. Crise climática e reconfiguração do romance contemporâneo em The Ministry for the Future, de Kim Stanley Robinson. Matraga – Revista do Programa de Pós-Graduação em Letras da UERJ. 2022. Vol. 29(56). P. 61 – 79.

10. Heise U., Robinson K.S. Realism, Modernism, and the Future: An Interview with Kim Stanley Robinson. ASAP/Journal. 2016. Vol. 1 (1). P. 17 – 33.

11. Markley R. Kim Stanley Robinson. University of Illinois Press. 2019. 184 p.

12. Milner R.C. Guns Under the Table: Kim Stanley Robinson and the Transition to Utopia. Utopian Studies. 2020. Vol. 31 (2). P. 388 – 397.

13. Regin R.S., Aaramithilee S.L. Treatment of Ecology in the Capital Series of Kim Stanley Robinson. Online International Interdisciplinary Research Journal. 2019. Vol. 9. P. 53 – 59.

14. Robinson K.S. The Wild Shore: Three Californias. Orb Books. First edition. 1995. 384 p.

Ashinova I.V., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor, Scientific Secretary,
Institute of Pedagogy, Psychology and PSE,
Kabardino-Balkar State University named after H.M. Berbekov

THE SPECIFICITY OF THE POSTAPOCALYPSE GENRE AS A REFLECTION OF THE STATE OF SOCIETY IN THE NOVEL « THE WILD SHORE: THREE CALIFORNIAS» BY KIM STANLEY ROBINSON

Abstract: the article is devoted to the problem of genre originality of post-apocalyptic works (on the example of the novel « The Wild Shore: Three Californias» by C.S. Robinson). The relevance of the topic is due to the growing popularity of this genre in modern society, which reflects its moral state. Panic and pessimistic moods in society, in turn, are reflected in modern literature. The purpose of the article is to identify the features of the post-apocalyptic genre in novel «The Wild Shore: Three Californias» in terms of reflecting the state of American society in the late 20th - early 21st centuries. The methodology of the article consists of general scientific methods (generalization, systematization, analysis, synthesis), and also includes special methods of literary analysis: historical-genetic, comparative-historical, typological, descriptive. As a result of the study, the author of the article came to the following conclusions: in the novel «California Triptych», the post-apocalyptic genre is presented as three alternative stories connected by one leitmotif of the death of mankind, but by default only America is understood by the latter. This American-centric approach reflects the egocentricity and ethnocentrism of the average American's worldview. Three different scenarios of the post-apocalypse end with the death of America, which is shown as the death of the entire civilized world. This approach is a hallmark of the post-apocalyptic genre in modern American literature.

Keywords: literary criticism, literary genres, text style, post-apocalypse, «The Wild Shore: Three Californias»

Беданокова З.К., доктор филологических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет

АРХЕТИП «НАДЕЖДА» И ЕГО ТРАКТОВКА В РОМАНЕ «ДОРОГА» КОРМАКА МАККАРТИ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования архетипа «надежда» в романе «Дорога» К. Маккарти с позиций выявления особенностей репрезентации данного концепта. Цель статьи заключается в рассмотрении архетипа «надежда» на примере конкретного литературного произведения. Писатель К. Маккарти является ярким представителем современной фантастики в жанре «постапокалипсис», и анализ его творчества является актуальным в современном литературоведении. С учетом социальной и гуманистической направленности творчества писателя, реализация архетипа «надежда» в его произведениях представляется особенно интересной в рамках постапокалиптического жанра. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический анализ. В результате проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: архетип «надежда» используется писателем как лейтмотив и фон для создания сюжета; герои романа постоянно находятся в ситуации, при которой именно надежда является движущей силой для усилий по продолжению жизни; роман выстроен на концепте «надежда», в отличие от традиционной постапокалиптической литературы, которая его практически всегда исключает.

Ключевые слова: литературоведение, постапокалипсис, фантастика, литературный архетип, роман «Дорога»

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что творчество К. Маккарти в современном отечественном литературоведении привлекает все большее внимание исследователей. Реализация различных концептов в жанре постапокалипсис вообще, и в работах К. Маккарти в частности, все чаще становится предметом исследований литературоведов. Особенный интерес вызывает изучение тех способов и приемов, которыми в романах писателя реализуются различные литературные архетипы.

Архетип (от греч. archetypos, «исходный образец»), в литературоведении определяется как «изначальный образ, характер или образец обстоятельств, который повторяется в литературе и мысли достаточно часто, чтобы стать универсальным понятием для всего человечества» [11, с. 88]. Термин был заимствован и популяризирован литературоведами из работ психолога и философа К. Юнга, сформулировавшего теорию «коллективного бессознательного» [11, с. 89]. Согласно данной концепции, разнообразие человеческого опыта определенным образом генетически закодировано и передано последующим поколениям. Поэтому существуют такие образы и понятия, которые вызывают схожие чувства как у читателя, так и у автора.

«Дорога» («The Road») – постапокалиптический роман американского писателя К. Маккарти, написанный в 2006 году. В книге подробно рассказывается об изнурительном путешествии отца и его маленького

сына в течение нескольких месяцев по ландшафту, разрушенному неустановленным катаклизмом, уничтожившим индустриальную цивилизацию и почти всю жизнь. Роман был удостоен Пулитцеровской премии 2007 года в области художественной литературы и «Мемориальной премии Джеймса Тейта Блэка» в области художественной литературы в 2006 году. В 2009 году по книге был снят одноименный фильм режиссера Дж. Хиллкоута [10, с. 34].

В научной литературе творчеству К. Маккарти посвящено немало работ. Однако, в основном тема представлена изучением концептуальных основ жанра постапокалипсис, а книги К. Маккарти рассматривается исследователями в общем ряду американской постапокалиптической литературы современности. К таким исследованиям относятся работы Е.С. Максимовой, А.В. Поляринова [5], Е.А. Стеценко [6], А.В. Татаринов [7].

При этом в отечественной филологии интерес к его роману «Дорога» [4] незаслуженно невысок: среди русских работ можно назвать только исследования хронотопа и жанровых особенностей постапокалипсиса в статьях Л.В. Бондаренко [1], О.Ф. Жилевич [2] и Н.А. Ляшенко [5]. Более полно творчество К. Маккарти исследуется в зарубежной историографии, в работах таких авторов, как Б. Серсис, Л. Адиль [8], Р.М. Хиллер [9], В.Г. Ричардсон [10], Д. Синыкин [11], Ч. Йои [12]. Наша статья посвящена исследованию архетипа «надежда» в романе «Дорога» К. Маккарти с точки зрения отражения данного концепта в жанре постапокалипсис [4].

Методы

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов: историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический анализ. Наиболее часто используемым методом в исследовании является текстологический анализ, позволивший установить способы реализации архетипа «надежда». Материал исследования составляет роман К. Маккарти «Дорога».

Результаты

История романа «Дорога» разворачивается в постапокалиптическом мире, дата и место которого не указаны, хотя читатель может предположить, что это где-то в Соединенных Штатах, поскольку мужчина говорит мальчику, что они идут по «дорогам штатов» [4, с. 89]. Писатель не дает своим персонажам имен, и такая «анонимность» добавляет роману мрачности, поскольку действие может происходить где угодно и с кем угодно. Стилистически написание очень фрагментарно и скудно с самого начала: писатель отражает только бесплодный и мрачный пейзаж, по которому путешествуют мужчина и мальчик.

Интересно, что К. Маккарти также предпочитает не использовать кавычки в диалогах, а для некоторых сокращений он опускает апострофы. Поскольку это постапокалиптическая история, исключение этих элементов пунктуации используется К. Маккарти как особый стилистический прием, указывающий на практически полное отсутствие надежды: в новой реальности остатки старого мира – такие как электричество, водопровод и человечество – больше не существуют, или они существуют в очень ограниченных количествах [9, с. 14].

Пока мальчик спит, мужчина размышляет над одним из своих снов о существе с мертвыми глазами. В репрезентации архетипа «надежда» именно сновидения главного персонажа играют большую роль на протяжении всего романа: герой говорит и себе, и мальчику, что «хороших снов следует бояться» [4, с. 90], потому что они указывают на принятие ситуации, и что тогда смерть неизбежно будет близка. Первоначально архетип представлен как сопротивление реальности, как единственная цель главного героя – спасти своего сына от каннибалов.

Плохие сны, с другой стороны, обнадеживают, поскольку демонстрируют, что мужчина и мальчик все еще не привыкли к миру, в котором они живут. С самого начала ясно, что мальчик – это единственное существо, о котором беспокоится мужчина. Он есть все, что есть у человека, и он верит, что Бог доверил ему защищать мальчика. В этом образе отца, защищающего своего ребенка вопреки всему, содержится еще одно воплощение архетипа «надежда».

Отсылка на Бога также подтверждает данный тезис. О серьезности ситуации свидетельствует тот факт, что мужчина всегда держит при себе пистолет, а когда заходит в какой-либо дом, отдает пистолет мальчику. В пистолете только две пули, которые, как ни странно, также служат приемом репрезентации архетипа «надежда»: в данном случае в том аспекте, что самоубийство дает надежду на менее болезненную смерть, чем от рук одичавших собратьев.

В книге писатель ясно дает понять, что человечество разделилось на две части: тех, кто становится жертвой каннибализма, и тех, кто становится каннибалами. Отец и маленький сын путешествуют пешком через постапокалиптические, покрытые пеплом Соединенные Штаты через несколько лет после катастрофы. Мать мальчика, беременная им на момент катастрофы, после родов покончила жизнь самоубийством [10, с. 41]. Понимая, что им не пережить зиму в более северных широтах, отец ведет мальчика на юг по автомагистралям между штатами к морю, неся их скудные пожитки в рюкзаках и тележке из супермаркета. Отец страдает от кашля. Он уверяет своего сына, что они «хорошие парни», которые «несут огонь». Отец также пытается научить мальчика стрелять из пистолета в случае необходимости, чтобы не попасть в руки каннибалов.

После нападения мародеров, у героев остается только один патрон, и они страдают от голода. Однако отцу и сыну посчастливилось обнаружить скрытый бункер, наполненный едой, одеждой и другими припасами. Они остаются там на несколько дней, восстанавливая силы, а затем продолжают путь, взяв с собой припасы на тележке. Они встречают пожилого мужчину, и делятся с ним едой по настоянию мальчика, душа которого еще не успела очерстветь и в сердце которого еще живет сострадание. Вскоре у персонажей заканчиваются припасы, и они вновь начинают голодать, пока не находят продукты питания в одном из заброшенных домов.

К тому времени главный герой уже совсем болен и его состояние стремительно ухудшается. В итоге герои добираются до моря, где обнаруживает лодку, выброшенную на берег. Состояние отца ухудшается, и через несколько дней он понимает, что скоро умрет. Отец говорит сыну, что он должен идти дальше без него.

После смерти отца мальчика обнаруживает мужчина с дробовиком в сопровождении жены и двоих детей, сына и дочери. Мужчина убеждает мальчика, что он один из «хороших парней», и берет его под свою защиту. В этом персонаже также реализуется архетип надежды – в данном случае надежды на спасение от опасностей нового постапокалиптического мира, надежды на защиту со стороны взрослого человека.

Роман заканчивается тем, что мальчика приветствуют в новой семье в новом мире, в котором он должен научиться жить. Вопрос о его будущем и будущем человечества остается совершенно неясным. Здесь очень важен монолог мальчика с усыновившей его женщиной о Боге, когда он признается, что ему легче разговаривать с отцом, а не с Богом [4, с. 453].

Архетип «надежда», таким образом, выражен еще и в том, что ребенок начинает свою жизнь заново, в новой семье, постигая тот факт, что отец был ближе, чем Бог. Заключительный отрывок романа выполнен писателем как философское отвлеченное рассуждение не только о героях повествования, но и об истории человечества в целом.

Роман заканчивается открытым финалом: тайной связи, которая существует между отцом и сыном; тайной будущего человечества и тайной нового мира.

На основе проведенного анализа можно говорить о том, что литературный архетип «надежда» выражен в романе «Дорога» тремя идеями:

1) сопротивлением реальности, сохранением человечности в нечеловечески трудных условиях;

2) возможностью облегчить страдания при неизбежной смерти путем самоубийства;

3) принятием новой реальности и нового бытия с новой надеждой.

При этом в первом случае репрезентация архетипа проводится сквозь все повествование как лейтмотив и сюжетная связка. Вторая идея выражена не так явно, но писатель постоянно заостряет на ней внимание читателей в критические моменты поворотов сюжета.

Третья идея воплощается в самом финале, оставляя его фактически открытым – довольно часто используемый прием в постапокалиптической литературе. Принятие новой реальности, возможно, не всегда наполнено новой надеждой, однако уже сам факт того, что мальчику удалось избежать гибели в очень непростых условиях, оставляет читателю надежду на новый, лучший мир. История человечества завершилась только как техногенной цивилизации, осталась надежда начать все с начала вне рамок прежнего пагубного пути. При этом писатель указывает на то обстоятельство, что для типичного американца глобальная катастрофа будет означать вызов всей привычной системе бытия. Часть населения по сюжету романа уже превратилось в хищных зверей, пожирающих себе подобных. Однако у человечества есть шанс преодолеть и этот виток истории.

Суммируя все вышесказанное, схему репрезентации архетипа «надежда» в романе К. Маккарти «Дорога» можно представить как последовательную реализацию концепта (рис. 1):

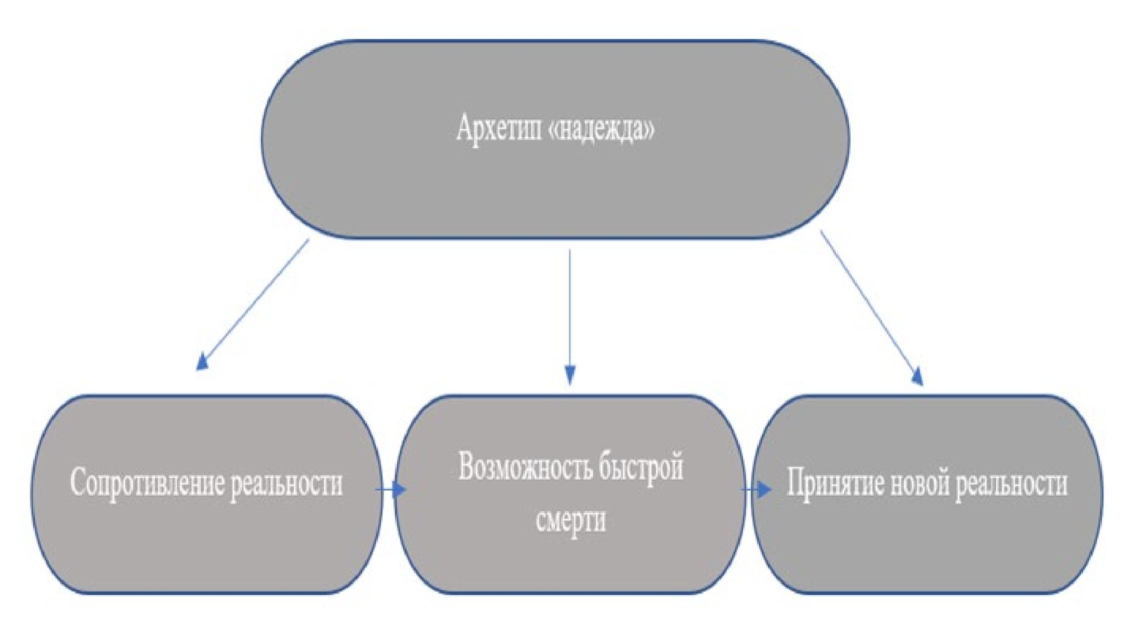

Рис. 1. Репрезентация архетипа «надежда» в романе К. Маккарти «Дорога» (составлено автором)

Интересно, что в одном из своих интервью К. Маккарти сказал, что вдохновение для книги пришло во время его визита в 2003 году в Эль-Пасо, штат Техас, с его маленьким сыном [8, с. 64]. Представляя, как город может выглядеть через пятьдесят или сто лет, писатель вообразил себе «пожары на холме» и подумал о своем сыне. Он сделал несколько первоначальных заметок, однако вернулся к этой идее только через несколько лет, во время своей поездки в Ирландию. На написание романа ушло всего шесть недель, и К. Маккарти посвятил его своему сыну. Поясняя свое обращение в романе к теме каннибализма, писатель отметил: «когда все кончено, остается есть только друг друга» [9, с. 32].

При этом в романе все же происходит довольно нетипичный с точки зрения жанра «счастливый финал», во всяком случае – для одного из его героев.

В итоге можно говорить о том, что «Дорога» – это не научная фантастика несмотря на то, что приключенческая линия в ее эпической форме структурирует повествование, в конечном итоге роман в большей степени является «лирическим эпосом ужасов».

Однако, с жанром «horror» («ужасы») роман можно сопоставить только по критерию описания разрушений и жестокости, с которыми сталкиваются герои во врем своего пути. Основное внимание писателя сосредоточено на философских размышлениях отца, его снах, отношении героя к происходящему. Таким образом, роман ближе к жанру фантастики и занимает достойное место в ряду произведений, написанных в жанре «постапокалипсис».

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Стилистическая сдержанность отличает все описания в романе, герои анонимны, а место и время действия не указано. Тем не менее, читатель сразу понимает, что речь идет об Америке после некой глобальной катастрофы. При этом архетип «надежда» является связующим фоном для всего повествования.

2. Реализация архетипа «надежда» в романе К. Маккарти «Дорога» произведена поэтапно, в течение всего романа, в трех направлениях от первоначального неприятия ситуации, борьбы за жизнь, до новой надежды на жизнь в новом мире.

3. Несмотря на гибель одного из главных героев, в романе присутствует относительно счастливый открытый финал. Читатель может далее сам фантазировать на тему того, как сложилась судьба маленького героя и всего человечества в новом мире.

Литература

1. Бондаренко Л.В. Смыслообразующая роль постапокалиптического хронотопа в романе Кормака Маккарти «Дорога» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. № 2. С. 3 – 11.

2. Жилевич О.Ф. Роман «дорога» К. Маккарти как аллегория апокалипсиса в XXI веке // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 64 – 75.

3. Ляшенко Н.А. К вопросу о репрезентации концепта «дорога» в индивидуально-авторской картине мира Кормака Маккарти (на материале романа «Дорога») // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 187 – 194.

4. Маккарти К. Дорога: пер. К.С. Венгеровой. М.: «Азбука», 2020. 256 с.

5. Максимова Е.С., Поляринов А.В. «Чем больше живу, тем меньше понимаю, что вокруг происходит» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. № 2. С. 7 – 17.

6. Стеценко Е.А. Концепт детскости в литературе США // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 386 – 412.

7. Татаринов А.В. Мировоззренческие стратегии в современном американском романе // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 4. С. 395 – 404.

8. Cercis B., Adil L. The Illustrated Utopian Society in the Road and the Postman by David Brin and Cormac McCarthy. 2018. 120 p.

9. Hillier R.M. Morality in Cormac McCarthy's Fiction. In book: Souls at Hazard. 2020. P. 10 – 48.

10. Richardson W.G. Post-apocalypse and hope in Cormac McCarthy's The Road. In the book: Literary Post-modern. 2022. P. 33 – 78.

11. Sinykin D. American Literature and the Long Downturn: Neoliberal Apocalypse. In book: Neoliberal Apocalypse. Oxford University Press. 2020. P. 88 – 104.

12. Yee Ch. «The Salitter drying from the earth»: Apocalypse in the novels of Cormac McCarthy. 2nd Edition. 2019. 120 p.

References

1. Bondarenko L.V. Smysloobrazujushhaja rol' postapokalipticheskogo hronotopa v romane Kormaka Makkarti «Doroga». Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2015. № 2. S. 3 – 11.

2. Zhilevich O.F. Roman «doroga» K. Makkarti kak allegorija apokalipsisa v HHI veke. Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija obshhestvennyh i gumanitarnyh nauk. 2021. № 1. S. 64 – 75.

3. Ljashenko N.A. K voprosu o reprezentacii koncepta «doroga» v individual'no-avtorskoj kartine mira Kormaka Makkarti (na materiale romana «Doroga»). Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. № 6. S. 187 – 194.

4. Makkarti K. Doroga: per. K.S. Vengerovoj. M.: «Azbuka», 2020. 256 s.

5. Maksimova E.S., Poljarinov A.V. «Chem bol'she zhivu, tem men'she ponimaju, chto vokrug proishodit». Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskih, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij. 2022. № 2. S. 7 – 17.

6. Stecenko E.A. Koncept detskosti v literature SShA. Literatura dvuh Amerik. 2017. № 2. S. 386 – 412.

7. Tatarinov A.V. Mirovozzrencheskie strategii v sovremennom amerikanskom romane. Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2015. № 4. S. 395 – 404.

8. Cercis B., Adil L. The Illustrated Utopian Society in the Road and the Postman by David Brin and Cormac McCarthy. 2018. 120 p.

9. Hillier R.M. Morality in Cormac McCarthy's Fiction. In book: Souls at Hazard. 2020. P. 10 – 48.

10. Richardson W.G. Post-apocalypse and hope in Cormac McCarthy's The Road. In the book: Literary Post-modern. 2022. P. 33 – 78.

11. Sinykin D. American Literature and the Long Downturn: Neoliberal Apocalypse. In book: Neoliberal Apocalypse. Oxford University Press. 2020. P. 88 – 104.

12. Yee Ch. «The Salitter drying from the earth»: Apocalypse in the novels of Cormac McCarthy. 2nd Edition. 2019. 120 p.

Bedanokova Z.K., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor, Adygea State University

THE ARCHETYPE «HOPE» AND ITS INTERPRETATION IN THE NOVEL «THE ROAD» BY CORMAC MCCARTHY

Absract: the article presents the results of a study of the «hope» archetype in the novel «The Road» by K. McCarthy from the standpoint of identifying the features of the representation of this concept. The purpose of the article is to consider the archetype of «hope» on the example of a specific literary work. The writer K. McCarthy is a prominent representative of modern science fiction in the post-apocalyptic genre, and the analysis of his work is relevant in modern literary criticism. Taking into account the social and humanistic orientation of the writer's work, the realization of the «hope» archetype in his works seems especially interesting within the framework of the post-apocalyptic genre. The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: historical-genetic, comparative-historical, typological analysis. As a result of the study, the author of the article came to the following conclusions: the archetype «hope» is used by the writer as a leitmotif and background for creating a plot; the heroes of the novel are constantly in a situation in which it is hope that is the driving force for efforts to continue life; the novel is built on the concept of «hope», in contrast to traditional post-apocalyptic literature, which almost always excludes it.

Keywords: literary criticism, post-apocalypse, science fiction, literary archetype, «The Road» novel

Карданова Б.Б., кандидат искусствоведения, доцент,
КЧООО «Союз композиторов России»,
Гагуа Л.А., старший преподаватель,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Дж. Алиева

НОГАЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРЕМИЯ: ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: в статье рассматриваются оригинальные жанры устного народного творчества ногайцев (паремии), не получившие должного научного освещения в современной фольклористике. Недостаточная изученность многих аспектов малых фольклорных жанров народа актуализирует тему данной работы. Целью исследования является рассмотрение жанрового состава ногайской паремии и их стилевой атрибуции. Задачи исследования: 1) определить принципы систематизации и разработать классификацию малых жанров повествовательного фольклора ногайцев; 2) ввести в научный оборот народную терминологию паремических жанров; 3) рассмотреть их типологические и национальные особенности; 4) выявить бытовую приуроченность их употребления; 5) обозначить социальную значимость и функциональную обусловленность. Отмечается, что малые жанры ногайского фольклора представляют собой целостную систему, жанроопределяющими признаками которых являются: бытовое назначение; характер исполнения и общность поэтической системы. К малым жанрам повествовательного фольклора ногайцев отнесены многочисленные формульные тексты, которые, с учетом их бытового назначения, объединены в пять групп: репрезентирующие формульные тексты, основанные на народных знаниях и представлениях; транслирующие формульные тексты – устойчивые в народе оригинальные слова и выражения; тексты магического назначения; тексты дидактического характера и т.д. Каждый паремический жанр содержит одну или несколько бытовых функций: репрезентирующую, транслирующую, образовательную, воспитательную, развивающую, развлекательную. К поэтическим средствам выразительности (поэтической системе) жанров относятся: краткость и лаконичность изложения, формульность, метафоричность, устойчивость текстов, общенародность бытования.

Ключевые слова: паремия, малые жанры, повествовательный фольклор, функция, приуроченность, ногайцы

В устном народном творчестве ногайцев значительное место занимают малые фольклорные жанры – паремии, в содержании которых нашли отражение, накопленные веками, нравственно-этические нормы и представления народа. Каждый из паремических жанров реализует одну конкретную (или несколько) функцию (магическую, репрезентирующую, транслирующую, воспитательную, развивающую, познавательную, коммуникативную и др.). На их реализацию направлены определенные средства художественной выразительности. Каждая эпоха создавала свои жанры и их варианты, вкрапливала новые средства художественной выразительности, внося, таким образом, в них свои корректировки.

Собиранием фольклорных текстов и изучением отдельных аспектов ногайской паремии занимались просветители, фольклористы, языковеды, этнографы, этномузыкологи: А.-Х. Джанибеков, А.И-М. Сикалиев, С.А-Х. Джанибекова, Т.А. Акманбетов, М.Б. Гимбатова, А.И. Капланова, Б.Б. Карданова и др. Однако, при наличии публикаций перечисленных авторов, многие аспекты малых жанров ногайского фольклора не изучались должным образом, не составлялась единая классификация, не разрабатывались принципы и методы их рассмотрения, а отдельные жанры и жанровые подгруппы не имеют точного определения и т.д. Все перечисленные обстоятельства актуализируют тематику исследования.

В результате изучения письменных источников и анализа, собранных в местах компактного проживания ногайцев, полевых материалов, нами накоплен огромный корпус фольклорных текстов, осуществлена их жанровая классификация и определена народная терминология.

По исполнительским признакам, приуроченности использования и функциональности ногайские паремические жанры (нами не рассматриваются **загадки** (*юмаклар*), **пословицы** (*такпаклар*) и **поговорки** (*айтувлар*)) условно объединены в пять жанровых групп:

Таблица 1

№	Жанровые группы по функциональным признакам	Названия жанров
1.	Репрезентирущие формульные тексты, основанные на народных знаниях и представлениях	**приметы** (*сынамалар*), **поверья** или **суеверия** (*ырымлар*), **наблюдения** (*яшав сынавлары*)
2.	Транслирующие формульные тексты - устойчивые в народе оригинальные формульные тексты	**крылатые выражения, фразы и слова** (*канатлы сoьзлер*)**, острословия** (*тапкыр соьз*), **эпические формулы** (*эпикалык формуласы, дастанлык формуласы*, *авызлама формуласы*)
3.	Формульные тексты магического назначения	**заговоры и заклинания** (*арбавлар*), **благопожелания** (*алгыслар*), **проклятия** (*каргыслар*), **обращения с просьбами** (*тилеклер),* **величания** (*мактавлар*).
4.	Формульные тексты дидактического характера	**назидания** (*акыл уьйретуьвлер*), **считалки** (*санамаклар*).
5.	Потешные тексты, социализирующие детей	**жеребьевки** (*сайлавлар*), **дразнилки** (*эркелевлер*) и **насмешки** (*козымалар*)

Охарактеризуем каждый из них.

1. Репрезентирущие формульные тексты, основанные на народных знаниях и представлениях. К данной группе относятся **приметы** (*сынамалар*), **поверья** или **суеверия** (*ырымлар*) и **наблюдения** (*яшав сынавлары*). Приметами могут считаться народные знания об окружающем мире и природных явлениях, и раскрывающие соотношение между ними. Излагаются приметы в кратком виде (воплощены в малые фольклорные жанры) [2, с. 187-193]. К поверьям относятся суеверия, мистические представления народа, изложенные в

лаконичных преданиях (кратких фольклорных текстах); **суеверие –** предрассудок, ложная вера, не обоснованная наукой и религией. Народная примета является древнейшей формой верования народа – оменализмом, а важное свойство данного жанра – его двухчастная структура, в которой первая часть отражает наблюдаемый факт <…> на основе которого строится прогноз, передаваемый во второй части [8, с. 102].

Приметы и суеверия обычно основывались на многовековых знаниях народа, складывались из длительного опыта его наблюдений за небесными светилами, погодой и временами года: «*Кеше каранъа болса, юлдызы ярык болар*» («Когда ночь темная, звезды горят ярче»), «*Турна келсе, кыс болмас*» («Когда прилетают журавли, зима уходит»). Основывались приметы и суеверия и на наблюдениях за различными жизненными ситуациями, человеческими взаимоотношениями, явлениями природы: «*Ел болмаса, сувык йок*» («Без ветра нет холода»). Нередко народные приметы, поверья и наблюдения оформлялись в пословицы и поговорки, что приводило к их жанровым смешениям.

2. Транслирующие формульные тексты – устойчивые в народе оригинальные формульные тексты. К ним относятся: **крылатые выражения, фразы и слова, остресловия и эпические формулы** (*канатлы сoьзлер*). Особой популярностью в народе пользовались цитаты, изречения и образные выражения («*Узын соьздинъ кыскасы*» – «Коротко говоря», «*Алла берсе!*» – «Бог даст!», «*Алла айтса*!» – «Бог скажет!»). Не менее популярны в народе: **остресловия** (*тапкыр соьзлер*) – меткие слова или выражения, основанные на наблюдательности, опыте и знаниях человека; **эпические формулы** (*эпикалык формуласы, дастанлык формуласы*, *авызлама формуласы*) – рифмованные словосочетания, часто используемые в эпических произведениях по разным случаям, либо при описании главных героев и т.д. Эпические формулы могут быть короткими, состоящими из сочетания двух-трех слов («*талдай бел*» – «талия тонкая, как прутик», «*Бир хошаваз айтайым»* – «Один хошаваз расскажу») и длинными, состоящими из нескольких предложений.

3. Формульные тексты магического назначения. К ним относятся **заговоры и заклинания** (*арбавлар*) – фольклорные тексты, произносимые с целью воздействия на человека и окружающий его мир (явления и объекты природы). Заговоры имели непосредственную связь с древней практикой колдовства, которая сопровождалась всевозможными действиями (манипуляциями) с различными предметами и т.д.: (Инф. Б.А. Карасов, 1926 г.р. ПЗ 2004 г., КЧР, г. Черкесск):

Кайна, боза, кайна, боза,	Пенься, буза, пенься, буза,
Кайнап-тасып ойна, боза.	Вскипая, выливаясь, бурли, буза,
Шапшак толып писил, боза.	Наполняйся в кадушку, буза.

По убеждению ногайцев, сила заговора заключалась в слове и времени их произнесения. К заговорам примыкают **благопожелания** (*алгыслар*) и **проклятия** (*каргыслар*). Благопожелания – фольклорные тексты, основанные на вере человека в магическую силу слова, возможность с ее помощью положительно воздействовать на человека и на его судьбу. Учитывая широкий спектр использования благопожеланий в народном быту, можно предложить следующую условную их классификацию: благопожелания – соболезнования, религиозные, приуроченные к хозяйственной деятельности, любовные, свадебные, напутственные. Исполняются благопожелания и в настоящее время, например, во время проведения родильной обрядности и усыпления ребенка произносятся следующие слова: «*Уйкла, балам, йылама, Аллах сени йылатпа-*

сын, уйклаганынъ тыныш болсын, яхшылык сага бар болсын» («Спи, дитя, не плачь, пусть Аллах тебя не заставит плакать, пусть сон твой будет спокойным, пусть у тебя будет добро»). Напутственные благопожелания говорили во время проводов девушки из родительского дома («*Кыз узатув той*»): «*Бар, бар, балам, бар, бар, балам, барганда йолынъ болсын, ай, балам, барган еринъде бактынъ ашылсын»* («Иди, дитя мое, иди, пусть будет добрым путь, дитя мое, пусть ждет тебя счастливая судьба») [3, с. 435]. Благопожелания говорили и во время проведения других обрядов свадебного цикла (встреча невесты в доме родителей жениха («*келин йыйган той*»). Религиозные благопожелания можно отнести к разряду напутственных: «*Алла сени сакласын*!» («Да хранит тебя Аллах!»).

Проклятия (*каргыслар*) – заклинания, основанные на убеждении в их способность нанести вред комунибудь и чему-нибудь, то есть в них выражены негатив и зло. Ногайские проклятия, как и любые афористические тексты, отличаются краткостью и лаконичностью мысли, семантической значимостью содержания, яркостью, образностью поэтического языка, ритмичностью текстов. Как и благопожелания, проклятия могли звучать в разных жизненных ситуациях, могли иметь разную тематику и содержание. Наиболее древними были проклятия, обращенные к богам и тотемным животным. Наиболее распространенными же в народе считаются любовные проклятия, чаще относящиеся к женской исполнительской традиции: «*Экевимизди айырганнынъ, коьзи шыксын айланып»* («Кто нас разлучил, тот пусть ослепнет»).

В проклятиях нашли отражение вся многовековая динамика религиозных воззрений и представлений народа – от политеистических, космогонических и эсхатологических – до монотеистических («*Алла соксын*!» – «Чтоб тебя ударил Аллах!»), («Алла бермесин!» – «Пусть Аллах не дает!»). Широко использовались проклятия в похоронных причитаниях и т.н. «корильных» свадебных песен. Широко использовались проклятия в похоронных причитаниях и т.н. «корильных» свадебных песен: «*Кудaнъ сенинъ кум есин, твой сват пусть песок ест*» («Кудагыйынъ ув ишсин, сваха твоя пусть выпьет яд»). Подобные тексты не содержали негатива, а носили скорее карнавально-шуточный характер, вызывали всеобщий смех, поднимали настроение присутствующим, создавали непринужденную праздничную атмосферу.

Композиционные структуры благопожеланий и проклятий бывают: одночастные, однокомпонентные, содержащие единственное пожелание – позитивное (в благопожелании) и негативное (в проклятии): «*Хайырын коьрме!»* («Чтоб ты не видел добра!»), «*Ясырганынъ янынънан шыксын*!» («Что спрятала, пусть выйдет из души!»). Благопожелания и проклятия, являясь самостоятельными жанрами, все же часто присутствовали в других жанрах, приобретая прикладной характер, могли иметь стихотворные и прозаические тексты. Они же являлись неотъемлемой частью свадебного фольклора (обычно благопожелания), естественным компонентом причитаний, календарно-обрядовых песен и знахарских (шаманских) магических текстов.

Обращения с просьбами (*тилеклер)* были адресованы (направлены) к мусульманским и тенгрианским богам (*Аллаху, Кудаю, Тангри, Умай*) [1, с. 118]:

Явын берсин Тенгирим.	Пусть Тенгри даст нам дождь.
Кара тана сояйым,	Заколю черного бычка,
Оьпке минен бавырын	Легкие его с печенью

Алып сага кояйым.	Я отложу для тебя.
Аслыгымыз коьп болсын,	Пусть будет у нас много зерна,
Курсагымыз ток болсын.	Пусть будут сыты наши животы.

Обращались ногайцы и к тотемному животному волку [4, с. 134]:

Тилекке кулак ас.	Прислушайся к просьбам (моим – *Б.К.*)
Кылышым тот болсын,	Пусть сабля моя не заржавеет,
Кардашым ят болсын.	Пусть родич мой не зачерствеет.

Величания (*мактавлар*) обычно звучат во время свадебной обрядности (восхаления невесты): «*Кийгени аьруьвимнинъ ал шугадай, оьз теньининъ касында каршыгадай» («*Одежда нашей красавицы из алого сукна, среди своих сверстниц она как ястреб») [9, с. 114]. Во все времена ногайцы прославляли имя известного полководца Чингиз-хана (родом из найманского племени): «По данным Т. Акманбетова, когда *эбия* (повитуха) приходила принимать роды в любой ногайский дом, она говорила: «*Минсиз аруак эс этсин, элдинъ тилегине, кет-бугадай ул тувсын халктынъ наьсибине!» («*Пусть *аруак* (дух предков – *Б.К.*) прислушается к просьбам людей, пусть как Кет-Буга сын родится для благополучия народа!») [5, с. 372]. Величания могли быть приурочены к поминкам отдельных выдающихся личностей и народных героев.

Итак, благопожелания, величания, проклятия относятся к фольклорным жанрам, основанным на вере людей в магию слова. Они могут быть небольшими по объему прозаическими выражениями, и довольно развернутыми стихотворными текстами; могут носить прикладной характер, являясь составной частью свадебного, родильного и причетного фольклора (благопожелания, проклятия, величания), календарных и земледельческих песен и др.

4. К формульным текстам дидактического характера относятся **назидания** (*акыл уьйретуьвлер*), которые нередко получали жанровые воплощения в пословицах и поговорках: «*Айтканга ынанма, акылынъа келсе ынан*» («Верь не тому, что сказано, а тому, что пришло на ум»), «*Сыйласанъ, сый коьрерсинъ*» («Если умеешь уважать других, и сам заслужишь уважение»), «*Толмаска куйма, тоймаска берме*» («Не лей туда, где не наполняется, не давай тому, кто не наедается»).

5. Потешные тексты, социализирующие детей – формульные тексты развлекательно-воспитательного характера, используемые в детской среде. К ним относятся **скороговорки** (*янъылтпалар*) – рифмованные стихотворные тексты с усложненной артикуляцией, придумываемые взрослыми для обучения красивой речи (для тренировки четкого произношения слов и фраз), что обусловливает их прикладной характер. Читаются скороговорки в быстром темпе, обычно содержат аллитерации и рифмы.

К жанрам детской паремии примыкают **считалки** (*санамаклар*), **жеребьевки** (*сайлавлар*), **дразнилки** (*эркелевлер*) и **насмешки** (*козымалар*). Все они наделены множеством функций: подготовка детей к совместному общению (развлечениям, играм), расширение кругозора и т.д. Их развлекательно-активизирующее предназначение обусловило манеру громкого и энергичного исполнения. В рифмованных стишках дети высмеивают всё то, что ими воспринимается как негативное (лень, безделие, жадность и пр.) [6, с. 22].

Таким образом, малые жанры повествовательного фольклора ногайцев можно рассматривать как целостную систему, жанроопределяющими признаками которых являются: бытовое назначение; характер исполнения и общность поэтической системы.

К малым жанрам повествовательного фольклора ногайцев относятся многочисленные формульные тексты, которые по бытовому назначению объединены нами в пять групп:

– репрезентирущие формульные тексты, основанные на народных знаниях и представлениях;
– транслирующие формульные тексты - устойчивые в народе оригинальные формульные тексты;
– формульные тексты магического назначения;
– формульные тексты дидактического характера;
– потешные тексты, социализирующие детей.

Функциональные назначения малых фольклорных жанров: репрезентация признаков разных объектов и явлений окружающей действительности; трансляция (в том числе и межпоколенная) культурно-исторического опыта народа; образовательная; воспитательная; развивающая; развлекательная и т.д.

Их объединяющими чертами являются поэтические средства выразительности (поэтическая система): краткость и лаконичность изложения, формульность, метафоричность и устойчивость текстов, общенародность бытования.

Каждая эпоха создавала свои жанры и их варианты, вкрапливала в тексты новые средства художественной выразительности, внося, таким образом, в них свои корректировки. Распространены паремические жанры в народе и в настоящее время.

Литература

1. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 172 с.

2. Завьялова Е.Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение: фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук: науч. журнал Московского гуманитарного ун-та. М., 2013. № 2. С. 187 – 193.

3. Канкошев А.М., Канкошева Ф.М. Свадебные благопожелания у адыгов-черкесов и ногайцев // Ногайцы XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – грядущему: (Мат-лы Второй междунар. науч.-практ. конф.). Черкесск, 2016. С. 434 – 437.

4. Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья: Опыт мифологического словаря. М.:Голос-Пресс, 2012. 422 с.

5. Капаев И.С. Исторические личности в ногайском фольклоре // Ногайцы XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – грядущему: (Мат-лы Второй междунар. науч.-практ. конф.). Черкесск, 2016. С. 368 – 373.

6. Карданова Б.Б. Как, как, каргалар (сборник). Черкесск, 1989. 41 с. (на ногайском яз.).

7. Коьзясым нур болсын [Пусть слеза станет лучом]: Причитания / Запись, сост., предисл. Т.С. Акманбетова. Махачкала, 2009.

8. Никитина Т.Г. Народная примета в лексикографическом отображении // Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б.А. Ларина / отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. СПб., 2010. С. 102 – 108.

9. Ногай халк йырлары [Ногайские народные песни] / запись С. Калмыковой, А. Сикалиева; сост. С. Калмыковой. М., 1969. 216 с. (На ногайск. яз.).

References

1. Gadzhieva S.Sh. Ocherki istorii sem'i i braka u nogajcev: XIX – nachalo XX v. M.: Nauka, 1979. 172 s.

2. Zav'jalova E.E. Primety kak fol'klornyj zhanr: opyt sistematizacii. Znanie. Ponimanie. Umenie: fundamental'nye i prikladnye issledovanija v oblasti gumanitarnyh nauk: nauch. zhurnal Moskovskogo gumanitarnogo un-ta. M., 2013. № 2. S. 187 – 193.

3. Kankoshev A.M., Kankosheva F.M. Svadebnye blagopozhelanija u adygov-cherkesov i nogajcev. Nogajcy XXI vek: Istorija. Jazyk. Kul'tura. Ot istokov – grjadushhemu: (Mat-ly Vtoroj mezhdunar. nauch.-prakt. konf.). Cherkessk, 2016. S. 434 – 437.

4. Kapaev I.S. Nogajskie mify, legendy i pover'ja: Opyt mifologicheskogo slovarja. M.:Golos-Press, 2012. 422 s.

5. Kapaev I.S. Istoricheskie lichnosti v nogajskom fol'klore. Nogajcy XXI vek: Istorija. Jazyk. Kul'tura. Ot istokov – grjadushhemu: (Mat-ly Vtoroj mezhdunar. nauch.-prakt. konf.). Cherkessk, 2016. S. 368 – 373.

6. Kardanova B.B. Kak, kak, kargalar (sbornik). Cherkessk, 1989. 41 s. (na nogajskom jaz.).

7. Ko'zjasym nur bolsyn [Pust' sleza stanet luchom]: Prichitanija. Zapis', sost., predisl. T.S. Akmanbetova. Mahachkala, 2009.

8. Nikitina T.G. Narodnaja primeta v leksikograficheskom otobrazhenii. Mezhkafedral'nyj slovarnyj kabinet imeni prof. B.A. Larina. otv. red. A.S. Gerd, E.V. Purickaja. SPb., 2010. S. 102 – 108.

9. Nogaj halk jyrlary [Nogajskie narodnye pesni]. zapis' S. Kalmykovoj, A. Sikalieva; sost. S. Kalmykovoj. M., 1969. 216 s. (Na nogajsk. jaz.).

Kardanova B.B., Candidate of Art Criticism (Ph.D.), Associate Professor,
KCHOOO "Union of Composers of Russia",
Gagua L.A., Senior Lecturer,
U.J. Aliyev Karachay-Cherkess State University

NOGAI FOLK PAREMIA: GENRE AND STYLE ASPECTS

Abstract: the article examines the original genres of Nogai oral folk art (paremia), which have not received proper scientific coverage in modern folklore. Insufficient knowledge of many aspects of small folk genres of the people actualizes the topic of this work. The purpose of the study is to consider the genre composition of the Nogai paremia and their stylistic attribution. Research objectives: 1) to define the principles of systematization and develop a classification of small genres of narrative folklore of the Nogais; 2) to introduce into scientific circulation the folk terminology of paremic genres; 3) to consider their typological and national features; 4) to identify the everyday relevance of their use; 5) to identify the social significance and functional conditionality. It is noted that the small genres of Nogai folklore represent an integral system, the genre-defining features of which are: everyday purpose; the nature of performance and the generality of the poetic system. Numerous formulaic texts are attributed to small genres of narrative folklore of the Nogais, which, taking into account their everyday purpose, are grouped into five groups: representative formulaic texts based on folk knowledge and ideas; broadcasting formulaic texts – original words and expressions stable in the people; texts of magical purpose; texts of a didactic nature, etc. Each paremic genre contains one or more household functions: representative, broadcasting, educational, educational, developing, entertaining. The poetic means of expressiveness (poetic system) of genres include: brevity and conciseness of presentation, formality, metaphoricity, stability of texts, the commonality of existence.

Keywords: paremia, small genres, narrative folklore, function, timing, Nogais

Гагуа Л.А., старший преподаватель,
Койлубаева М.С.,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Дж. Алиева

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ КАРАНОГАЙЦЕВ

Аннотация: в статье рассматриваются эпические жанры музыкального фольклора караногайцев: богатырских сказов (*бaьтир йырлар*) и лиро-эпических дестанов (*ашыклык дестанлар*), историко-эпические песни (*тарих-эпикалык йырлар*) и героико-эпические песни (*йигитлик йырлар*). Проблема неравномерной сохранности и неизученности ногайского эпоса является актуальной и в настоящее время. Целью статьи является рассмотрение локальных и этнических стилевых признаков в музыкально-эпических традициях караногайцев. Задачами исследования определены: 1) выявление сохранившихся жанров и внутрижанровых групп в данной фольклорной традиции; 2) рассмотрение стилевых особенностей эпических жанров; 3) определение соотношения этнических и локальных признаков в данной локальной эпической традиции. В научный оборот введены полевые материалы, собранные Б.Б. Кардановой и авторами статьи, в местах компактного проживания ногайцев – в республиках Дагестан и Чечня. Выявляется, что наличие общеногайских стилевых черт обусловлено зарождением эпических жанров в ранний исторический период – эпоху проживания субэтноса в единой (этнородственной) культурной среде. Диалектные (локальные) стилевые черты эпоса сформированы в постмиграционный период, в условиях территориальной и культурной изоляции караногайцев от других ногайских субгрупп.

Ключевые слова: караногайцы, богатырские сказы, лиро-эпические дестаны, исторические, героические, стилевые признаки

Караногайцы – субэтническая группа тюркоязычной народности, проживающая на территории Северного Кавказа (в республиках Чечня и Дагестан) – сформировали локальный музыкально-фольклорный стиль, в котором произошло смешение этнического (традиционного фольклора), регионального (сформированного под влиянием соседних культур). Особое место в музыкально-поэтическом фольклоре караногайцев занимает богатейший эпос – богатырские сказания и лироэпические дестаны, широко бытовавшие у всех ногайских субгрупп. Наши наблюдения показывают, что при относительной изученности богатейшего фольклорно-эпического наследия народа, его этническая и локальная специфики, музыкальный компонент ещё не были объектом специального рассмотрения. Сбором, историко-этнографическим и литературоведческим осмыслением эпических текстов занимались ведущие отечественные ученые XIX-XXI столетий: В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, М. Османов, П.А. Фалёв, А.-Х.Ш. Джанибеков, А.И-М. Сикалиев [8], Т.А. Акманбетов, Ф.А. Кусегенова [3], Ю.И. Каракаев, Э.Ю. Каракаева [3] и др. К немногочисленным публикациям, в которых рассматриваются музыкальные аспекты ногайского эпоса, можно отнести статьи Б.Б. Кардановой [4, 5], З.З. Агагишевой [1], в которых даются некоторые сведения о строении поэтических текстов и

музыкальном компоненте эпоса, особенностях исполнительских традиций ногайцев Северного Кавказа. В статьях Б.Б. Кардановой «Музыкальное воплощение ногайских эпических сказов» [4], «Музыкальный компонент ногайского эпоса» [5] и др. характеризуются эпические жанры, типы интонирования, ритмическая организация и принципы их формообразования. В статье З.З. Агагишевой «Музыкальный эпос народов Дагестана» ногайские эпические жанры рассматриваются в сравнении с эпосом других народов Дагестана. Однако все перечисленные публикации не дают нам целостного представления о локальной специфике ногайского эпоса, что актуализирует тематику данной работы.

К эпическим жанрам мы относим произведения, в основе которых лежит повествовательное начало, последовательное изложение сюжета. При типологической общности, эпические произведения, распространенные у караногайцев имеются некоторые жанровые и стилевые отличия от других ногайских групп. Так, к примеру, у кубанских, румынских и крымских ногайцев и др. также распространены богатырские сказания *(баьтир йырлар)* и лиро-эпические дестаны *(ашыклык дестанлар), а* у астраханских ногайцев сохранились такие эпические жанры, как *хошавазы* и исторические песни *(таварх йырлар).*

Наиболее полно у караногайцев сохранились богатырские сказания (героические поэмы), возникшие в период формирования ногайской народности – в XIV вв. и лиро-эпические дестаны, возникшие в XVI-XVII вв. Богатырские сказания сохранились в относительно полных версиях (*«Эдиге», «Мамай», «Эр-Таргын», «Копланлы-батыр», «Шора-батыр»*). Их можно разделить на 2 подгруппы. Главные герои первой подгруппы (т.н. дружинного эпоса) являются членами одной родовой семьи Эдиге. В них описываются события, связанные с жизнью правящего класса, восхваляются и идеализируются конкретные исторические личности. Все богатырские сказания содержат основные признаки эпических жанров: наличие документального историзма, их сюжетную канву составляет единая цепь повествований о конкретном человеке. Герои второй подгруппы являются выходцами из простого народа, который они и олицетворяют и чьи интересы они защищают. Как правило, эти герои наделены необычными качествами (сверхсилой, позволяющей противостоять врагам и т.д.

Лироэпические дестаны *(ашыклык дестанлар)* возникли стадиально позже богатырского эпоса – в XVI-XVIII вв. До настоящего времени у караногайцев сохранились варианты дестанов «Карайдар и Кызыл-Гуль», «Тахир и Зухра», «Бозйигит» и др. Их сюжетной канвой служат конфликты молодых влюбленных с патриархальным обществом, социальными предрассудками того времени. В отличие от богатырских сказаний, в дестанах отсутствуют идеи социальной и национально-освободительной борьбы.

До настоящего времени эпос бытует в разных формах исполнения: устной (живом исполнении народными сказителями – *йырав*) и письменной (в печатных и рукописных сборниках, периодической печати). В современной жизни ногайцев появляются другие формы бытования эпических традиций – сценическое исполнение (т.н. фольклоризм) и стилизация (сочинения современных песенников, народных и профессиональных поэтов, написанные в традиционном эпическом стиле). Истоки этих форм бытования восходят к эпико-сказительским традициям средневековых ногайских поэтов-йырав, когда в степных районах Северного Кавказа, как и в других ногайских регионах проживания ногайцев, процветали крупные центры «вокальной» поэзии (Нижнее Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ, Азов, степные районы Крыма, Северо-

Западное Причерноморье и др.) [8]. Имена многих сказителей-поэтов прошлого дошли до наших дней в литературных источниках и народном фольклоре: Сыбра йырав, Шал-Кийиз Тиленшиулы, Кутан Аргун улы, Асан Кайглы, Йииренше Шешен, Ормамбет, Досмамбет Азаулы, Казтуган и др. Все они обладали феноменальной памятью, владели искусством слова, пения и игры на музыкальных инструментах (домбре или кылкобыз). Ногайские сказители были основными исполнителями эпических произведений, нередко их авторами. Так, по утверждению исследователей, Сыбра йырав является автором сказаний «Эдиге», «Эр-Таргыл», а поэты более позднего периода – Фахруддин Абушахман улы и Арслан Шабан улы Караев являются авторами лироэпического дестана «Карайдар и Кызыл-Гуьл», бытующего в народе в статусе фольклорного произведения, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные варианты напевов этого произведения, записанные Б.Б. Кардановой от разных ногайских информантов.

Богатырские сказания и дестаны ногайцев представляют собой сложную систему, вобравшую в себя стилевые черты разных жанров – от повествований (*толгав),* обрядовых причитаний (*бозлав)*, проклятий (*каргыс*), хвалебных од (*мактав*), до жанров более позднего исторического периода – биографических и исторических (социальных) песен.

В богатырских сказаниях и дестанах преимущественно используются два традиционных вида стиха – короткий и длинный. Короткий, семисложный, стих состоит из двух полустиший (4+3) («*Шора-Батьтир*») [7]:
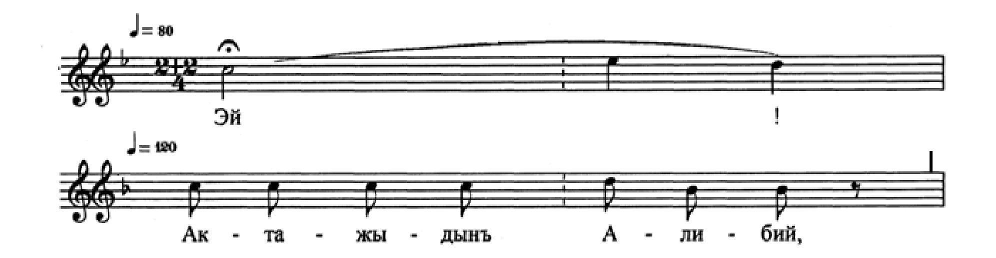
Ак/та/жы/дынъ / А/ли/-бий	Актажия Алибий,
Ат /бе/ли/не /ми/нген /бий,	Бий, который сидит на лошади,
Ат /бе/ли/не /ми/нгеш/ те,	Пока сидишь на лошади,
Ы/лав/ а/ла /шы/ккан /бий,	Необузданный вышел бий,
Ы/лав/ а/ла /шы/ккаш /та,	Когда вышел необузданный разлад.
Э/лдинъ/ ше/ти /На/рик /деп,	В конце страны живет Нарик,
Карт /На/ри/кке /ке/лген /бий	К нему пришел бий,
4 3	

Длинный стих (11-14) развился из короткого путем удвоения одного из полустиший (4 + 4 + 3): *«А/кта/жы/дынъ /А/ли/би/йи/ ке/лди /деп».*

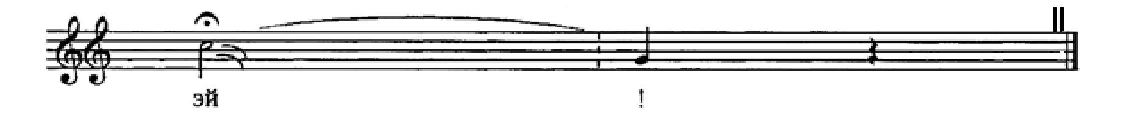
4 4 3

При отсутствии рифмы в стихах используются разные средства (аллитерации и др.).

Эпические тексты караногайскими сказителями исполняются на определенные ритмоинтонационные клише, выбор которых обусловлен местной исполнительской традицией и певческими возможностями конкретного сказителя. Важную роль в богатырских сказаниях или дестанах играют начальные возгласы («Эй!»), несущие определенную коммуникативную функцию – привлечение внимания слушателей. Такие возгласы выделяются громкой динамикой и продолжительностью звучания («*Шора-Баьтир*», нотная запись Б.Б. Кардановой):

Нередко аналогичные возласы вставляются и в конце каждого тирадного построения:

Часто при записи эпических текстов подобные асемантические возгласы фольклористами не фиксируются, а при этом они являются одним из способов трансформации (расширения) структуры поэтического текста. Обнаруживаются такие вставки только при непосредственном вокальном исполнении (речитации) эпического произведения. Подобные зачинные и конечные возгласы равно используются как при исполнении богатырских сказаний, так и лироэпических дестанов. Для сокращения стихотворной структуры караногайские сказители прибегают к элизии (выбрасыванию одной из двух соседних гласных в словах), например, вместо «*куь/лте/ а/лып*» произносят «*куьлт /а/лып*» (выбрасывается гласная «е» в первом слове).

Отмеченные выше стилевые атрибуты эпических жанров эпические исполнительские традиции караногайских сказителей содержат этнические признаки, характерные для аналогичных традиций других ногайских субгрупп.

К локальному признаку данной традиции можно отнести мужскую практику исполнения эпических произведений, в отличие, к примеру, от кубанских ногайцев, у которых дестаны и отдельные богатырские сказания («Шора-батыр», «Бозйигит», «Карайдар и Кызыл-Гуль», «Тахир и Зухра») исполняют не только мужчины, но нередко и женщины (но исключительно в узком кругу слушателей).

К другой особенности караногайского стиля относится обязательное исполнение эпического произведения под домбровое сопровождение. Такая форма исполнения эпоса связана с многовековым развитием инструментальной музыки всего тюркского Мира, которая в тесной связи с устным фольклором обусловила появление синкретической формы музицирования (рассказ с игрой) [2, с. 119].

В настоящее время в караногайских селениях (Чечни и Дагестана) эпические сказания и дестаны помнят и исполняют отдельные талантливые певцы-сказители, стараясь максимально точно сохранить и воссоздать исполнительские традиции народа.

К эпическим повествовательным жанрам караногайского фольклора нами отнесены песни (*йырлар*), возникшие в более позднее историческое время. К ним относятся историко-эпические и героико-эпические песни. По тематическим признакам Б.Б. Карданова выделяет следующие группы исторических песен:

- песни о борьбе древненогайских племен с монгольскими завоевателями за независимость в XIII в. (почти не сохранились);

- песни о борьбе ногайского народа за консолидацию и становление единой ногайской государственности в XI-XVI веках;
- песни о разделении единого Союза племен на древние родственные народы в XV в.;
- песни о борьбе народа в XVI-XVIII веках с внешними врагами: на востоке – с джунгарами (калмыками), на западе – с кызылбасами (персами);
- песни о переселениях в Турцию в конце XVIII-XIX веков (*маажир йырлар*);
- песни о революциях и войнах XX в. (гражданской, Великой Отечественной).

Следует отметить, что у караногайцев, в отличие от других ногайских регионов, сохранились песни, отражающие почти все перечисленные группы.

Кик видим, данная классификация позволяет рассмотреть (воплощенные в специфически художественные формы) основные вехи трагической истории ногайского народа. Помимо эстетической значимости, эти песни имею определенную научную ценность, так как в них сохранилась информация о конкретных исторических событиях (времени, географии, конкретных исторических личностях), часто отсутствующая в документальных источниках. От караногайских информантов в разные годы были записаны такие песни, как «*Ногайым*!» – «Мой ногайский народ» (об исторических событиях XVII в.), «*Турк патшасы*» – «Турецки султан» (мухаджирская песня – о событиях XIX в.), «*Каплан-Герей*» (песня-плач о герое Финской войны) и др. По объему текстов исторические и героические песни меньшие эпических сказаний и дестанов. Героями исторических песен являются не отдельные личности, а весь ногайский народ, в героико-эпических песнях описываются подвиги известных и безвестных воинов. Обе жанровые группы излагаются в форме мерного повествования, а их эмоциональный настрой близок песням-плачам («*Турк патшасы*»):

Аьр калада нешеси мынъ ногайлар,	В каждом городе тысячу ногайцев,
Вай, кырылып толган уллы тогайлар.	Сыновей степей теперь убивают.
Суьеклерин туьрклер ювмай атканлар,..	Трупы турки выкидывают…

В караногайской эпической традиции присутствуют этнические и локальные признаки (компоненты). Первая группа признаков формировалась в ранний исторический период – эпоху проживания караногайцев в едином культурном пространстве с другими ногайскими субгруппами и этнородственными народами (до XVII в.). Вторая (локальная) группа признаков сформирована в постмиграционный период, в условиях их территориальной и культурной изоляции от других ногайских субгрупп (после XVII в.). Сохранению в эпических жанрах традиционной атрибуции (этнического субстрата) и отсутствию в них региональных (общекавказских) элементов, способствовало проживание в неродственной этнокультурной среде.

Таким образом, эпический пласт музыкального фольклор караногайской субэтнической группы представлен четырьмя жанровыми группами: богатырскими сказаниями, лиро-эпическими дестанами, историко-эпическими и героико-эпическими песнями. Во всех эпических жанровых преимущественно используются традиционные для общеногайской поэтики виды стиха (короткий и длинный); исполняются эпические произведения караногайскими сказителями под домбровое сопровождение.

Эпические традиции караногайцев имеют этнические (общеногайские) и локальные компоненты, отличные от других ногайских традиций. Общеногайские компоненты сформированы в период их проживания

в едином культурном пространстве с другими ногайскими субгруппами, локальные компоненты приобретены в условиях территориальной и культурной изоляции от других ногайских субгрупп (после XVII в.). Процессов аккультурации и ассимиляции в фольклорно-эпической традиции караногайцев не обнаружено, что обусловлено их языковой и культурной «консервацией» (по Гумилеву) в окружении многочисленных кавказских народов региона.

Литература

1. Агагишева З.З. Музыкальный эпос народов Дагестана // Проблемы изучения музыки эпоса: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции (19-23 апр. 1988 г.) / Ред.-сост.: Р.Ф. Зелинский. Клайпеда: б. и., 1988. С. 31 – 33.

2. Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 544 с.

3. Каракаев Ю.И., Каракаева Э.Ю. Лексика дестана «Шара-батыр» (джанибековский вариант) // Гуманитарные науки в регионах России: наследие, современные тенденции и проблемы: Мат-лы Всерос. науч. конф. Карачаевск, 2011. Ч. 1. С. 271 – 275.

4. Карданова Б.Б. Музыкальное воплощение ногайских эпических сказов // Эдиге: Ногайская эпическая поэма. М.: Наука, 2016. С. 429 – 435.

5. Карданова Б.Б. Музыкальный компонент ногайского эпоса // Международная научно-практическая конференция «Ногайские эпосы и феномен Мурын жырау». Актау: Типография КГУТИ, 2014. С. 169 – 173.

6. Кусегенова Ф.А. Ногайские дастаны: национальная специфика, межэтнические и фольклорно-литературные взаимосвязи. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. 244 с.

7. Полевая запись Кардановой Б.Б. 1988 г. в с. Малый Арал Республики Дагестан. Инф. Даулетов И. А., 1916 г.р.

8. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск: издательство «Адыгея», 1994. 328 с.

References

1. Agagisheva Z.Z. Muzykal'nyj jepos narodov Dagestana. Problemy izuchenija muzyki jeposa: tezisy dokladov i soobshhenij nauchno-prakticheskoj konferencii (19-23 apr. 1988 g.). Red.-sost.: R.F. Zelinskij. Klajpeda: b. i., 1988. S. 31 – 33.

2. Amanov B.Zh., Muhambetova A.I. Kazahskaja tradicionnaja muzyka i XX vek. Almaty: Dajk-Press, 2002. 544 s.

3. Karakaev Ju.I., Karakaeva Je.Ju. Leksika destana «Shara-batyr» (dzhanibekovskij variant). Gumanitarnye nauki v regionah Rossii: nasledie, sovremennye tendencii i problemy: Mat-ly Vseros. nauch. konf. Karachaevsk, 2011. Ch. 1. S. 271 – 275.

4. Kardanova B.B. Muzykal'noe voploshhenie nogajskih jepicheskih skazov. Jedige: Nogajskaja jepicheskaja pojema. M.: Nauka, 2016. S. 429 – 435.

5. Kardanova B.B. Muzykal'nyj komponent nogajskogo jeposa. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Nogajskie jeposy i fenomen Muryn zhyrau». Aktau: Tipografija KGUTI, 2014. S. 169 – 173.

6. Kusegenova F.A. Nogajskie dastany: nacional'naja specifika, mezhjetnicheskie i fol'klorno-literaturnye vzaimosvjazi. Mahachkala: IPC DGU, 2007. 244 s.

7. Polevaja zapis' Kardanovoj B.B. 1988 g. v s. Malyj Aral Respubliki Dagestan. Inf. Dauletov I. A., 1916 g.r.

8. Sikaliev A.I.-M. Nogajskij geroicheskij jepos. Cherkessk: izdatel'stvo «Adygeja», 1994. 328 c.

Gagua L.A., Senior Lecturer,

Koylubaeva M.S.,

U.J. Aliyev Karachay-Cherkess State University

GENRE-STYLE AND REGIONAL FEATURES OF THE EPIC TRADITIONS OF THE KARANOGAI PEOPLE

Abstract: the article examines the stylistic features of the early epic genres of musical folklore of the Karanogai people: heroic tales (batir yyrlar) and lyric-epic destans (ashyklyk destanlar). The problem of uneven preservation and study of the Nogai epic is still relevant today. The purpose of the article is to consider local and ethnic stylistic features in the musical and epic traditions of the Karanogai people. The objectives of the study are defined: 1) identification of preserved genres and intra-genre cycles in this folklore tradition; 2) consideration of stylistic features of epic genres; 3) determination of the ratio of ethnic and local characteristics in this local epic tradition. The field materials collected by B.B. Kardanova and the authors of the article were introduced into scientific circulation in the places of compact residence of Nogais - in the republics of Dagestan and Chechnya. Typological features, performing traditions, ethnic and local features of the epic music are revealed. It is noted that the presence of all–Chinese stylistic features is due to the emergence of epic genres in the early historical period - the era of the residence of a subethnos in a single (ethnically related) cultural environment. Dialect (local) stylistic features of the epic were formed in the post-migration period, in the conditions of territorial and cultural isolation of the Karanogai people from other Nogai subgroups.

Keywords: Karanogai, heroic tales, lyric-epic destanies, historical, heroic, stylistic signs

Вохина А.Н.,
Псковский государственный университет

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В РЕЧИ МОЛОДЕЖИ: МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ

Аннотация: в статье освещается актуальная проблематика антропоцентрической номинации в современном молодежном сленге, где особенно активно протекают процессы обновления языка. Объектом исследования стали наименования лиц женского пола, отобранные в статьях и монографиях по молодежному сленгу, на интернет-сайтах и форумах, в живой речи молодежи. Выделяются группы наименований на основе анализа их мотивировочных признаков. При этом расширяется и детализируется классификация наименований, представленная в Семантическом словаре на материале литературного языка. По наполнению рубрик классификации сделаны выводы об актуальности мотивационных характеристик наименований женщин для современной молодежи. Наиболее объемной стала группа лексики, обозначающей женщин по физическому состоянию, особенностям поведения, свойствам характера. Среди обозначений женщин по профессии самыми многочисленными оказались наименования вузовских преподавателей и школьных учителей. На основе результатов анализа делаются выводы о связи оценочного характера наименований женщин с тенденциями в сфере маскулинности и фемининности в обществе.

Ключевые слова: русский язык, молодежный сленг, способы номинации, наименования женщин, тематическая классификация лексики, мотив наименования, мотивировочный признак

В последнее время лингвистами активно изучаются проблемы, связанные с отображением взаимоотношения полов на языковом уровне, широкое распространение получила гендерная лингвистика.

Гендерные исследования сосредоточены на культурных и социальных факторах, которые определяют отношение общества к мужчинам и женщинам, различия в поведении и в языке в зависимости от половой принадлежности. Первые регулярные исследования в отечественной лингвистике по этой тематике стали проводиться в конце 80-х – начале 90-х годов (И.Г. Овчинникова, Ю.Н. Караулов, Е.Б. Пенягина, А.В. Кирилина, В.В. Нестерова, Е.Горошко и др.). В этих работах наименования лиц женского пола получили обозначение «феминизмы» или «феминитивы» – лексические и фразеологические наименования, объединённые значением ‘лицо женского пола’.

В последние годы изучение феминитивов сосредоточено в основном в сфере территориальных диалектов [1, 2], литературного русского языка [3] и европейских языков и жаргонов [4-5], тогда как русскому молодежному сленгу при этом уделяется недостаточно внимания, хотя этот лексический пласт является наиболее подвижным и экспрессивным.

Цель данной статьи – системное описание наименований лиц женского пола, функционирующих в современной речи российской молодежи, в аспекте их номинативной мотивации. Источниками материала послужили словари молодежного сленга, статьи и монографии по проблемам жаргонологии, а также записи

устной речи молодежи г. Пскова и Санкт-Петербурга (2015-2022 гг.), материалы молодежных интернет-сайтов и форумов.

В «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой [6] номинанты со значением *'лицо', 'человек'* представлены в виде многоуровневой макросистемы, насчитывающей 15 тысяч наименований и имеющей до двенадцати ступеней членения, что свидетельствует о чрезвычайно сложной организации и функциональной актуальности данной макросистемы.

На всех ступенях иерархического членения макросистемы «Человек» представлены феминитивы. Лексикографические данные свидетельствуют, что запас феминитивов в современном русском языке очень богат, разнообразен и динамичен. Наряду с ушедшими, уходящими и активно функционирующими наименованиями лиц женского пола постоянно появляются новые. Активно пополняют запас феминитивов различного типа сленгизмы, появляющиеся прежде всего в устной речи молодежи и в текстах средств массовой информации.

Н.Ю. Шведова выделяет несколько подгрупп феминитивов по их мотивировочному признаку: наименования по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию; по интеллектуально-эмоциональному состоянию, свойству, качеству и их проявлению; по личным, родственным, семейным отношениям, связям; по профессии, специальности, роду занятий; по отношению к расе, национальности, а также к территории, к местожительству.

Опираясь на классификацию Н. Ю. Шведовой, детализируя и дополняя ее, мы можем представить лексико-семантическую группу наименований лиц женского пола в молодежном сленге следующим образом.

Обозначения женщин по физическому, физиологическому состоянию, особенностям поведения, свойствам характера:

1. По возрастным характеристикам мы выделили следующие группы наименований:

Девушка, молодая женшина: *бикса, бэби, герла, герлуха, кадра, кадришка, клюшка, коза, лялька, ляля, мартышка, матрёшка, метёлка, мучача, овца, сестрёнка, соска, тёлка, чикса, чувиха, чувишка* и др.

Женщина средних лет**:** *женьшень, крокодил, тетка.*

Женщина пожилого возраста: *клюшка, кочерыга, олдуха, олдушка.*

2. По особенностям поведения, свойствам характера:

Доступная девушка: *бикса, бляха, бублик, жвачка, мочалка, пепельница, профура, раскрутка, станок, стелька, чикса, чита, шалашовка, швабра, шмара, шмонь.* В данной группе встречаются сленговые единицы, имеющие различные семантические приращения. Их сложно объединить по значению, но в целом они отражают особенности поведения доступных девушек: *барракуда* – 'охотница за мужчинами'; *вешалка* – 'распутная, развратная женщина, пристающая к мужчинам'; *выпендра* – 'женщина, которая ведёт себя с мужчинами заносчиво, спесиво, вызывающе'; *зажигалка* – 'активная, темпераментная женщина'.

3. По физическому, физиологическому состоянию:

По росту: высокая девушка – *глиста (в скафандре, во фраке*); невысокая: *говорящая голова* (преподавательница небольшого роста, которую не видно из-за кафедры), *ксявка, мася.*

По полноте: худая девушка: *балалайка, велосипед, вешалка, плоскодонка, стиральная доска, тоща, худобзда*; толстая девушка: *бычка, котлета, лайба, скотобаза*; девушка с большой грудью: *басатая, дойка, сива, шайба*.

4. По половому состоянию, по отношению к деторождению:

- девственница: *ангел, агу, витамин «Ц», запечатанная, первочка, целина, целинка, целяк, цилиндр необкатанный*;
- неопытная: *слива зелёная, тыква*;
- беременная: *залётная, заряженная, с кузовом, с икрой, накачанная*;
- после аборта: *залётчица*;

5. По образу жизни, по отношению к вредным привычкам привычкам:

- курильщица: *пепельница*;
- некурящая девушка: *раритет*;
- алкоголичка: *буханка, коза мочёная, пиянистка, промокашка, синька, синячка, уквашенная*;
- наркоманка: *задвига, кислотница, марафетчица*,

Наименования женщин по интеллектуально-эмоциональному состоянию, по личным и другим качествам, отношениям:

1. По собственно способностям, таланту, уму наименования объединены в следующие группы:

Глупая девушка, женщина: *быдло, бычка, гыга, дурцинея, задрота, клава, клумба, коза, курица, мумина, петунья, сова, тундра, фефёла, чипка, шанель номер пять.*

Умная девушка, женщина: *ботанка, крутышка (преуспевающая), рюхачка.*

2. По личным, родственным, семейным отношениям, связям:

Мать: *мазер, маман, мамик, мамахен, мамашка, матрёна, маха, махан, мутер, паханка, ханочка*.

Жена (немаркированное по смыслу понятие передается здесь, как правило, словами с ярко выраженной отрицательной коннотацией): *котлета, кувалда, обезьяна, паранджа, половинник, присоска, прищепка, самовар, швабра, щеколда*.

Любовница: *дрючка, кадра, кошка, лемура, факуха, френда, фрэндуха, хорек.*

Подруга: *балалайка, закадыка, лялька, подружаха, подруганка, подра.*

Сожительница: *заноза, хавалка, хмара.*

Любимая девушка: *лемура, мармеладка, матильда, хризантема*.

Наименования женщин по профессии,

специальности, роду занятий

1. Преподавательница. Эта подгруппа феминитивов представлена как общими наименованиями (*препода, преподша*), так и многочисленными обозначениями преподавательниц по их специальности, преподаваемому предмету: ОМЗ (Основы медицинских знаний) – *омэзэшка*; генетики –*хромосома*; зарубежной литературы – *зарубка*; методики русского языка (МРЯ) – *мряшниuа, мляшница*; современного русского языка (СРЯ) – *сряшница*; языкознания – *языкознанка, языкозлиха,* язычница; физиологии – *лягушка*. В среде школьников функционируют свои наименования: классная руководительница: *классуха, клаша, скрипка;* ди-

ректор школы: *бабуля*; учительница: *мастачка, тыча, указка, чира*. Учителя-предметники также получили наименования по преподаваемому предмету или каким-то понятиям, темам, терминам, относящимся к данному предмету – учительница русского языка: *руссачка, руссичка, русалка, синекдоха, точка;* биологии: *амеба, биолошадь* (крупная, физически сильная), *семядоля, сурепка, тычина, тычинка, хромосома;* математики: *биссектриса, мастачка, матеша, матешка;* истории: *истеричка*; МХК (мировая художественная культура): *эмхэкачка, эмхэкичка;* ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности): *обэжучка*; химии: *мензурка, молекула, пробирка, селитра, химера, химоза;* физики: *шизичка*; физкультуры: *физручка;* пения*: пеша, пешка.* В речи школьников зафиксированы также наименования старосты – *старуха*; воспитательницы – *воспитка, воспитуха, питка.*

2. Наименования представительниц других профессий представлены одиночными лексемами: певица – *сингерша*; кондуктор в городском транспорте – *попрошайка*, *стюардесса*; официантка – *халдейка*.

3. Феминитивы, отражающие принадлежность девушки к какой-либо неформальной группировке, зафиксированные нами, это: *байкерша*, *гопа (гопачка, гопница*), *грета* (панк.), *жаба* (панк.), *хиппица, мать* (пост-хиппи), *кислотница* (рейв) и др.

Такой разветвленной и многоуровневой оказалась тематико-мотивационная классификация феминитивов в речи молодежи. В каждой подгруппе наименований женщин выделяются общие и частные наименования, которые подразделяются на более мелкие лексические ряды. По их наполнению можно делать выводы об актуальности мотивационных характеристик для носителей русского языка – представителей молодого поколения.

Так, наиболее обширной и сложной по структуре в исследуемой лексике оказалась группа, обозначающая лиц женского пола по физическому, физиологическому состоянию, особенностям поведения, свойствам характера.

Среди обозначений лиц женского пола по профессии, по специальности, роду занятий самыми многочисленными оказались подгруппы, включающие наименования вузовских преподавателей и учителей, причем, окрашенные либо шутливо-иронически, либо еще более негативно.

Многие феминитивы и других тематических групп отражают негативное отношение к женщинам. Этот феномен, видимо, можно объяснить традиционной установкой на преобладание маскулинности в обществе (ср.: *слабый пол* – наименование женщин), хотя, как утверждают социологи [7-8], усилившаяся в последние годы маскулинизация женщин выступает источником ослабления мужского начала в обществе. Средства передачи эмотивно-оценочных коннотаций в наименованиях лиц женского пола могут быть выявлены в ходе анализа способов образования этих лексических единиц, что входит в перспективный план нашего исследования.

Литература

1. Милютина Ю.В. Структурно-семантические особенности наименований лиц женского пола в брянских диалектах // Университет на пути к новому качеству науки и образования: Национальная научно-практич. конфер. Брянск: Брянский государственный университет, 2020. С. 30 – 35.

2. Бояринова Л.З. Формирование морфемной структуры имен существительных – наименований лиц женского пола (на материале смоленских говоров) // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2018. С. 48 – 51.

3. Иванова И.С. Наименования лиц женского пола в современном русском языке // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции SWorld. Одесса: Научный мир, 2010. Т. 25. № 1. С. 6 – 7.

4. Астанкова Т.П. Структурно-семантическая характеристика наименований лиц мужского и женского пола в американском сленге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 552. С. 16 – 32.

5. Насибуллаева Э.Р. Наименование лиц женского пола по профессии в английском языке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 77 – 81.

6. Русский семантический словарь: в 6 т. / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. Институт русского языка, 2002.

7. Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика. 2018. № 5. С. 16 – 20.

8. Рябикина З.И., Хозяинова П.М. Отсутствие мужчины в семье, как осложненная жизненная ситуация, обусловливающая маскулинизацию женщины // Личность в трудных жизненных ситуациях: ресурсы и преодоление. Материалы Международной научно-практической конференции. Омск: Омский государственный университет, 2018. С. 93 – 95.

References

1. Miljutina Ju.V. Strukturno-semanticheskie osobennosti naimenovanij lic zhenskogo pola v brjanskih dialektah. Universitet na puti k novomu kachestvu nauki i obrazovanija: Nacional'naja nauchno-praktich. konfer. Brjansk: Brjanskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 30 – 35.

2. Bojarinova L.Z. Formirovanie morfemnoj struktury imen sushhestvitel'nyh – naimenovanij lic zhenskogo pola (na materiale smolenskih govorov). Aktual'nye problemy russkoj dialektologii: Materialy mezhdunarodnoj konferencii. M.: Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 2018. S. 48 – 51.

3. Ivanova I.S. Naimenovanija lic zhenskogo pola v sovremennom russkom jazyke. Sbornik nauchnyh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii SWorld. Odessa: Nauchnyj mir, 2010. T. 25. № 1. S. 6 – 7.

4. Astankova T.P. Strukturno-semanticheskaja harakteristika naimenovanij lic muzhskogo i zhenskogo pola v amerikanskom slenge. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2008. № 552. S. 16 – 32.

5. Nasibullaeva Je.R. Naimenovanie lic zhenskogo pola po professii v anglijskom jazyke. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2015. T. 1 (67). № 3. S. 77 – 81.

6. Russkij semanticheskij slovar': v 6 t. pod obshh. red. N.Ju. Shvedovoj. M.: RAN. Institut russkogo jazyka, 2002.

7. Churkina N.A. Maskulinnost' i feminnost' v sovremennom obshhestve: sostojanie, tendencii transformacii. Sociodinamika. 2018. № 5. S. 16 – 20.

8. Rjabikina Z.I., Hozjainova P.M. Otsutstvie muzhchiny v sem'e, kak oslozhnennaja zhiznennaja situacija, obuslovlivajushhaja maskulinizaciju zhenshhiny. Lichnost' v trudnyh zhiznennyh situacijah: resursy i preodolenie. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 93 – 95.

Vokhina A.N.,
Pskov State University

NAMES OF FEMALE PERSONS IN THE SPEECH OF YOUNG PEOPLE: MOTIVATIONAL SIGNS

Abstract: the article highlights the topical issues of anthropocentric nomination in modern youth slang, where the processes of language renewal are particularly active. The object of the study was the names of female persons selected in articles and monographs on youth slang, on Internet sites and forums, in the live speech of young people. Groups of names are distinguished based on the analysis of their motivational features. At the same time, the classification of names presented in the Semantic Dictionary based on the material of the literary language is expanded and detailed. According to the content of the classification headings, conclusions are drawn about the relevance of the motivational characteristics of women's names for modern youth. The most voluminous group of vocabulary has become, designating women according to their physical condition, behavioral characteristics, and character traits. Among the designations of women by profession, the most numerous were the names of university and school teachers. Based on the results of the analysis, conclusions are drawn about the relationship of the evaluative nature of women's names with trends in the field of masculinity and femininity in society.

Keywords: the Russian language, youth slang, methods of nomination, names of women, thematic classification of vocabulary, motive of naming, motivational feature

Кучерявая Ю.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Кубанский государственный университет

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «РОДИНА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме выявления семантики лексических единиц, составляющих концептосферу «родина» в русском языке. Особый интерес данная проблематика представляет в контексте развития патриотического воспитания молодежи и текстов современных средств массовой информации, посвященных различным аспектам патриотизма. Цель статьи заключается в выявлении методом лингвосемантического анализа лексическую структуру концептосферы «родина» на материале текстов современных средств массовой информации. В рамках эмпирического исследования была применена методология, основанная на системном подходе и включающая в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, сопоставление, обобщение); а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, метод семантического анализа, лексико-грамматический анализ, лингвокультурный анализ. В рамках проведенного исследования были получены следующие результаты: концептосфера «родина» семантически пересекается с концептосферой «счастье», что приводит к замкнутой системе смыслов; в рамках концептосферы «родина» наибольшую частотность в русском языке имеют лексические единицы, связанные с концептами «семья», «любовь», «род», «народ»; среднюю частотность имеет комплекс лексических единиц, связанных с концептами «друзья», «работа», «успех»; наименьшую частотность – наименее слабую семантическую связь имеет комплекс лексических единиц, связанных с концептами «государство», «власть», «администрация». Автор пришел к выводу о том, что концептосфера «родина» в русском языке имеет доминирующий смысл семьи и единства народа (как языковой группы), и крайне слабо связан с семантикой государственной власти. Концептосфера «родина» представляет собой комплекс лексических единиц, имеющих архетипический характер и позитивную коннотацию.

Ключевые слова: лингвокультурология, концептосфера, родина, русский язык, семантический анализ

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что развитие методов семантического анализа в современной филологии и лингвистике позволяет выявлять особенности практически каждого понятия, имеющего полисемантическое значение. К такого рода языковым категориям относится концептосфера «родина», включающая в себя несколько групп смежных концептов [2, с. 30]. В самом общем виде семантический анализ – это процесс извлечения смысла из текста. Данный метод позволяет понимать и интерпретировать предложения, абзацы или целые документы, анализируя их грамматическую структуру и определяя отношения между отдельными словами в определенном контексте. Метод доказал свою эффективность применительно к полисемантическим формам, в частности – в анализе концептосферы как лингвистического феномена.

Концептосфера является одним из ключевых понятий в когнитивной лингвистике. Это свод знаний, который состоит из концептов, обобщающий различные знания внешнего мира, организующий мыслительные картины, схемы, символы, понятия, фреймы, сценарии, гештальты (сложные комплексные образы внешнего мира), пропозиции, существующие в виде абстрактных значений.

Термин концептосфера впервые в науку ввел академик Д.С. Лихачев. Согласно данному определению, «концептосфера – это совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка» [6, с. 4]. И концепты, и концептосфера – ненаблюдаемые ментальные сущности.

Термин «концепт» чаще всего используется в рамках лингвистических исследований. Однако данное понятие также широко используется не только в философии и культуроведении, но и достаточно широко в лингвокультуроведении, лингводидактике, теории перевода, этнопсихолингвистике.

Степень изученности темы в настоящее время достаточно высока, поскольку исследованию концептосферы как научной проблемы посвящено большое количество работ как отечественных, так зарубежных литературоведов и критиков. Особый интерес представляют работы таких авторов, как А.Е. Бажанов [1], Е.В. Бринюк [2], Е.М. Игнатова [3], Г.А. Кажигалиева [4], И.И. Кафтан [5], которые рассматривают концептосферу как сложную структуру, содержащую артефактные, природные и идеологические символические признаки.

Собственно концепт «родина» анализируется в работах таких авторов, как В.В. Колесов [6], Е.С. Пивовар [7], Е.М. Приорова, Е.П. Савченко Е.П., Е.М. Фильчакова [8], М.Г. Церцвадзе [9].

Результаты эмпирических исследований, посвященных концептосфере с точеи зрения лингвокультурного подхода представлены в работах В.А. Грина [10], Т. Хельметта [11], М.О. Ибрагимовой [12], А.К. Перевозникова [13], С. Родригес [14]. Руководствуясь методиками, использованными в данных работах, мы провели собственное эмпирическое исследования семантики лексических единиц концептосферы «родина» (на примере повседневного бытового общения на русском языке).

Материалы и методы

Материалами исследования послужили 150 текстов статей современных средств массовой информации, размещаемых на официальных сайтах двух ведущих каналов: новостного портала «Московский комсомолец» и новостного сетевого издания «РИА Новости». Данные каналы были выбраны по критериям массового объема читательской аудитории и по критерию качества русскоязычных текстов информационных статей.

Сематический анализ текстов для выявления лексических комплексов концептосферы «родина» был проведен с помощью «Russian Context Optimizer» (RCO) – комплекса программ для синтаксического и морфологического анализа русскоязычных текстов. Модули лингвистического анализа включают: морфологические словари, словари графем, синтаксические правила, семантический классификатор, словари синонимов. Инструментарий разработчика представлен модулями морфологического и фактографического анализа. Используется морфологический словарь объемом до 115000 лексем. В результате были выявлены группы лексических единиц, формирующих концептосферу «родина» в исследуемых текстах.

Для дальнейшей обработки материалов было использовано программное обеспечение Neural Designer – инструмент для статистической обработки данных семантического анализа по критерию частотности лексических средств, составляющих концептосферу «родина» в исследуемых текстах.

Критерий частотности был использован для выявления связи концептосферы «родина» с комплексами лексических единиц смежных концептов. Данный критерий был оценен программой по 10-ти балльной шкале для каждого из выявленных комплексов лексических единиц.

Ранжирование связи с семантическим ядром концептосферы было проведено программой по следующему принципу: 1-3 балла – низкий уровень семантической связи, 4-6 баллов – средний уровень связи, 7-10 баллов – высокий уровень связи.

Эмпирическое исследование было проведено в три этапа: сбор текстов для анализа; семантический анализ по выявлению лексических групп; частотный анализ выявленных семантических комплексов. Эмпирическое исследование проведено с 1 марта по 30 мая 2022 года.

Результаты

По итогу проведенного исследования были получены следующие результаты:

1) Удалось установить, что концептосфера «родина» семантически пересекается с концептосферой «счастье», формируя взаимопроникновение двух концептов, что приводит к замкнутой системе смыслов, когда «родина» входит в состав концепт «счастье» и наоборот. При этом комплексы лексических единиц, находящиеся в составе двух концептов, также пересекаются, составляя связанные с семантическим ядром синонимические группы. Наглядно данный результат представлен на рис. 1.

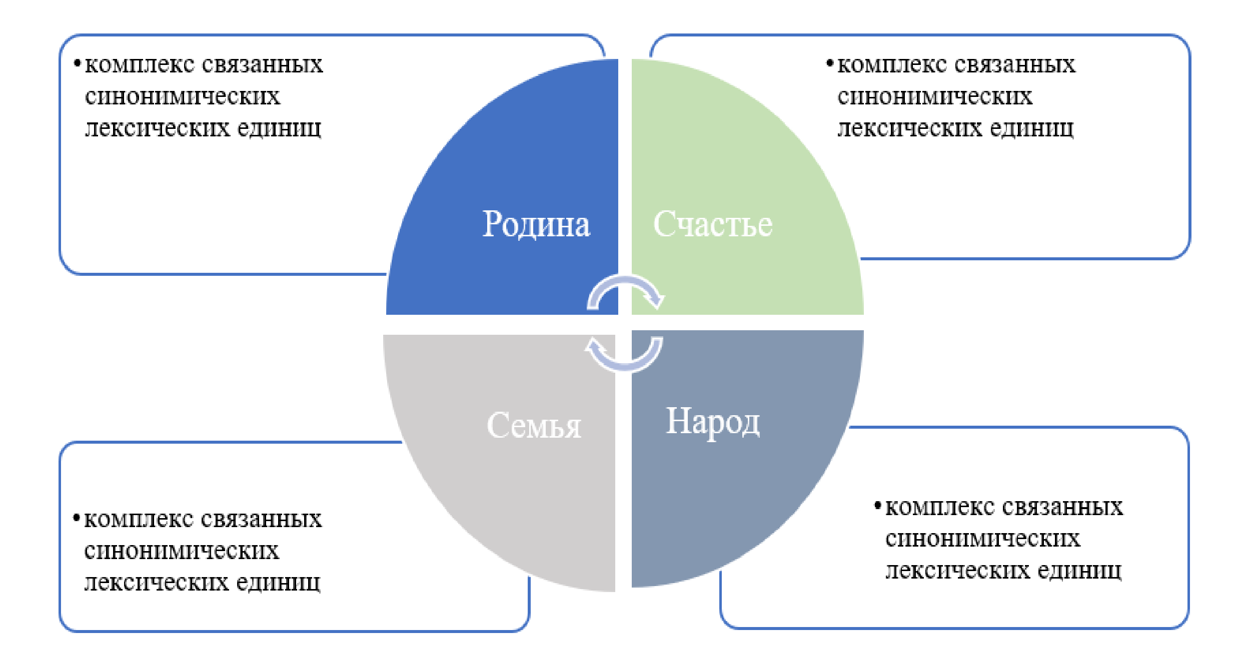

Рис. 1. Семантически связанные лексические комплексы в концептосфере «родина»
(составлено автором с помощью программы «Russian Context Optimizer»)

Как можно видеть по данным, представленным на рис. 1, концептосфера «родина» тесно связана с концептами «счастье», «семья», «народ». Каждый из концептов представлен в исследуемых текстах комплексом связанных синонимических лексических единиц.

Результаты количественного анализа представленных выше и смежных лексических комплексов представлены на рис. 2.

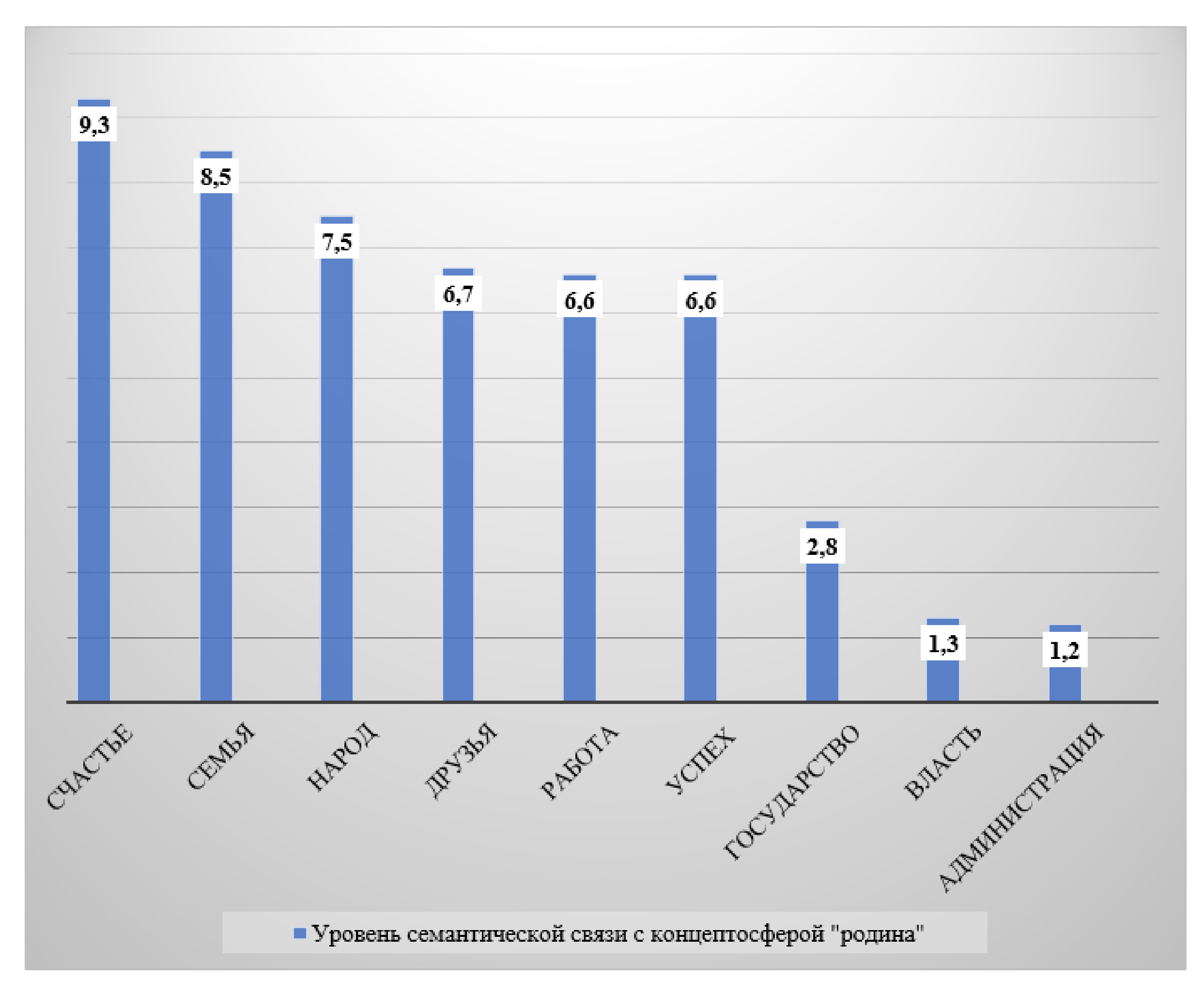

Рис. 2. Результаты оценки уровня связи концептосферы «родина» со смежными концептами (составлено автором с помощью программы Neural Designer)

Как можно видеть по данным, представленным на рис. 2, в рамках концептосферы «родина» наибольшую частотность в русском языке имеют лексические единицы, связанные с концептами «счастье», «семья», «народ» (оценка от 7 до 10 баллов). Среднюю частотность имеет комплекс лексических единиц, связанных с концептами «друзья», «работа», «успех» (оценка в 4-6 баллов).

Наименьшую частотность, то есть наименее слабую семантическую связь, имеет комплекс лексических единиц, связанных с концептами «государство», «власть» и «администрация». Полученные результаты доказывают, что для русского человека понятие «родина» шире, чем просто лояльность политическому режиму, власти и администрации. Интересным также представляется результат, показывающий самую сильную связь с концептом «счастье», то есть русский человек не может представить себе полноценной жизни вне своей родины.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Концептосфера «родина» в русском языке имеет доминирующий смысл семьи и единства народа (как языковой группы), и крайне слабо связан с семантикой государственной власти. Это означает, что концептосфера «родина» в современном русском языке не включает в себя те смыслы, которые относятся к государству (политическому режиму, партиям и т.п.). Концептосфера «родина» представляет собой комплекс лексических единиц, имеющих архетипический характер и позитивную коннотацию.

2. Проведенный анализ также показал, что в русском языке основная связь между концептами «родина» и «счастье» составляет замкнутую семантическую систему, состоящую из комплексов синонимических лексических единиц, связанных с семантическими ядрами обоих концептов. Проведенное исследование подтвердило тезисы некоторых исследователей, о том, что концепт «родина» входит в состав концепта «счастье» и наоборот. Уровень взаимопроникновения двух концептов, на наш взгляд, является одним из перспективных направлений будущих лингвистических исследований.

Литература

1. Бажанов А.Е. Концептогенез и концептосфера // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2. С. 75 – 85.

2. Бринюк Е.В. Особенности раскрытия концепта «родина» средствами креолизованного текста в учебном издании по русскому языку как иностранному // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 29 – 37.

3. Игнатова Е.М. Место концепта «Родина» среди культурных концептов // Языковое бытие человека и этноса. 2018. № 2. С. 3 – 10.

4. Кажигалиева Г.А. Национальная концептосфера и проблема формирования межкультурной компетентностиа // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2. С. 149 – 161.

5. Кафтан И.И. Артефактные, природные и идеологические символические признаки в структуре концепта счастье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. № 3. С. 798 – 804.

6. Колесов В.В. Концепты «природа», «родина», «народ» в русском языковом сознании // Политическая лингвистика. 2019. № 2. С. 3 – 15.

7. Пивовар Е.С. Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // Русистика. 2019. № 2. С. 243 – 254.

8. Приорова Е.М., Савченко Е.П., Фильчакова Е.М. Концепт «родина» в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4. С. 159 – 164.

9. Церцвадзе М.Г. Концепт «Родина» в разносистемных языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 7. С. 217 – 220.

10. Green V.A. Concepts in linguocultural space. Postmodern linguistics. 2022. Vol. 4. P. 33 – 49.

11. Helmett L. Development of new philology in the new millennium. Oxford University Press. 2022. 188 p.

12. Ibragimova M.O. The specificity of the paremias, verbalizing the concept of «Motherland» in the Rutul and Russian concept spheres. Language and Text. 2019. Vol. 6 (1). P. 57 – 61.

13. Perevoznikova A.K. The «rodina» concept as a component of the national image of Russia in the Russian language picture of the world. Concept Philosophy Religion Culture. 2019. Vol. 1 (9). P. 54 – 61.

14. Rodriguez S. Classification of semantic units of the concept «homeland» in Spanish. Linguistic and philological studies. 2022. Vol. 4. P. 17 – 29.

References

1. Bazhanov A.E. Konceptogenez i konceptosfera. Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2016. № 2. S. 75 – 85.

2. Brinjuk E.V. Osobennosti raskrytija koncepta «rodina» sredstvami kreolizovannogo teksta v uchebnom izdanii po russkomu jazyku kak inostrannomu. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2018. № 3. S. 29 – 37.

3. Ignatova E.M. Mesto koncepta «Rodina» sredi kul'turnyh konceptov. Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa. 2018. № 2. S. 3 – 10.

4. Kazhigalieva G.A. Nacional'naja konceptosfera i problema formirovanija mezhkul'turnoj kompetentnostia. Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2016. № 2. S. 149 – 161.

5. Kaftan I.I. Artefaktnye, prirodnye i ideologicheskie simvolicheskie priznaki v strukture koncepta schast'e. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 3. S. 798 – 804.

6. Kolesov V.V. Koncepty «priroda», «rodina», «narod» v russkom jazykovom soznanii. Politicheskaja lingvistika. 2019. № 2. S. 3 – 15.

7. Pivovar E.S. Kljuchevoj koncept kak strukturirujushhee nachalo jazykovoj kartiny mira u belorusov i russkih. Rusistika. 2019. № 2. S. 243 – 254.

8. Priorova E.M., Savchenko E.P., Fil'chakova E.M. Koncept «rodina» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 4. S. 159 – 164.

9. Cercvadze M.G. Koncept «Rodina» v raznosistemnyh jazykah. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 7. S. 217 – 220.

10. Green V.A. Concepts in linguocultural space. Postmodern linguistics. 2022. Vol. 4. P. 33 – 49.

11. Helmett L. Development of new philology in the new millennium. Oxford University Press. 2022. 188 p.

12. Ibragimova M.O. The specificity of the paremias, verbalizing the concept of «Motherland» in the Rutul and Russian concept spheres. Language and Text. 2019. Vol. 6 (1). P. 57 – 61.

13. Perevoznikova A.K. The «rodina» concept as a component of the national image of Russia in the Russian language picture of the world. Concept Philosophy Religion Culture. 2019. Vol. 1 (9). P. 54 – 61.

14. Rodriguez S. Classification of semantic units of the concept «homeland» in Spanish. Linguistic and philological studies. 2022. Vol. 4. P. 17 – 29.

Kucheryavaya Yu.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuban State University

SEMANTICS OF LEXICAL UNITS OF THE CONCEPTOSPHERE «MOTHERLAND» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: the article is devoted to the actual problem of identifying the semantics of lexical units that make up the concept sphere «motherland» in the Russian language. This issue is of particular interest in the context of patriotic education development for young people with modern media texts devoted to various aspects of patriotism. The research goal is to identify the lexical structure of the neutrosphere «motherland» by the method of linguo-semantic analysis on the material of the texts of modern mass media. As a part of the empirical study, a methodology was applied based on a systematic approach and including the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, comparison, generalization); as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the topic of research, the method of semantic analysis, lexical and grammatical analysis, linguistic and cultural analysis. As part of the study, the following results were obtained: the concept sphere «motherland» semantically intersects with the concept sphere «happiness», which leads to a closed system of meanings; within the framework of the «motherland» concept sphere, lexical units associated with the concepts «family», «love», «clan», «people» have the highest frequency in the Russian language; the complex of lexical units associated with the concepts «friends», «work», «success» has an average frequency; the least frequency – the least weak semantic connection has a complex of lexical units associated with the concepts of «state», «power», «administration». Thus, the author came to the conclusion that the concept sphere «motherland» in the Russian language has a dominant meaning of the family and the unity of the people (as a language group), and is extremely weakly connected with the semantics of state power. The concept sphere «motherland» is a complex of lexical units that have an archetypal character and a positive connotation.

Keywords: linguoculturology, concept sphere, motherland, the Russian language, semantic analysis

Ныгметова Б.Д., кандидат филологических наук, ассоциированный профессор,
Павлодарский педагогический университет, Республика Казахстан,
Ергалиев К.С., кандидат филологических наук, ассоциированный профессор,
Павлодарский педагогический университет, Республика Казахстан,
Авазбакиева Ф.Р., кандидат филологических наук, и.о. доцента,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРЫ В МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация: статья посвящена выявлению семантических особенностей метеорологической метафоры в немецком и русском языках на основе их анализа. Данное исследование представляет значительный интерес, так как имеет выход в практику обучения иностранным языкам. Прежде чем приступить к обучению языку, необходимо сравнить не только системы родного и изучаемого языков, но и обслуживаемые ими культуры, каждая из которых имеет свои особенности.

В процессе межкультурного общения культуроносным является каждое слово, так как восприятие объекта, обозначенного этим словом, основывается на разных ассоциациях. В метафорах отражается национальное своеобразие истории, культуры, образа жизни народа. Ценной представляется попытка авторов выделить и описать употребительные на современном этапе развития языков метеорологические метафоры немецкого и русского языков. Как раз в области лексики наиболее ярко проявляется культуроносная функция языка и зависимость между культурой и языком, которая для лингвистов всегда была очевидной и бесспорной.

Ключевые слова: метафора, семантический аспект, языковая картина мира, экспрессивность

На современном этапе развития большое внимание в лингвистике уделяется проблеме исследования метафоры. При этом она рассматривается как явление человеческого мышления и языка, как средство познания и описания окружающей действительности. Благодаря метафоре «неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым» [2, с. 185].

Создание метафоры связано с концептуальной системой носителей языка, с их типичными представлениями о мире. Метафора рождается в результате взаимодействия объектов окружающего мира и некоторых представлений, основанных на эмоциях, жизненном опыте человека, впечатлениях, наблюдениях. Следовательно, метафора является своеобразным средством перехода от представлений, знаний и эмоций к языковому значению.

Вслед за ученым-лингвистом Ш.Балли мы утверждаем, что «мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под

влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сближает их в одном слове» [1, с. 221].

Метафора представляет интерес для исследователей-лингвистов также и тем, что она соизмеряет действительность с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей. Таким образом, человек стоит в центре этого процесса соизмерения: ветер *стонет*, небо *плачет*, погода *вносит коррективы*, зима *развеселилась* и т.д. Напрашивается вывод, что метафора антропометрична и метафорическое переосмысление окружающего мира присуще только человеку, значит, явление метафоры следует воспринимать как процесс понимания человеком самого себя.

Известный немецкий лингвист Г.Шпербер установил семантический закон, следуя которому предмет, представляющий особый интерес в данном коллективе, постепенно становится центром «метафорной экспансии», то есть источником аналогий при описании других предметов. Естественно, экспансия метафоры в разные виды дискурса не осталась незамеченной и стала толчком для расширения сферы ее изучения.

Нам представляется интересным исследование метеорологической метафоры в связи с ее возможной экспрессивностью. Итак, мы проанализировали метеорологические метафоры на материале русского и немецкого языков. Для более глубокого проникновения в структуру языка сегодня стало актуально применение сопоставительного анализа, который позволяет лучше понять закономерности и особенности изучаемых явлений, полнее изучить и осмыслить своеобразие каждого из исследуемых языков.

Однако следует заметить, что специфические черты семантики одного народа, отличающие его язык от всех других языков, образуют не целостную картину, а лишь отдельные фрагменты мировидения. Поэтому мы можем утверждать, что языковая картина мира представляет собой совокупность национально-специфических отображений в языке отдельных фрагментов. Мы можем также говорить о существовании в каждом языке уникального единого и непрерывного семантического пространства, на фоне которого можно понять и оценить специфичность того или иного фрагмента. Лингвист А.Марти говорил, что «картиной мира … можно было бы назвать как сумму всего языкового содержания, сумму значений …, так и репрезентацию этих значений посредством внутренних форм, т.е. совокупность используемых в языке сравнений и образов. Именно при сравнении одного языка с другим выявляются какие-либо несоответствия, обнаруживаются лакуны, либо связанные с культурно-историческими и этнографическими лакунами, либо объясняемые языковой спецификой внутренних форм» [3, с. 244].

Сферы, откуда черпаются метафоры, используемые для описания погодных явлений, состояния природы, можно разделить на несколько категорий. В первую очередь, это явления человеческой жизни, окружающего мира, образующие постоянный источник метафоризации: человеческий организм, отношения с окружающими, флора, фауна и т.д. Далее следуют такие семантические группы как «война», «спорт», «медицина», «игра».

Употребление метафоры в метеосообщениях преследует задачу выражения экспрессивности и оценки передаваемой информации. Использование понятной, привычной для слушателя/читателя языковой конструкции является признаком принадлежности его к данному обществу, культуре.

В ходе нашего исследования подтверждается общепризнанный факт о том, что в современном языке журналистов/комментаторов большое значение имеют антагонистические источники метафор, прежде всего, военного характера.

На войне есть люди, которые берут на себя ответственность за совершаемые боевые действия. Противостояние является ключевым понятием военного менталитета. Война ведется на *фронтах,* которые *двигаются, смещаются* в определенных направлениях, *усиляя* или *ослабляя* свои позиции. Здесь уместны различные стратегии и тактики: *наступление, атака, оккупация* и т.д. Все данные характеристики войны отражены в следующих метеорологических метафорах: *На Южном Урале погодой командует циклон. На западе ему противостоят антициклоны* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 30.06.2021). *В центре России атмосферные фронты передвинутся на восток* (ТК Россия-РТР, Вести, 20.09.2021). *Schneemassen haben heute Deutschland okkupiert* (ZDF, Wetterbericht, 5.09.2021). *Наступление холодного циклона обещает жителям прибрежных районов отнюдь не теплые денечки* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 22.08.2022). *«Бабье лето» сегодня немного сдало свои позиции* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 20.09.2021). *В Дагестане ветер усилит свои позиции* (ТК Россия-РТР, Вести, 20.09.2021).

Используя милитарную метафору при описании погодных условий, комментатор-синоптик старается вызвать у слушающего те представления о состоянии погоды, которые часто связывают с концептом «война» – состояние приближающейся опасности, неопределенного времени.

В языке казахстанских и российских журналистов, комментирующих прогноз погоды, мы выявили следующие виды употребления метафор: *Погода отдыхала всю зиму, а теперь отыгрывается* (ТК Россия-РТР, Прогноз погоды, 25.01.2022). Здесь мы наблюдаем метафорические переносы из области-источника «физическое состояние человека» (отдыхать) и области-источника «игра» (отыгрываться). Данное описание характеризует резкое изменение погодных условий (похолодание, выпадение обильных осадков) в отличие от предыдущего периода «теплой зимы».

Погода предстает перед нами как некое *существо***,** которое может *капризничать.* Данная характеристика прослеживается в следующих метеорологических метафорах: *Погода стала более капризной* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 3.07.2022). *Капризы погоды можно наблюдать практически на всех континентах* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 23.07.2022). *Свои «причуды» погода проявила и на западе страны* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 18.06.2022). Данные сообщения с компонентом «каприз» нацелены на предупреждение слушающего о необычности погоды, а тем самым на неопределенность развития метеорологических условий в дальнейшем. Выражение «капризы погоды» существуют во многих языках, и смысл его сводится к следующему: «это не совсем обычные сочетания метеорологических условий, складывающиеся время от времени в том или ином уголке планеты и своей неожиданностью или своеобразием вызывающие наше удивление, а иной раз и озабоченность».

В немецком сообщении речь идет о снегопаде – неожиданном явлении для периода сентября: *Das Wetter hat uns schon wieder gewundert* (ZDF, Tagesschau, 4.09.2021) – *Погода нас снова удивила.*

Однако необычность погоды – понятие относительное. Например, выпадение снега в начале марта в России – привычный факт, но накануне Международного Женского дня он нежелателен: *Неприятный сюрприз преподнесла погода в Приморье к 8 Марта: ветер и снегопад* (ТК Россия-РТР, Новости, 7.03.2021).

Погода как некое *существо* может находиться в состоянии гнева, ярости: *Погода словно взбесилась…*(ТК Россия-РТР, Прогноз погоды, 2.03.2021). *Снежная вьюга бушевала сегодня в Германии* (ТК Россия-РТР, Прогноз погоды, 6.09.2021). *Погода в Приуралье неистовствует* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 2.03.2021). *Ветер бушевал несколько дней на побережьи Средиземного моря* (ТК Россия-РТР, Прогноз погоды, 21.04.2021). Употребленные глаголы несут негативную семантическую окраску. Использование данных метафорических единиц позволяют комментатору аппелировать на эмоциональное состояние слушающего, предупреждая его об опасности погодных условий.

Погоде свойственно переживать *перепады настроения: Солнце расщедрилось, согревая своими лучами* (ТК Россия-РТР, Прогноз погоды, 3.03.2021). *На Байкале погода нахмурилась* (ТК Россия-РТР, Прогноз погоды, 3.03.2021). *Природа явно обиделась: еще вчера – яркое солнце, а уже сегодня утром – дождь и ветер* (ТК НТВ, Прогноз погоды, 22.08.2021). Итак, вышеперечисленные метафорические сдвиги совершались из области-источника «состояние человека».

В следующих сообщениях: *Снежная эпидемия, похоже, захватила весь Приморский край* (ТК Россия-РТР, 12.02.2020) и *Непрерывные дожди на Урале стали бельмом фермеров и крестьян. Полевые работы встали, затруднен выезд на пастбища* (НТВ, Новости, 26.04.2021) происходит перенос знаний из области-источника «медицина» (*эпидемия, бельмо*) в область-мишень «погодное явление».

Очень часто в метеосообщениях встречается метафорический сдвиг знаний из семантической группы «спорт», например: *Непредсказуемы маневры погоды в западных регионах Забайкалья. Еще вчера там выпал обильный снег, а сегодня вдруг – дождь* (НТВ, Новости, 2.12.2021), причем слово «маневр» по определению в толковом словаре означает «ловкий прием» и может употребляться в разных сферах человеческой деятельности, однако чаще всего в области военных действий и спорта.

Снегопад, по всей видимости, взял тайм-аут, но сколько продлится затишье, неизвестно (ТК Россия-РТР, Новости, 28.11.2021) – в данном сообщении употреблен спортивный термин «тайм-аут», что означает «временная пауза».

Интересный пример содержится в следующем прогнозе погоды: *На юго-западе Сибири мы наблюдаем «эффект домино». Дождь перешел в мокрый снег, неутихающие ветра стали причиной гололеда. Температура воздуха в ближайшие сутки опустится еще ниже»* (ТК Россия-РТР, Новости, 19.11.2021). В данном примере осуществлен перенос знаний из области-источника «игра» (игра в домино предполагает автономное падение одной косточки домино за другой) со значением «следование одного нежелательного явления за другим».

Из вышеизложенного следует, что изучение семантики метеорологических метафор позволяет определять в ней наличие следующих связанных элементов:

1) начальное значение слов;

2) образ, возникающий на основе представлений этих слов;

3) новая номинация, возникающая в результате осмысления метафоры.

Семантический анализ метеорологических метафор приводит к осознанию их важности в качестве средства передачи образного цельного впечатления, а также как неизбежного явления мышления и языка. Тем самым, напрашивается вывод, что метеорологическая метафора, как и любая другая, отражает культурные ценности, так как основана на национально-специфических особенностях той или иной культуры [4].

Мы придерживаемся мнения В.Н.Телия, которая утверждает, что «метафора успешно выполняет роль призмы, через которую человек видит мир, так как метафоры проявляются национально-специфическим образом во внутренней форме языка [5].

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт РЯ РАН, 1991. 193 с.

3. Караулов Ю.Н. Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009. 336 с.

4. Nygmetova B., Mullagayanova G., Alimova S. Cognitive peculiarities of meteorological metaphor in Russian and German languages (based on material of weather forecasts) // World Applied Sciences Journal. 2013. № 27 (13 A). P. 216 – 220 // Онлайн на: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56027358500

5. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А.А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. Москва: Наука, 1986.

References

1. Balli Sh. Francuzskaja stilistika. 2-e izd., stereotipnoe. M.: Jeditorial URSS, 2001. 392 s.

2. Baranov A.N., Karaulov Ju.N. Russkaja politicheskaja metafora (materialy k slovarju). M.: Institut RJa RAN, 1991. 193 s.

3. Karaulov Ju.N. Filippovich Ju.N. Lingvokul'turnoe soznanie russkoj jazykovoj lichnosti. Modelirovanie sostojanija i funkcionirovanija. M., 2009. 336 s.

4. Nygmetova B., Mullagayanova G., Alimova S. Cognitive peculiarities of meteorological metaphor in Russian and German languages (based on material of weather forecasts). World Applied Sciences Journal. 2013. № 27 (13 A). P. 216 – 220. Onlajn na: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56027358500

5. Telija V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. otv. red. A.A. Ufimceva; AN SSSR, In-t jazykoznanija. Moskva: Nauka, 1986.

Nygmetova B.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pavlodar Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,
Ergaliyev K.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pavlodar Pedagogical University, Republic of Kazakhstan,
Avazbakiyeva F.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Assistant Professor,
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

SEMANTIC ASPECTS OF METAPHOR IN THE METEOROLOGICAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Abstract: the article is devoted to revealing the semantic features of the meteorological metaphor in German and Russian on the basis of their analysis. This study is of considerable interest, as it has access to the practice of teaching foreign languages. It is necessary to compare not only the systems of the native and target languages, but also the cultures they serve, each of which has its own characteristics. In the process of intercultural communication, every word is culturally bearing, since the perception of the object designated by this word is based on different associations. The metaphors reflect the national identity of the history, culture, way of life of the people. The authors' attempt to single out and describe the meteorological metaphors of the German and Russian languages that are used at the present stage of language development seems valuable. It is precisely in the field of vocabulary that the cultural function of language and the relationship between culture and language are most clearly manifested, which for linguists has always been obvious and indisputable.

Keywords: metaphor, semantic aspect, language picture of the world, expressiveness

Чичерова Е.А., кандидат филологических наук,

Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

АКСИОЛОГИЯ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ США

Аннотация: статья посвящена ценностной составляющей песенных текстов популярной культуры США. В сложившейся в современном мире ситуации столкновения идеологий особую актуальность приобретает комплексный и многоаспектный анализ системы ценностных ориентаций противоборствующей стороны. Популярная культура включает в себя весь спектр явлений современного общества: от средств массовой информации до кинематографа, спорта, литературы и музыки. Предметом данного исследования выступают популярные в американской культуре песни, тексты которых анализируются с целью выявления социокультурных ценностей современного общества США. Рассмотренные в статье примеры позволяют говорить о том, что современная популярная культура США отражает ценностные ориентиры представителей американского лингвокультурного сообщества. Апелляция к образам оружия и боевых действий в популярных в культурном пространстве США песенных композициях не только способствует приданию текстам стилистической выразительности, но и демонстрирует происходящие в обществе события и проблемы, имеющие первостепенную значимость для членов социума.

Ключевые слова: ценности, аксиология, песня, популярная культура, метафора, оружие

Сложившуюся в современном мире обстановку характеризует рост дезинтеграционных процессов, вызванных конфликтом идеологий и культур.

Имидж государства определяется совокупностью экономического, социального и символического капиталов. Символический капитал – это репутация общества, он находит выражение в коллективной памяти и духовной сфере общества [2, с. 16]. Ядро символического капитала культуры составляет национальная идея как система аксиологических установок социума.

Специфику самосознания, мировоззрения и национального характера как отдельных представителей этнической общности, так и всего народа в целом определяют разделяемые в пространстве культуры ценности [1, с. 14].

В ситуации столкновения идеологий особую актуальность приобретает комплексный и многоаспектный анализ системы ценностных ориентаций противоборствующей стороны.

Специфика менталитета, характер возникающих в повседневной деятельности общества проблем, желания и предпочтения представителей этнической общности, их морально-этические установки и ценности находят отражение в популярной культуре, как своеобразном «голосе народа» [4, с. 11].

Современное понимание популярной культуры, как модернизированного варианта традиционной культуры, зародилось и получило распространение в США, поскольку именно в американском обществе культурные паттерны формировались для объединения этнически разнообразного населения в единое социокультурное пространство [3, с. 140].

Популярная культура включает в себя весь спектр явлений современного общества: от средств массовой информации до кинематографа, спорта, литературы и музыки. Предметом данного исследования выступают популярные в американской культуре песни, тексты которых анализируются с целью выявления социокультурных ценностей современного общества США.

К числу наиболее дискуссионных вопросов в американском обществе относится политика государства в отношении ограничения или сохранения прав на владение оружием. Неоднократные случаи массовой стрельбы в образовательных организациях, на предприятиях и в общественных местах по всему североамериканскому континенту привели к увеличению внимания как политических деятелей, так и обычных граждан, к вопросам урегулирования оружейной политики государства.

Как отмечалось ранее, острые социальные проблемы находят отражение в популярной культуре. В исследовании журналиста Роба Митчума, проведенном на материале текстов американских песен с 1940-х годов по настоящее время, отмечается рост количества апелляций к образам оружия в произведениях популярной культуры в 21 веке [6].

Реакцией на случаи массовых убийств, участившихся в США за последние десятилетия, выступают появившиеся в популярной культуре композиции, посвященные проблеме вооруженного насилия. Приведем примеры: «*Left a hole in her heart and it still ain't done, /* ***The bullet keeps on goin'*»** («Оставило дыру в ее сердце, и это еще не конец, пуля летит дальше», – здесь и далее перевод наш. – Е.Ч. (“The Bullet”, Carrie Underwood), *«I'm still looking for my own version of America /* ***One without the gun****, where the flag can freely fly»* («Я все еще в поисках своей версии Америки / Америки без оружия, в которой фраг свободно развивается в небе» (“Looking for America”, Lana Del Rey).

В своих песнях американские поп-исполнительницы апеллируют к проблемам насилия с применением огнестрельного оружия с помощью стилистических средств выразительности. Кэрри Андервуд метафорически уподобляет угрозу повторного нападения продолжающей свой полет пуле, а Лана дель Рэй использует олицетворение для создания в сознании слушателей образа «Америки без оружия».

Широкий общественный резонанс, вызванный массовыми убийствами в школах США, в популярной культуре нашел проявление в композициях исполнителей, посвященных проблемам вооруженного насилия среди молодежи: «*Skippin' class tryin' not to get caught? / Now you gotta* ***take a test in a bullet proof vest*** */ Scared to death that* ***you might get shot»*** («Прогуливал уроки, пытаясь не попасться? / Теперь ты должен писать контрольные в пуленепробиваемом жилете / Напуганный до смерти, что тебя могут подстрелить» (“American Bad Dream”, Kane Brown).

В текстах ряда песен, появившихся как реакция на случаи скулшутинга в США (вооруженного насилия на территории образовательного учреждения, часто перерастающего в массовое убийство), повествование ведется от лица неуравновешанного подростка, угрожающего окружающим расправой: *«****Bang bang!*** */ Give me fame! /* ***Shoot me up*** *to entertain. / I am a* ***semi automatic*** */* ***Lonely boy»*** («Бах-бах / Дайте мне славы! / Подстрелите меня ради развлечения. / Я – самозарядный одинокий мальчик» (“Bang-bang”, Green Day). Аналогичная идея о психически нездоровом тинейджере, собирающемся совершить массовое убийство, заключена в композиции американской группы Foster The People «Pumped Up Kicks»: *«All the other kids with the*

pumped up kicks / You better run, better run ***outrun my gun*** */ All the other kids with the pumped up kicks / You better run, better* ***run faster than my bullet»*** («Детки в навороченных кроссовках, / Лучше бегите, бегите быстрее от моего пистолета / Детки в навороченных кроссовках, / Лучше бегите, бегите быстрее моей пули» ("Pumped Up Kicks", Foster The People). В обеих композициях создается отсылка к смертоносным характеристикам стрелкового оружия и скорости пули в качестве стилистического средства выразительности, с целью привлечения внимания общественности к проблеме вооруженного насилия среди молодежи и необходимости ее правового урегулирования [5].

Апелляции к образам стрелкового оружия и пуле как его поражающем элементе в песенном дискурсе США служат для придания выразительности текстам, посвященным борьбе человека с жизненными трудностями. Приведем пример: *«Oh,* ***let the bullets fly, oh, let them rain*** */ My life, my love, my drive, it came from... / Pain! / You made me a, you made me a believer, believer»* (Пусть летят пули, пусть обрушиваются дождем / Моя жизнь, моя любовь, мой драйв – все мне дала / Боль! / Ты заставила меня верить» ("Believer", Imagine Dragons). Автор текста, вокалист американской группы Imagine Dragons, использует прием двойной метафоризации. Уподобление жизненных трудностей летящим пулям, а пуль – льющемуся дождю позволяет придать современное звучание идее, сформулированной еще в 1888 году выдающимся философом Ф.Ницше – «То, что меня не убивает, делает меня сильнее».

В песнях, в текстах которых используется образное уподобление проблем, критики и нападок со стороны окружающих поражающему эффекту стрелкового оружия, ключевой выступает идея о терпении и стойкости духа, что позволяет выявить в них духовно-нравственные ценности, воспеваемые авторами: *«I'm criticized, but* ***all your bullets ricochet*** */ You* ***shoot me down****, but I get up»* («Меня критикуют, но все пули рикошетом отскакивают от меня, / Ты стреляешь в меня, но я поднимаюсь» ("Titanium", David Guetta feat. Sia).

В текстах американских популярных исполнителей нередко рана от применения холодного оружия и вызванный ею болезненный или смертоносный эффект уподобляется душевным переживаниям: *«Your* ***words cut deeper than a knife*** */ Now I need someone to breathe me back to life»* (Stitches, Shawn Mendes); *«You, with your* ***words like knives*** */ And* ***swords and weapons*** *that* ***you use against me»*** ("Mean", Taylor Swift).

В тексте песни американского поп-исполнителя Бруно Марса целый ряд образов, связанных с различными типами оружия, служит для характеристики высшей степени решимости молодого человека пойти на все ради возлюбленной: *«I'd* ***catch a grenade*** *for ya /* ***Throw my hand on a blade*** *for ya / I'd jump in front of a train for ya / You know I'd do anything for ya / I would go through all this pain /* ***Take a bullet straight through my brain»*** («Я бы поймал гранату ради тебя / Я бы положил руку на лезвие ножа ради тебя / Я бы прыгнул под поезд ради тебя / Ты знаешь, я все бы сделала ради тебя / Я бы прошел через всю эту боль / Позволил бы пуле вынести мне мозги» ("Grenade", Bruno Mars). Текст песенной композиции выступает примером реализации концептуальной метафоры «ЛЮБОВЬ – БОЛЬ», а готовность человека испытать на себе смертоносные характеристики оружия выступает эталоном высшей степени проявления любви.

В популярной культуре США отмечается увеличение числа апелляций к образам оружия и боевых действий в песнях исполнительниц. Данная тенденция связана с движением за расширение и уравнивание прав женщин в американском обществе [7]. Приведем примеры: *«I live for the* ***battle****, I'm a* ***soldier»*** («Я живу ради

битвы, я солдат», “The Champion”, Carrie Underwood); «*Ladies, now let's* ***get in formation***» («Девушки, вставайте в строй», “Formation”, Beyonce). В текстах представительниц прекрасного пола их жизнь в современном обществе – поле битвы, на котором женщина должна сражаться за равноправие.

Рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что современная популярная культура США отражает ценностные ориентиры представителей американского лингвокультурного сообщества. Апелляция к образам оружия и боевых действий в популярных в культурном пространстве США песенных композициях не только способствует приданию текстам стилистической выразительности, но и демонстрирует происходящие в обществе события и проблемы, имеющие первостепенную значимость для членов социума.

Литература

1. Баранова Т.Ю. Отражение системы ценностей франко-канадцев в народной песне // В сборнике: Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы IV международной научно-практической конференции: в 2-х т. 2009. С. 14 – 16.

2. Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

3. Рахимова М.В. Популярная культура США: аксиологический аспект // Система ценностей современного общества. 2008. № 3. С. 139 – 143.

4. Browne R. B. English Literature Departments as Centers of the Humanities // Popular Culture Studies Across the Curriculum. Essays for Educators. North Carolina; L., 2005. 200 p.

5. CNN [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://edition.cnn.com/2017/11/02/politics/foster-the-people-mark-foster-pumped-up-kicks-gun-violence/index.html (дата обращения: 22.10.2022)

6. Medium [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://medium.com/@Spotify/there-are-three-types-of-gun-songs-2b4c8b423ce0 (дата обращения: 22.10.2022)

7. The Atlantic [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2012/04/bang-the-long-loud-history-of-gunshots-in-music/255668/ (дата обращения: 22.10.2022)

References

1. Baranova T.Ju. Otrazhenie sistemy cennostej franko-kanadcev v narodnoj pesne. V sbornike: Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2-h t. 2009. S. 14 – 16.

2. Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2007. 288 s.

3. Rahimova M.V. Populjarnaja kul'tura SShA: aksiologicheskij aspect. Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2008. № 3. S. 139 – 143.

4. Browne R. B. English Literature Departments as Centers of the Humanities. Popular Culture Studies Across the Curriculum. Essays for Educators. North Carolina; L., 2005. 200 p.

5. CNN [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://edition.cnn.com/2017/11/02/politics/foster-the-people-mark-foster-pumped-up-kicks-gun-violence/index.html (data obrashhenija: 22.10.2022)

6. Medium [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://medium.com/@Spotify/there-are-three-types-of-gun-songs-2b4c8b423ce0 (data obrashhenija: 22.10.2022)

7. The Atlantic [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2012/04/bang-the-long-loud-history-of-gunshots-in-music/255668/ (data obrashhenija: 22.10.2022)

Chicherova E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

AXIOLOGY OF SONG LYRICS IN CONTEMPORARY U.S. POPULAR CULTURE

Abstract: the article is devoted to the value component of the song texts of popular culture in the USA. In the current situation of a clash of ideologies in the modern world, a comprehensive and multidimensional analysis of the system of value orientations of the opposing side acquires special relevance. Popular culture includes the entire spectrum of phenomena of modern society: from the media to cinema, sports, literature and music. The subject of this study is popular songs in American culture, the texts of which are analyzed in order to identify the socio-cultural values of modern American society. The examples considered in the article allow us to say that modern American popular culture reflects the value orientations of the representatives of the American linguocultural community. Appealing to the images of weapons and military operations in the popular songs not only contributes to the stylistic expressiveness of the texts, but also demonstrates the events and problems in the society that are of utmost importance to the members of society.

Keywords: values, axiology, song, popular culture, metaphor, weapons

Магомедова А.Н., доцент,
Дагестанский государственный университет

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: в настоящее время преподаватели и психологи акцентируют свое внимание на менталитет и мыслительный процесс обучающихся. По их мнению, обучающемуся не достаточно только владение знанием. В первую очередь, ему необходимо уметь рационально мыслить. Так же обучающийся должен уметь рассматривать с разных ракурсов проблему и, используя свои способности и сильные стороны, найти индивидуальные и оригинальные разрешения этих проблем.

За последние годы все происходящие преобразования, генезис и эволюция социальных, политических и экономических процессов и условий в России, оказали влияние и на развитие образования во всех учебных заведениях страны, независимо от их типа и уровня.

Эти эволюционные процессы, естественно, затронули и такую сферу образовательного процесса, как изучение английского или иного зарубежного языка. Об изучении зарубежного языка стали говорить как об одном из преимущественных дисциплин в сфере образовательного процесса молодежи.

В процессе эволюции и развития самого образовательного процесса происходит усовершенствование системы обучения иностранного языка, модернизация цели обучения языкам международного общения, меняется технология изучения языка.

Современная модель обучения, где приоритетной является ориентация на личность обучающегося, делает основную ставку на самого обучающегося, на его воспитание и образование.

Такое целенаправленное формирование языковой личности, как индивидуальности культуры, находится в центре внимания современной образовательной системы нашего государства.

Статья посвящена анализу роли главного языка международного общения в становлении и развитии мыслительного процесса обучающегося и цели его преподавания в учебных заведениях нашей страны.

Ключевые слова: английский язык, образование, учебное заведение, язык, письмо, чтение, аудирование, сознание, мышление, курс, обучение, цель, знание, воспитание, развитие

Изучение иностранного языка в школах и иных учебных заведениях преследуют несколько задач: общение, коммуникация и взаимодействие; воспитание и обучение; просвещение и образование; развитие и рост грамотности.

Одной из первых и основных задач и целей обучения любому иностранному языку является коммуникативная цель изучения зарубежного языка.

1. Коммуникативная задача и цель. Основные критерии и идеи коммуникативной задачи заложены в самой сути и специфике предмета, потому что язык и есть средство общения. И его основная роль – прием и передача информации обо всем, что происходит вокруг.

Обучаясь коммуникации на иностранном языке, нет необходимости увеличения своего кругозора познанием картины мира, но при этом у обучающихся происходит расширение своих представлений о стране изучаемого зарубежного языка, о его культуре именно сквозь призму изучаемого языка.

Сам язык, как отмечалось выше, являясь средством коммуникации, должен находиться всегда в «потребляемом состоянии», т.е., постоянно усовершенствуя знания языка, каждый должен быть готовым воспользоваться им в возникшем процессе общения.

Сама особенность дисциплины «Иностранный язык» предполагает и предусматривает усвоение и владение изучаемым зарубежным языком как предметом коммуникации, а также и умение воспользоваться изучаемым языком при возникновении любой ситуации – как в письменном виде, так и в устной форме.

Устная форма, или вид использования изучаемого языка, предполагает речь (говорение) и аудирование, т.е. восприятие.

Письменный вид употребления или использования изучаемого языка включает в себя умение читать и писать.

Всеми перечисленными нами видами коммуникаций: речью, восприятием (аудированием), письмом, чтением – обучающиеся должны владеть на достаточно высоком уровне, чтобы, при необходимости, воспользоваться языком в любой возникшейся ситуации общения.

Необходимо отметить, что среди всех перечисленных видов общения, особая и очень важная роль в системе обучения иноязычной речи остается за аудированием.

Под термином «аудирование» специалисты подразумевают понимание и восприятие на слух обучающимся иностранной речи, читаемого текста и т.д.

Аудирование можно отнести к самостоятельной речевой деятельности с собственным обоснованием и объяснением, которая выражает необходимость индивида или признак его действий.

Аудирование, т. е. прослушивание, также является довольно значительным и значимым инструментом при обучении иноязычной коммуникации, которое помогает освоить фонетическую сторону, фонематический состав и манеру и нотки изучаемого языка: ритм, ударения, мелодии.

Посредством прослушивания обучающийся усваивает языковый состав и лингвистические стороны изучаемого языка.

Специалисты в области языкознания выделяют два вида прослушивания:

- прослушивание с полным усвоением и восприятием устной речи;
- прослушивание с усвоением основного смысла и содержания услышанного.

На первоначальном этапе изучения английскому языку наибольшую ценность представляет прослушивание с полным пониманием устной речи.

В связи с тем, что аудирование находится в тесной связи с иными видами коммуникативной деятельности, прослушивание представляет особую значимость в обучении изучаемого языка международного общения при речевом направленном обучении.

В методологии преподавания языков мира в последнее время, как у нас, так и в иных странах акцентируется внимание на важность создания прослушивания или аудирования, как основного навыка для изучения иностранного языка, потому что без его мастерства языковое общение немыслимо.

Прослушивание необходимо внедрить как основной инструмент и навык уже на самой первой стадии обучения.

Студент должен уметь воспринимать произносимую словесную информацию на иностранном языке, длящейся примерно 60–90 секунд. К такой информации можно отнести любой рассказ или повествование, воспроизводимого учителем или лектором. Короткие видеоклипы с последующим обучением и прямое участие ученика в разговорном процессе тоже содействуют усвоению иностранного языка обучающимся.

Первые самые ранние стадии обучения базируются на усвоении устной и письменной речи. Освоение техники чтения, орфографии языка и лексической графики происходит, как правило, на самой начальной стадии, т. е. первый год обучения иноязычной речи.

Уже на следующем году обучения у обучающихся развивается опыт и способность индивидуального изучения и чтения рассказов, юмористических историй, повествований об исторических фактах. Такое чтение расширяет знакомство обучающихся с иностранными писателями, поэтами и другими авторами различных произведений и приобщает учеников к культуре, а также к сфере жизни подростков страны изучаемого языка.

Отчетливая и эффектная речь представляет собой довольно многосторонний и очень сложный механизм, который помогает реализовать потребность словесной коммуникации с прослушиванием.

В основе словесного произношения мысли лежит само сознание, и любая мыслительная деятельность каждого говорящего. Итогом устной словесной реализации мыслительной деятельности является речевая деятельность.

Выдающийся российский психолог, долго и плодотворно занимавшийся вопросами психологии обучения иностранным языкам, д. п. н., профессор Б.В. Беляев, в своих трудах свидетельствует, что «наличие иностранного языка означает наличие других способов и средств выражения мысли» [3].

Какова же устная разговорная речь с позиции его структуры?

Психологи выделяют в структуре устной речи мотивационную и мотивирующую часть. Разговор возникает, когда людям необходимо получить или передать информацию или они просто нуждаются в общении.

В процессе преподавании английского или любого другого иностранного языка уже на исходном стартовом периоде учащимся необходимо выражать мысль средствами изученного языка.

Причина для такого выражения мысли может быть разная. Например, собеседник просто хочет произвести устные словесные произношения, а именно: просто выговориться или высказаться; возникшая необходимость ответить на поступивший вопрос и много другое.

К таким причинам можно отнести и невербальный шаг. Например, обеспечить потребность в исполнении своего желания что-либо делать.

Каждая из перечисленных оснований и обстоятельств является основой, которая служит для получения итогового показателя или решения.

В первой – мотивационной части процесса происходит рождение и развитие идеи воспроизводства, т. е. зачем, с какой целью, что воспроизвести и т.д.

А по поводу способа выражения, и в каком виде его произнести – то, это уже происходит в следующей части, а именно: в аналитически-синтетической части речи.

В этой части устной речи именно и происходит реализация плана выражения и формулирования мысли языком.

Говоря по-английски, ученик должен выбрать слова (анализ), которые имеются у него в памяти и вставлять их в целостность устной речи (синтез) для того, чтобы была возможность реализовать цель и намерения общения.

Для длительного сохранения слов в информационном хранилище мозга, необходимо, чтобы обучающийся формировал общие черты и признаки выражений и терминов, т. е. ученик должен релятивные связи строить.

Релятивные связи для сохранения информации могут быть синтаматичными и парадигматичными. Чем больше релятивной связи использует обучающийся, тем лучше сохраняются в его памяти слова и термины, т.е. у обучающегося будет готовый набор лексических единиц для составления или образования речи.

Парадигматическая релятивная связь представляет собой различные сходства и ассоциации, которые получаются при сравнивании различных слов по не определенным характеристикам и признакам.

Для коммуникации наибольшую важность составляет именно синтаматические релятивные связи, т. е. различное сочетание лексических единиц.

На какой лексической единице остановить выбор, и в какой новый контекст его включить, решает уже семантическая задача. Такой выбор находится в зависимости и от взаимоотношений контактирующихся, от их идентичности, характеристики и отличительных черт. На выбор слов также может оказать влияние и жизненный опыт говорящих.

И последней частью структуры речевой деятельности является ее общая внешняя форма и выражение, а именно: непосредственное произношение речи говорящим.

Все три раздела составляют структуру речи, как своего рода коммуникативная деятельность.

2. Следующая цель обучения иностранному языку – это **воспитательная задача.**

Любая коммуникативная деятельность представляет собой, прежде всего, контактирование участников коммуникативной деятельности, их общение и речевые действия. Составной частью коммуникативной деятельности является умение учеников слушать лектора или преподавателя или любого участника коммуникативной деятельности, говорящего на иностранном языке. В задачу воспитательной цели также входит и умение тактично и корректно реагировать на взор своего собеседника, способность осуществить интерес к той или иной информации, исходящей от говорящего.

На основании изложенного, мы можем констатировать, что обучение иностранному языку способствует образованию и развитию умения ученика осуществлять коммуникативную деятельность. А это уже является одной из важных основ конструктивных взаимоотношений участников коммуникативной деятельности.

Обучение иностранному языку играет не последнюю роль в непосредственном воспитании обучающихся тоже, так как сам предмет обязывает студентов, учеников, да и любого, кто изучает иностранный язык, быть тактичным слушателем и уважать другого участника коммуникативной деятельности.

Даже то, что обучающиеся учатся простому чтению, а именно: контактируют с учебником и через учебник – уже является частью воспитательной функции, потому что, изучая иностранный язык, обучающиеся формируют культуру чтения, развивается опыт и навыки интеллектуального развития.

Известный педагог Ю. К. Бабанский, акцентируя внимание на взаимосвязи воспитания и образовательного процесса, пишет: «Объективно обучение не может не воспитывать определенных взглядов, убеждений, отношений, качеств личности. Суть воспитывающей функции обучения состоит в том, что она придает этому объективно возможному процессу определенную целенаправленность и общественную значимость» [1].

И это действительно так, потому что воспитание и образование всегда выступают в единстве. В качестве примера для такого подтверждения обратимся к английскому языку. На английском языке смысл этих двух лексических единиц сведён в один термин и понятие «education».

3. И последняя – это **образовательная цель изучения иностранного языка.**

Обучающиеся осваивают еще один язык. В связи с этим ученики приобретают для себя новые, до тех пор им неизвестные способы осуществления мыслительной деятельности. И в эти новые способы уже включена учебная и общеобразовательная функция данной дисциплины.

Известный лингвист Л.В. Щерба в своих научных трудах отмечает следующее: «Действительность в разных языках представлена по-разному: каждое новое иностранное слово заставляет нас вдумываться в то, что кроется за ним и за соответственным русским словом, заставляет вдумываться в самое существо человеческой мысли» [9].

Как утверждают известные специалисты в области лингвистики, каждый, изучающий иностранный язык, знакомится с новыми для него синтаксическими и морфологическими феноменами и проявлениями.

Обучение иностранному языку способствует умножению лингвистического и лексического запаса обучающегося, расширяя весь его словесно-словарный горизонт.

Изучая другой язык, каждый студент расширяет круг своих интересов, культурные познания, потому что, при знакомстве с языком, обучающийся ознакамливается и с самой культурной жизнью, и средой страны познаваемого языка.

В заключение хотим отметить, что рассматриваемый вопрос – взаимосвязь между преподаванием иностранных языков и интеллектуальным развитием ученика – является очень перспективным направлением в педагогике и психологии, и мы надеемся, что в будущем этот вопрос будет деконструирован более интенсивно, чем в настоящем.

Литература

1. Бабанский Ю.К., Ильина Т.А., Сорокин Н.А. Педагогика: учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1983. 608 с.

2. Балина Л.Г. Особенности обучения английскому языку в начальной школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 531 – 535. URL: http://e-koncept.ru/2015/65177.htm (дата обращения: 25.07.2022)

3. Беляев Б.В. Основные вопросы психологии обучения иностранным языкам // Вопросы психологии. 1960. № 6. С. 49 – 58.

4. Бредихина И.А. Методика преподавания иностранных языков: Обучение основным видам речевой деятельности: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 104 с.

5. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1988. 585 с.

6. Зимняя И.А. Психология обучения иностранному языку в школе. М.: Просвещение, 1991. 383 с.

7. Лук А.Н. Мышление и творчество. М., 1987. 305 с.

8. Синявская Л. А. Формы обучения говорению на уроках иностранного языка. М., 1999.

9. Щерба Л. В. Как надо изучать иностранные языки. М., 1929.

References

1. Babanskij Ju.K., Il'ina T.A., Sorokin N.A. Pedagogika: ucheb. posobie dlja ped. in-tov. M.: Prosveshhenie, 1983. 608 s.

2. Balina L.G. Osobennosti obuchenija anglijskomu jazyku v nachal'noj shkole. Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2015. T. 30. S. 531 – 535. URL: http://e-koncept.ru/2015/65177.htm (data obrashhenija: 25.07.2022)

3. Beljaev B.V. Osnovnye voprosy psihologii obuchenija inostrannym jazykam. Voprosy psihologii. 1960. № 6. S. 49 – 58.

4. Bredihina I.A. Metodika prepodavanija inostrannyh jazykov: Obuchenie osnovnym vidam rechevoj dejatel'nosti: ucheb. posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 104 s.

5. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. M., 1988. 585 s.

6. Zimnjaja I.A. Psihologija obuchenija inostrannomu jazyku v shkole. M.: Prosveshhenie, 1991. 383 s.

7. Luk A.N. Myshlenie i tvorchestvo. M., 1987. 305 s.

8. Sinjavskaja L. A. Formy obuchenija govoreniju na urokah inostrannogo jazyka. M., 1999.

9. Shherba L. V. Kak nado izuchat' inostrannye jazyki. M., 1929.

Magomedova A.N., Associate Professor,
Dagestan State University

SPECIFICITY OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abstract: currently, teachers and psychologists focus their attention on the mentality and thought process of students. In their opinion, it is not enough for a student to possess knowledge alone. First of all, they need to be able to think rationally. Also, the student must be able to consider the problem from different angles and, using his abilities and strengths, find individual and original solutions to these problems.

In recent years, all the ongoing transformations, the genesis and evolution of social, political and economic processes and conditions in Russia have also influenced the development of education in all educational institutions of the country, regardless of their type and level.

These evolutionary processes, of course, have also affected such an area of the educational process as the study of English or another foreign language. They began to talk about the study of a foreign language as one of the predominant disciplines in the field of the educational process of young people.

In the process of evolution and development of the educational process itself, the system of teaching a foreign language is being improved, the goal of teaching foreign languages is being modernized, and the technology of learning a language is changing.

The modern model of education, where the focus is on the personality of the student, makes the main bet on the student himself, on his upbringing and education.

Such a purposeful formation of a linguistic persona as an individuality of culture is in the center of attention of the modern educational system of our state.

The article is devoted to the analysis of the role of a foreign language in the formation and development of the student's thought process and the purpose of his teaching in educational institutions of our country.

Keywords: English, education, educational institution, student, language, writing, reading, listening, consciousness, thinking, course, learning, goal, knowledge, education, development

Плиева З.Б., ассистент,
Ингушский государственный университет

К ВОПРОСУ О МОТИВИРОВАННОСТИ/НЕМОТИВИРОВАННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ МЕСЯЦЕВ ГОДИЧНОГО КАЛЕНДАРЯ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ (ФЕ) ГЕНЕТИЧЕСКИ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИНГУШСКОМ)

Аннотация: цель статьи состоит в исследовании лексем, обозначающих наименования месяцев и в представлении их во фразеологических единицах (ФЕ) трёх генетически неродственных языков (русском, английском и ингушском). В связи с этим актуальность данного исследования приобретает сравнительно-сопоставительный подход, позволяющий глубже раскрыть семантику и функциональное своеобразие номинаций дат годичного календаря в трёх разных этно-культурах. При этом цель статьи предполагает решение двух основных задач:

1) исследование лексем с точки зрения мотивированности/немотивированности, производности /непроизводности;

2) выявление типологических черт: обоснование сходств и различий между номинацией месяцев годичного календаря в разносистемных языках.

Данное исследование также указывает на своеобразие языковой картины мира у носителей трёх разносистемных языков. Научная новизна темы заключается в различии степени изученности данной проблемы в избранных для анализа языках со сравнительно-сопоставительной точки зрения.

Практическое значение работы состоит в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по сравнительно-историческому языкознанию, лексикологии современных русского, английского и ингушского языков; спецкурсах, посвящённых языковой картине мира, лингвокультурологии и теории перевода, в практическом курсе трёх сопоставляемых языков; а также при разработке тематики курсовых и дипломных работ; в лексикографической практике при реконструкции традиционных (народных) моделей годичного календаря.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, когнитивная лингвистика, лингвистическая компаративистика, темпоральность, этнографическо-лингвистическая препарация, годичный календарь, фиксация периодов, кумуляция времени, наименования месяцев и сезонов, генетически неродственные языки, номинативный, эргативный

Введение

В настоящее время в общей проблематике когнитивной лингвистики и лингвистической компаративистики все большую значимость приобретает рассмотрение языка в аспекте его соотнесённости с категориями этнокультурной направленности и культурных концептов. В связи с этим, одной из доминантных тем становится воспроизведение национальной картины мира через призму ее языка и истории. Одним из таких

способов является реконструкция элементов временной счислительной системы, с использованием мировоззренческих универсалий, к которым относится годичный календарь.

Методы и материалы

Основными методами исследования традиционных календарей русского, английского, ингушского выступают как семантический, сравнительно-исторический, этнолингвистический, лингвоэтнографический, лингвокультуроведческий, так и метод этнографическо-лингвистической препарации и компонентного анализа, что также позволяет воссоздать совершенно идентичную модель календаря, включающая и отображающая языковую картину в трех неродственных языках.

Существует достаточно большой массив темпоральной, культурологической, философской и специально-научной литературы, посвящённой проблемам времени, а в особенности, календарной реформе. Для настоящего исследования основополагающей базой послужили работы большой группы отечественных и зарубежных исследователей. В русоведении к ним можно отнести работы М.Н. Лалоша («Сравнительный календарь древних и новых народов», 1869); В. Шаура («К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев»,1973); Н.И. Идельсона («История календаря», 1975); А.В. Буткевича, М.С. Зеликсона («Вечные календари, 1984); И.А. Климишина («Календарь и хронология», 1985); В.Е. Гусева («Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы», 2012). В англоязычной литературе, основополагающей, вопросы рассмотрения календаря, его дат, а также изучению основ астрономии и астрономических понятий, посвящены следующие работы: А.Г. Сейс («The Astronomy and Astrology of the Babylonians» 1874; «The races of the Old Testament», 1891); Э.И. Бикерман («Chronology of the ancient world», 1980), Э.С. Кеннэди («Al-Battānī's Astrological Historyof the Prophet and the Early Caliphate, 2009-2010); Ф.С. Вессон («The extra-galactic background light: a modern version of Olbers' paradox (Or: Why the Space Between Galaxies is Dark)», 1986); Э Р. Гаррисон («The Dark Night Sky Riddle – Olber's Paradox, The Galactic and Extragalactic Background Radiation», 1989).

Третий, самый многочисленный блок литературы по теме научного исследования включает работы по исследованию ингушского календаря: Е.И. Крупнов («Средневековая Ингушетия», 1971); М.Р. Ужахов («Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья»,1979); А.Ц. Тутаев («Выписки из Галгаевского календаря», 1999); М.Б. Долгиева («Вопросы истории Ингушетии: Народные знания ингушей», 2007); Б.А. Хайров («ГІалгІай календарах лаьца», 2012); М.Г. Цароева («Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев», 2016); П.Х. Акиева («История древних верований ингушей (на материале мифологии и нартского эпоса)», 2016)); С.А. Мерешков («ГІалгІай этнографи», 2020).

Результаты и обсуждения

В течение веков менялись не только сроки отсчёта календарных дат, в особенности нового года, но и названия сезонных промежутков (периодов), месяцев, дней недель и т.д. Глобальная проблема годичного календаря – это проблема создания возможной универсальной модели как для этно-культур номинативных (русского, английского) и эргативного (ингушского) так и учитывая остальные традиционные культуры разных народов.

Современные наименования некоторых месяцев отражают заимствованные официальной культурой латинские названия, часть которых восходят к существовавшей в Древнем Риме общепринятой номинации многих значимых дат. Примечательно, что в основе формирования многих их них легли порядковые числительные, как маркеры для определения точности позиционирования, а также очерёдности месяца в традиционном римском календаре. Это такие наименования, как сентябрь (от лат. *septem* ‘седьмой’), октябрь (от лат. *octem* ‘восьмой’), ноябрь (от лат. *novem* ‘девятый’) и декабрь (от лат. *decem* ‘десятый’) – что не совпадает с нынешним их порядковым номером в году. Однако, при этом часть из этих наименований посвящена некоторым богам римского пантеона: январь – Богу Янусу, февраль – Богу Фебруусу/Фебруариусу, март – Богу войны Марсу и т.д.

Отметим также, что в основе наименований определённых циклических (сезонных) промежутков времени многих традиционных календарей выступают мотивационные признаки лексических знаков, являющиеся достоверным источником экстралингвистической информации о предметах, культуре быта, социального уклада жизни того или иного народа и т.п. Выбор мотивационного признака при номинации этих временных промежутков (сезонов, месяцев, недель и т.д.) не является случайным, так как он детерминирован самим человеком: в сознании народа выступает и формируется то, что является важным и значимым. Таким образом, словообразование является одним из способов восприятия и организации языковой концептуализации в когнитивном аспекте носителями различных этно-культур и генетически неродственных языков. В добавок к этому, в разных культурах символика одних и тех же наименований месяцев различна и специфична.

Следствием этого, мы приходим к выводу, что месяцы в традиционных календарях носителей номинативного и эргативного языков насчитывали несколько вариаций. Это было обусловлено тем, что маркерами как «определяющими» фигурирующее название того или иного месяца выступали: природные явления, праздники, божества, в честь которых они (названия месяцев) давались, а также животные и птицы, которые выступали в качестве тотемов и носили больше сакральный характер. При этом, согласно приведённым научным источникам, мы также приходим к выводу, что информация о номинации многих из них дошла до нас устным путём, в виде живой народной речи, и зачастую не придя, тем самым, к единогласному мнению реже фиксировалась на письме, в связи, с чем и сложились различные мнения многих исследователей в данной области.

Механизм формирования и функционирования названий календарной системы в трех неродственных языках базируется на четырехступенчатой трансформации:

– фиксация конкретного природного явления (события):

1) Рус. (слав.): *Снеженъ/ Снеговей* ‘месяц снегопада’ – из-за обилия снега в этот период времени [4, сс. 84, 90, 106; 19]; *Сухый, Ветронос* ‘месяц ветров’ – из-за сильных ветров [4, с. 85, 96; 19];

2) Инг.: *Лай чилла бутт* ‘месяц снежинок’ [11, с. 15]; *Михий бутт* ‘месяц ветров’ – из-за частых смен природных условий [11, с. 17, 86];

3) Анг.: *Wulf monath* (от *the month of wolves)* ‘месяц волков//месяц лютой стужи’ [20]; *Weod-Monath* (от *the month of weeds*) ‘месяц сорняков’ – из-за обильной растительности и срубания деревьев [20].

– фиксация периода времени, связанного с культурой активной сельскохозяйственной деятельности и конкретным (символичным) фенологическим явлением (событием):

1) Рус. (слав.): *Сѣченъ* (от «сечь») ‘месяц/время покоса’ – когда «секут», вырубают лес под пашню [4, с. 89, 95, 104; 19]; *Лютовей/лютовой/ огневик* ‘Лютый месяц’ – из-за лютых холодов’ [4, с. 89, 104; 19];

2) Инг.: *Тов//Тау бутт* ‘месяц второго покоса травы – отавы’ [3, с. 39; 5, с. 210]; *Саькур бутт* ‘месяц сброса//смены оленьих рогов’ [8, с. 111];

3) Анг.: *Harfest-Monath* (от *the harvest month*) ‘месяц урожая’ – время сбора урожая и заготовки сена на зиму для скота; *Win-Monath* (от *the wine month*) ‘винный месяц’ – время сбора винограда [20].

– фиксация праздников, торжеств и церемоний, согласно традиционной празднично-обрядовой культуре:

1) Рус. (слав.): *Кресень//Кресник* (от слав. *«kres//kresnik»* ‘огонь’) ‘праздник огня’– в честь летнего солнцеворота [4, с. 110; 19]; *Ятровник/Ютровник* (от слав. *«jatrownik//, jutrowny//jutrovnitska»*) ‘месяц/праздник пасхи’ [4, с. 112; 19]; *Годовник* (от слав. *«godownik, gódownik»*) – ‘праздник Рождества, Святки’; ‘свадебный месяц’ [4, сс. 85, 112; 19];

2) Инг.: *Надж-ган-цIай* ‘праздник дубового дерева’ [21; 8, сс. 118, 131; 3, с. 39; 17, с. 10]; *ОагIой//АгIой цIей* ‘праздник ОагIой//АгIой’ [17, с. 11; 8, сс. 116-120]; *Г1алг1ай мархий-бутт* ‘месяц ингушского поста’ [9, сс. 220-221; 3, с. 39; 22, с. 24];

3) Анг.: *The ides of march* ‘мартовские иды’ [2, сс. 38-39; 10, p. 80; 32]; *Halig-Monath* (*«the holy month»* ‘святой месяц’) – чествование Рождества Христова [20].

– фиксация наименований тех или иных божеств, тотемированных птиц (животных), согласно верованиям носителей номинативных и эргативного языков, в честь которых давались месячные номинации:

1) Рус (слав.): *Ярец* (от слав. *«jaro»*) ‘месяц Бога солнца – Ярилы’[7, с. 252; 4, сс. 102, 113, 145]; *Месяц Ян* и *месяц Михаля* (от слав. *«janskiměsac»* и *«míchalski»*) ‘месяц св. Яна’ и ‘месяц св. Михаля’ [4, с. 112; 7, сс. 230, 247];

2) Инг.: *Сели бутт* ‘месяц Бога грозы – Сели’ [8, с. 104, сс. 158-161; 17, с. 11]; *Тушоли бутт* ‘месяц богини Тушоли’ [11, с. 75; 17, с. 11]; *Бекарга бутт* ‘месяц кукушки’ [1, с. 43; 3, с. 39; 17, с. 11];

3) Анг.: *Januarius mensis* («Janua» ‘Бог Янус’) – месяц, названный в честь двуликого, римского Бога – Януса [14, с. 763; 10, p. 10; 16, с. 24]; *Julius mensis* ‘месяц Гая Юлия (Цезаря)’ [10, p. 10-11; 23, сс. 45-46] и *Augustus* – ‘месяц Октавиана Августа’ (букв.: ‘божественный, величественный’) [16, с. 28; 23, сс. 28-29; 10, pp. 47, 49, 61] – в честь двух великих римских императоров.

Из вышеприведённых примеров можно сделать заключение, что основополагающей мотивацией появления того или иного названия в традиционном календаре трёх разносистемных языков является взаимосвязь хозяйственной и религиозной деятельностей с погодно-климатическими условиями (т.е. с фенологическими наблюдениями). В народной календарной системе нашли своё отражение, через номинацию определённых (своеобразных), цикличных промежутков времени и месяцев, только самые значимые явления и события. Трудовая практика показала, что между этими условиями и астрономическим временем суще-

ствует неразрывная связь, выражающаяся, в частности, в цикличности сезонов тепла, жары, похолоданий, заморозков, холода, ветров, дождей, засухи и др.

При этом отметим также, что раскрытие и глубокое осмысление наименований месяцев и периодичности смены времен года можно нагляднее и детальнее рассмотреть и проследить не только с функциональной (фонетической) стороны, а также в обиходной речи носителей номинативных языков (русского и английского) путем отражения их во фразеологических единицах языка. Данную теорему подтверждает также концепция А.В. Кунина, что «фразеологические единицы (ФЕ) заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, состояний, ситуаций» и т.д. С этой точки зрения, «наименование – это не только процесс обозначения денотата, но и процесс познания» [24, с. 6].

Примеры употребления наименований месяцев во фразеологических единицах номинативных (русскоий, английский) и эргативного (ингушский) языков:

1. *Fence-month* ‘месяц запрета’ – время года, когда охота запрещена’ [18]; рус. *После дождичка в четверг* ‘никогда’ [18].

В это время жителям британских островов накладывался строгий запрет на охоту и тем самым, долгое время они оставались без запасов на зиму. Однако в обиходной речи англичан эта идиома чаще имела значение, что «момент никогда не наступит». Эквивалентом данной идиоме в русском языке выступает фразеологический оборот «после дождичка - в четверг», являющийся омонимичным первому.

2. *Once in a blue moon* ‘один раз в голубую луну’ – редкое астрономическое явление, встречающееся каждые два-три года (семь раз в метоновом цикле за 19 лет).

Выражение *once in a blue moon* ‘один раз в голубую луну’ считалось обиходным в речи англичан, т.е. было разговорным, ещё задолго до того момента, когда оно приобрело смысл, связанный с данным астрономическим явлением. Согласно Оксфордскому словарю английского языка, первое упоминание о голубой луне происходит из пословицы, записанной в 1528 году:

If they say the moon is blue,

We must believe that it is true [25].

‘Если молва твердит луна – голубая,

То правда неоспорима нами’ (Translated by Plieva Zalina// Перевод от автора).

Однако, сказать, что луна была голубой, было равносильно утверждению, что луна сделана из зелёного (или сливочного) сыра; это указывало на очевидный абсурд. В 19 веке данный фразеологический оборот приобрел иное значение и в разговорной речи носителей английского языка фраза гласила «никогда», т.е. момент или событие никогда наступить не может и не наступит. На сегодняшний день в англо-русских фразеологических словарях, таких как English-Russian dictionary (20 000 idioms approx), 1984 (Kunin A. V.)// Russian-English dictionary of idioms, 2013 (Lubensky, S.) фраза «*once in a blue moon*» переводится как ‘время от времени’ или ‘редко’ [14, с. 41, 482]. Приобрело ли оно это значение благодаря ассоциации с луной и с редчайшим астрономическим явлением// событием, остаётся необоснованным и неясным.

При всем при этом, до сих пор, в ингушском языке издревле бытует выражение *«Ши п1аьраска цхьана деча…»* (‘когда две пятницы придут//выпадут//встретятся вместе’) [1, с. 40; 6, с. 100].

Как уже было вышеупомянуто, раннее, когда неделя в ингушском календаре состояла из пяти дней и счет дней недели начинался не с понедельника, как сейчас, а с пятницы, то через две недели, на третью, две пятницы «выпадали вместе». Другими словами, в одной неделе была одна пятница, а в последующей – две пятницы; т.е. сдвоенная пятница, с разовой периодичностью в 15 дней.

Согласно точке зрения М.Р. Ужахова: «В старину традиционная поговорка *«Ши п1аьраска цхьана деча…»* имела прямое значение: в дни сдвоенных пятниц совершали сделки, проводили свадьбы, решали общественные дела, чинили суд и др. Кроме того, в языческие времена отсчёт дней, начало недели и месяца всегда вёлся с пятницы» [1, с. 40]. В настоящее время смысл этой поговорки приобрёл совершенно иной характер и обозначает, что сказанное случиться не может, как и не могут выпасть//встретиться две пятницы подряд в одной неделе [3, с. 38].

Так, эквивалентом данной поговорке в русском языке служит выражение *«когда рак на горе свистнет»* и/или *«после дождичка, в четверг»*. Не до конца исследованным и необоснованным также остаётся и тот факт, почему в русском языке дождик шёл именно в среду/четверг и имело ли это связь с астрономическим явлением или календарём. Однако, согласно церковно-обрядовому обычаю на католических мессах в период «Пепельной среды» (т.е. «в возможный четверг») проводится специальный обряд посыпания голов верующих освящённым пеплом. Согласно данному обряду христиане тем самым приносят покаяние и сокрушаются перед Господом, во время своего поста [26]. Подобного рода поговорки и выражения не редки и встречаются во многих языках мира. В связи с этим в данном исследовании в Приложении 1 представлен ряд примеров, где наименования месяцев и календарных дат более полно и ярко отражают этнос и культуру носителей номинативных (русского, английского) и эргативного (ингушского) языков.

Выводы

Календарь – как самая древняя зафиксированная система отсчёта времени кумулирует в годичном цикле наиболее значимые события и памятные даты и в нем отражены не только знания о природных условиях, о погоде, сельскохозяйственный опыт, будни, праздники, обряды, но и осмысление человеческой жизни. Любой традиционный (народный) календарь принято считать энциклопедией быта и повседневной жизни той или иной нации/народа, его жизненного уклада, инструментом его миропорядка.

В результате анализа номинаций дат годичного календаря, трёх избранных языков, были сделаны следующие заключения:

I. «Традиционные календари» представляют собой уникальное счислительное средство времени и историческую энциклопедию, где основная мотивация появления календарных единиц связана с необходимостью кумуляции:

a) астрономических наблюдений и природно - климатических явлений (т.е. фенологические данные);

b) особенностей хозяйственного уклада/быта;

c) религиозных представлений, игравших для представителей трёх разных этнокультур огромную роль и имевших определённую длительность.

II. Принцип возникновения и функционирования календарных единиц//календарной лексики в годичном календаре генетически неродственных языков (русского – славянского, ингушского, английского (латинского) базируется на четырёхступенчатой трансформации:

1) фиксация конкретного явления (события);

2) фиксация периода времени, связанного с культурой активной сельскохозяйственной деятельности и конкретным (символичным) фенологическим явлением (событием);

3) фиксация праздников, торжеств и церемоний, согласно традиционной празднично-обрядовой культуре;

4) фиксация наименований тех или иных божеств, тотемированных птиц (животных), согласно верованиям носителей номинативных и эргативного языков, в честь которых давались месячные номинации.

III. Наиболее полное и наглядное осмысление наименований месяцев и периодичности смены времён года можно проследить в обиходной речи носителей номинативных языков (русского и английского), путем отражения их во фразеологических единицах (ФЕ) языка.

В заключении как стало ясно, именно значимые явления окружающей среды, хозяйственная деятельность и духовная жизнь являются основой счета времени в календаре трёх разных этно-культур. Таким образом, времяисчисление базируется на пространственных явлениях, и можно говорить о своеобразном пространственно-временном континууме, характерном для носителей как номинативных (русского, английского) так и эргативного (ингушского) языков.

Таблица 1

Фразеологические соответствия в трех исследованных языках (русском, английском и ингушском)

«Когда рак на горе свистнет» и/или *«после дождичка, в четверг»* [18; 26].	*«Ши п1аьраска цхьана деча…»* (‘когда две пятницы придут//выпадут//встретятся вместе’) [6, с. 100; 1, с. 40].	*Fence-month* [30]// *Once in a blue moon* ‘один раз в голубую луну’ и т.д. [14, с. 41, 482] // Not in a month of sundays / never in a month of Sundays ‘’[18]
Зимой снега (снегу) не выпросишь. Букв.: Жадный, скупой, скряга [18].	1) 1ай лоа лургдоацаш. (Досл.: ‘Зимой снегу не выпросишь’ [12, с. 129]. 2) 1а остадаьннад. (Досл.: ‘Зима преждевременно родила’). Когда зимой идет дождь. Дождливая зима. Слякоть. [12, с. 128].	Wouldn’t give away snow in winter. (Досл.: ‘Зимой снегу не выпросишь’) [14, с. 583].
«Одна ласточка весны не делает» и/или «Один в поле не воин» [18].	Цхьан ч1агарго б1аьсти яц. (Досл.: ‘Одна ласточка весны не делает’) [12, с. 118].	One swallow does not make a summer ⟨a spring⟩. (Досл.: ‘Один воробей/ласточка не делает лета’) [14, с. 288].
Шутл. Долгий срок, целая вечность [18].	Ахархо екханга хьеж. (Досл.: ‘Пахарь погоды ждет’) [12, с. 6].	A month of Sundays (Досл.: ‘Воскресный месяц’ [18]

Продолжение таблицы 1

«Первый снег»	Ч1агарга лоа. (Досл.: ‘Ласточкин снег’). Срв.: Снежные пушинки [12, с. 118].	Very light flakes of snow that fall in early winter: (the first) snowflakes (of winter). (Досл.: ‘Самые яркие/блестящие пушинки снега, выпавшие в начале зимы (первые) снежинки (зимы)’; (the first) white flakes (of snow). (Досл.: ‘(первые) белые пушинки (снега)’ [14, с. 336].
Волчьи муки. Букв.: «Лютый холод, последние заморозки».	Берза 1азал//1ожувз. (Досл.: ‘волчьи муки’) [3, с. 40; 6, с. 96-97]	«The month of wolves» (Досл.: ‘Месяц волков’) [20].
Весной пролежишь, зимой с сумой побежишь. Что посеешь, то и пожнешь. Кто спит весною, плачет зимою»	Аьхки ваьг1ар 1ай иддав. (Досл.: ‘Тот, кто сидел летом, тот бегал зимой’) [12, с. 8]. Аьхки – мело, 1ай – хало. (Досл.: ‘Летом – лень, зимой – трудень’) [12, с. 8.]. Аьхки мукъа лийннар, 1ано ше ге а делла лелийт. (Досл.: ‘Кто летом гулял, зиму на своем горбу носит’) [12, с. 8.].	April showers brings may flowers. (Досл.: ‘Апрельский ливень/дождь одаривает майскими цветами/ростками) [18].
Первоапрельская шутка// "день всех дураков", 1-е апреля (день розыгрышей) [18].	Аькхий паьшк. (Досл.: ‘Охотничьи байки’) [12, с. 9]	April fish// April fools' day. (Досл.: ‘Апрельская рыба// Апрельский день дурака’ [18].
Мартовские иды, пятнадцатое марта (дата получила известность в истории, так как в этот день в 44 до н. Э. Произошло убийство юлия цезаря) [2, с. 38-39].	Аккхий мархий бутт (в ингушской терминологии). (Досл.: ‘Месяц поста’) [11, с. 73].	The ides of march (Досл.: ‘Мартовские иды’) [18].
Дождливый период (обыкн. Февраль); букв. "заполняющий канавы" (эпитет февраля, отличающегося (в англии) обильными дождями и снегопадами); (шотландское) водолей-месяц [18].	Дог1ах веддар кхуркхолга к1ал ийккхав. (Досл.: ‘Бежавший от дождя в водопад попал’) [12, с. 48].	February fill-dike букв. (Досл.: ‘Февральская насыпная дамба/канава’) [18].

Продолжение таблицы 1

«Красна девица». Букв.: девушка, избранная за красоту королевой мая (в майских играх) [18].	Малх мо хоза. (Досл.: 'Красивая/прелестная, как солнце (о женщине)' [12, с. 74].	May-queen. (Досл.: 'Королева мая') [18].
«Как снег на голову». Букв.: Появиться внезапно, нежданно [18].	Б1аьсти санна хьаэттав. (Досл.: 'Появился как солнце') [12, с. 121].	(spring up) from nowhere (Досл.: 'Весна пришла, словно ниоткуда)' [14, с. 215].
Всему свое время// Брак между молоденькой девушкой и стариком [18].	1а сигала дисадац, цкъа б1аьстий ца яьлча яргъяц. (Досл.: 'Зима на небе не осталась, все равно весна придет') [12, с. 128].	May and december/january (Досл.: 'Май и декабрь') [18].

Литература

1. Акиева П.Х. История древних верований ингушей (на материале мифологии и нартского эпоса). Магас, 2016. 376 с.

2. Бикерман Э. И. Хронология Древнего мира. М., 1976. 333 с.

3. Вопросы истории Ингушетии: исследования и материалы. Магас, 2007. Вып. 6. 146 с.

4. Гусев В.Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы / ред.-сост. С.В. Кучепатова. СПб.: РИИИ, 2012. 248 с.

5. Ингушетия и ингуши: в 3-х т. / Авт. концепции и сост. Марьям Яндиева. Назрань; М.: Ингуш. "Мемориал", 1999. 685 с.

6. Мерешков С.А. ГІалгІай этнографи. Магас, КЕП, 2020. 592 с.

7. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.

8. Хайров Б.А. Наименования птиц, зверей и домашних животных в ингушском годовом календаре как проявление культа этих животных. М., 2015. № 1 (4). С. 103 – 135.

9. Цароева М.Г. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. М.: Изд-во Триумф, 2016. 320 с.

10. Bickerman E.J. Chronology of the ancient world. (Aspects of greek and roman life) / General Editor: H.H. Scullard. Second Edition: New York: CORNELL UNIVERSITY PRESS ITHACA, 1980. 223 р. Перевод заглавия: Бикерман Е.Дж. «Хронология древнего мира». Англ.

11. Барахоева Н.М., Барахоева Ж.М., Кодзоев Н.Д., Хайров Б.А.Ингушско-русский и русско-ингушский словарь терминов: более 8200 слов. Назрань: Кеп, 2016. 288 с.

12. Оздоева Ф.Г. Ингушско-русский фразеологический словарь / М-во образования России. Ингуш. гос. ун-т. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 133, [1] с.

13. Словарь древнего сдавянского языка (составленный по Остромирову Евангелию) / Под ред. Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. С.-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1899. 950 с.

14. Lubensky S. Russian-English dictionary of idioms. London: REVISED EDITION, 2013. 992 p. Перевод заглавия: Лубенская, С. «Русско-английский фразеологический словарь». Англ.

15. Muller W. K New English-Russian, Russian-English Dictionary: About 150,000 words and phrases. Мюллер В. К. Новый англо-русский, русско-английский словарь: Около 150 000 слов и словосочетаний. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Фирма «Рест», при участии ООО «Персей», 2015. 816 с.

16. Киприянова Н.В., Зварцев И.А. Вспомогательные исторические дисциплины: метод. рекомендации для студентов гуманитарного института: в 2 ч. Ч. 2. // Хронология. Метрология / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 76 с. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/4029/1/01405.pdf (дата обращения: 01.09.2022 г.)

17. СЕРДАЛО (республиканская общенациональная газета) № 10 (12531), суббота, 3 февраля 2022 года. С. 10 – 12. URL: https://serdalo.ru/newspaper-subscribe/get-pdf/4650 (дата обращения: 01.09.2022 г.)

18. Исследовательская работа "Сравнение происхождений названий дней недели и месяцев в русском и английском языках". URL:https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-sravnenie-proishozhdeniy-nazvaniy-dney-nedeli-i-mesyacev-v-russkom-i-angliyskom-yazikah-973479.html (дата обращения: 02.09.2022 г.)

19. Старинные русские названия месяцев. URL: https://svetorusie.livejournal.com/76562.html (дата обращения: 01.09.2022 г.)

20. История происхождения названий месяцев в английском языке. URL:https://vk.com/@kcsever-istoriya-proishozhdeniya-nazvanii-mesyacev-v-angliiskom-yazy (дата обращения: 01.09.2022 г.)

21. Арчаков. С. ГӀалгӀай ханоргацара хала моттигаш. Назрань: Газета «Сердало». 2020. № 23 (12359). С. 2. URL:https://dlib.eastview.com/browse/doc/57530677 (дата обращения: 02.09.2022 г.)

22. Дзарахова З.М.-Т. Этнокультура как основание формирования национального самосознания ингушей: автореф. дис. ... доктора историч. наук. Махачкала, 2007. 51 с. URL:https://newdisser.ru/_avtoreferats/01004799222.pdf (дата обращения: 02.09.2022 г.)

23. Петрова Н. Г. «КАЛЕНДАРИ НАРОДОВ МИРА». URL: https://abhidharma.ru/A/Simvol/0005.pdf (дата обращения: 02.09.2022 г.)

24. Баскаев Р.З. Типы фразеологических единиц в современном английском языке: Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. Санкт-Петербург, 2017. 103 с. URL: https://lib.kchgu.ru/wp-content/uploads/2022/04/Baskaev-Ruslan-Tipy-frazeologicheskih-edinits-v-sovremennom-anglijskom-yazy-ke-5.pdf (дата обращения: 02.09.2022 г.)

25. Once in a Blue Moon. URL: https://www.infoplease.com/once-blue-moon (дата обращения: 02.09.2022 г.)

26. Голубая луна – Blue moon. URL: https://vedaveta.livejournal.com/142315.html (дата обращения: 02.09.2022 г.)

References

1. Akieva P.H. Istorija drevnih verovanij ingushej (na materiale mifologii i nartskogo jeposa). Magas, 2016. 376 s.

2. Bikerman Je. I. Hronologija Drevnego mira. M., 1976. 333 s.

3. Voprosy istorii Ingushetii: issledovanija i materialy. Magas, 2007. Vyp. 6. 146 s.

4. Gusev V.E. Ocherki slavjanskoj kul'tury: Pis'ma. Stat'i. Doklady. Polevye materialy. red.-sost. S.V. Kuchepatova. SPb.: RIII, 2012. 248 s.

5. Ingushetija i ingushi: v 3-h t. Avt. koncepcii i sost. Mar'jam Jandieva. Nazran'; M.: Ingush. "Memorial", 1999. 685 s.

6. Mereshkov S.A. GIalgIaj jetnografi. Magas, KEP, 2020. 592 s.

7. Sokolova V.K. Vesenne-letnie kalendarnye obrjady russkih, ukraincev i belorusov XIX – nachalo XX v. M.: Nauka, 1979. 288 s.

8. Hajrov B.A. Naimenovanija ptic, zverej i domashnih zhivotnyh v ingushskom godovom kalendare kak projavlenie kul'ta jetih zhivotnyh. M., 2015. № 1 (4). S. 103 – 135.

9. Caroeva M.G. Sledy drevnih civilizacij v jazykah i kul'ture ingushej i chechencev. M.: Izd-vo Triumf, 2016. 320 s.

10. Bickerman E.J. Chronology of the ancient world. (Aspects of greek and roman life). General Editor: H.H. Scullard. Second Edition: New York: CORNELL UNIVERSITY PRESS ITHACA, 1980. 223 p. Perevod zaglavija: Bikerman E.Dzh. «Hronologija drevnego mira». Angl.

11. Barahoeva N.M., Barahoeva Zh.M., Kodzoev N.D., Hajrov B.A.Ingushsko-russkij i russko-ingushskij slovar' terminov: bolee 8200 slov. Nazran': Kep, 2016. 288 s.

12. Ozdoeva F.G. Ingushsko-russkij frazeologicheskij slovar'. M-vo obrazovanija Rossii. Ingush. gos. un-t. Nal'chik: Izdatel'skij centr «Jel'-Fa», 2003. 133, [1] s.

13. Slovar' drevnego sdavjanskogo jazyka (sostavlennyj po Ostromirovu Evangeliju). Pod red. F. Mikloshichu, A.X. Vostokovu, Ja.I. Berednikovu i I.S. Kochetovu. S.-Peterburg: Tipografija A.S. Su-vorina, 1899. 950 s.

14. Lubensky S. Russian-English dictionary of idioms. London: REVISED EDITION, 2013. 992 p. Perevod zaglavija: Lubenskaja, S. «Russko-anglijskij frazeologicheskij slovar'». Angl.

15. Muller W. K New English-Russian, Russian-English Dictionary: About 150,000 words and phrases. Mjuller V. K. Novyj anglo-russkij, russko-anglijskij slovar': Okolo 150 000 slov i slovosocheta-nij. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Firma «Rest», pri uchastii OOO «Persej», 2015. 816 s.

16. Kiprijanova N.V., Zvarcev I.A. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny: metod. rekomen-dacii dlja studentov gumanitarnogo instituta: v 2 ch. Ch. 2. Hronologija. Metrologija. Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovyh. Vladimir: Izd-vo VlGU, 2014. 76 s. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/4029/1/01405.pdf (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

17. SERDALO (respublikanskaja obshhenacional'naja gazeta) № 10 (12531), subbota, 3 fevralja 2022 goda. S. 10 – 12. URL: https://serdalo.ru/newspaper-subscribe/get-pdf/4650 (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

18. Issledovatel'skaja rabota "Sravnenie proishozhdenij nazvanij dnej nedeli i mesjacev v rus-skom i anglijskom jazykah". URL:https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-sravnenie-proishozhdeniy-nazvaniy-dney-nedeli-i-mesyacev-v-russkom-i-angliyskom-yazikah-973479.html (data obrashhenija: 02.09.2022 g.)

19. Starinnye russkie nazvanija mesjacev. URL: https://svetorusie.livejournal.com/76562.html (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

20. Istorija proishozhdenija nazvanij mesjacev v anglijskom jazyke. URL:https://vk.com/@kcsever-istoriya-proishozhdeniya-nazvanii-mesyacev-v-angliiskom-yazy (data obrashhenija: 01.09.2022 g.)

21. Archakov. S. GIalgIaj hanorgacara hala mottigash. Nazran': Gazeta «Serdalo». 2020. № 23 (12359). S. 2. URL:https://dlib.eastview.com/browse/doc/57530677 (data obrashhenija: 02.09.2022 g.)

22. Dzarahova Z.M.-T. Jetnokul'tura kak osnovanie formirovanija nacional'nogo samosoznanija ingushej: avtoref. dis. ... doktora istorich. nauk. Mahachkala, 2007. 51 s. URL:https://newdisser.ru/_avtoreferats/01004799222.pdf (data obrashhenija: 02.09.2022 g.)

23. Petrova N. G. «KALENDARI NARODOV MIRA». URL: https://abhidharma.ru/A/Simvol/0005.pdf (data obrashhenija: 02.09.2022 g.)

24. Baskaev R.Z. Tipy frazeologicheskih edinic v sovremennom anglijskom jazyke: Vypusknaja kvalifikacionnaja rabota magistra lingvistiki. Sankt-Peterburg, 2017. 103 s. URL: https://lib.kchgu.ru/wp-content/uploads/2022/04/Baskaev-Ruslan-Tipy-frazeologicheskih-edinits-v-sovremennom-anglijskom-yazy-ke-5.pdf (data obrashhenija: 02.09.2022 g.)

25. Once in a Blue Moon. URL: https://www.infoplease.com/once-blue-moon (data obrashhenija: 02.09.2022 g.)

26. Golubaja luna – Blue moon. URL: https://vedaveta.livejournal.com/142315.html (data obrashhenija: 02.09.2022 g.)

Plieva Z.B., Assistant Professor,
Ingush State University

THE PROBLEM OF MOTIVATION/UNMOTIVATION OF MONTH'S NAMES AND THEIR REPRESENTATION IN PHRASEOLOGICAL UNITS (PU) IN THE ANNUAL CALENDAR OF GENETICALLY UNRELATED LANGUAGES (RUSSIAN, ENGLISH AND INGUSH).

Abstract: the purpose of the article is to study lexemes denoting the month's names of and interpret them in phraseological units (PhU) of three genetically unrelated languages (Russian, English and Ingush). In this regard, the relevance of this research is in the comparative approach, which makes it possible to reveal more deeply the semantics and functional originality of the nominations of the dates of the annual calendar in three different ethnic cultures. In this case, the purpose of the article involves the solution of two main tasks:

1) research of lexemes from the point of view of motivation/non-motivation, derivation/non-derivation;

2) identification of typological features: substantiation of similarities and differences between the month's nomination of the annual calendar in languages of different systems.

This study also points to the originality of the language world-picture among the speakers of three different unrelated languages. The scientific novelty of the article lies in the study of three different languages selected for analysis in terms of comparison.

The practical significance of the work is determined by the fact the results of the study can be used in theoretical courses on comparative historical linguistics, lexicology of modern Russian, English and Ingush languages. In addition, the materials of this scientific work can be used in the special courses devoted to the linguistic world-picture, linguoculturology and translation theory, i.e. in a practical course of three comparable languages; as well as in the development of topics for term papers and theses; in lexicographic practice during the reconstruction of traditional (folk) models of the annual calendar.

Keywords: comparative-historical linguistics; cognitive linguistics; linguistic comparative studies; temporality; ethnographic-linguistic preparation; annual calendar; fixing periods; time cumulation; the month's names and seasons; genetically unrelated languages; nominative, ergative

Саушева Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

ВОЕННЫЙ ЖАРГОН И ЕГО СВОЙСТВА В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Аннотация: статья посвящена исследованию лексико-фразеологических единиц жаргона военнослужащих США. Изучение структурных особенностей, свойств и характера функционирования профессиональных подсистем языка выступает актуальной задачей современной лингвистики. С целью выявления свойств и специфики функционирования жаргонизмов в языке представителей военных субкультур в статье анализируется семантика единиц военного субстандарта. Материалом для исследования послужили англо-английские словари военного жаргона, общего сленга, терминологические военные словари и электронные источники. В статье раскрываются такие свойства американского военного жаргона, как метафоричность, проявляющаяся в большом количестве ярких образных сравнений с объектами окружающего мира и протекающими в нем процессами, и репрезентативность, позволяющая говорящему указать на принадлежность к социальной группе и идентифицировать себя как ее часть. Отмечается компрессивность военного жаргона, в составе которого присутствует большое количество аббревиатур и сокращений, криптолаличность (стремление к кодированию смысла) и людическая (игровая) направленность жаргонизмов. В статье делается вывод о том, что активное употребление жаргонизмов в речи представителей военной субкультуры США делает жаргон неотъемлемой динамично развивающейся частью английского языка, анализ специфики которой способствует осуществлению успешной коммуникации.

Ключевые слова: военный жаргон, военная субкультура, социолект, семантика, метафора, образ

Общественная природа языка определяет необходимость его изучения как социально-исторического факта и анализа причинных связей между социальными, экономическими и языковыми факторами. Основным средством демонстрации социальной принадлежности и коммуникации представителей различных общественных групп в языке является социально-групповой диалект, родовыми понятиями к которому выступают термины «социолект» и «жаргон».

Социолект – это лексика и фразеология, употребляемая в речи представителями определенной профессиональной, сословной, возрастной, гендерной и т.д. групп [7, с. 199].

Исследование структурных особенностей, свойств и характера функционирования профессиональных подсистем языка выступает актуальной задачей современной лингвистики и обусловливается, как минимум, двумя факторами. Входящая в состав социальной группы совокупность людей, объединенная социолектом, разделяет общие интересы, ценности и нормы поведения, основанные на их общем участии в выполнении какой-либо деятельности [7, с. 199]. Все эти представления складываются в профессиональную картину мира, что делает изучение языка представителей социальной группы ключом к выявлению

специфики мировоззрения данного объединения людей, их морально-этических установок и стереотипов мышления [6, с. 365].

Необходимость исследования жаргонов связана также с возрастающим влиянием языков ряда профессиональных групп на национальный язык: понятия из профессиональной сферы все чаще демонстрируют тенденцию к выходу за традиционные рамки своего функционирования [1, с. 2].

Одним из наиболее «влиятельных» на общеупотребительную лексику и фразеологию национального языка выступает жаргон военнослужащих, как язык представителей одной из основополагающих профессиональных групп любого общества. Экспрессивные и стилистически окрашенные единицы жаргона военнослужащих противопоставлены по своей социальной природе жаргонам гражданской части социума и отражают языковое и речевое своеобразие его носителей [2, с. 11].

В рамках данного исследования остановимся на лексико-фразеологических единицах жаргона военнослужащих США с целью выявления их свойств и специфики функционирования в языке представителей военных субкультур.

Материалом для исследования послужили англо-английские словари военного жаргона, общего сленга, терминологические военные словари и электронные источники. Методом сплошной выборки были отобраны военные жаргонизмы и методами компонентного и этимологического анализа проведено исследование их функциональной нагрузки в языке представителей военной субкультуры.

Одной их характерных черт военного жаргона выступает его **метафоричность**. Номинативная функция жаргонизмов, именующих единицы вооружения и военной техники, предметы обмундирования и быта, явления армейской жизни, реализуется посредством ярких образных сравнений с объектами окружающего мира и протекающими в нем процессами.

В военной субкультуре нередко предметы получают жаргонное наименование на основе внешнего сходства. В семантике жаргонизма *fruit salad* (досл. «фруктовый салат») ‘орденская планка’ заключено метафорическое уподобление многообразия цветов фруктов в салате пестроте приспособления для ношения медальных лент на парадном кителе военнослужащего. Яркое оформление топографических карт послужило поводом для их жаргонного наименования в военной субкультуре США термином *comics* (досл. «комиксы») ‘карта местности’. Сходство размера и формы взрывателя мины-ловушки с человеческим пальцем является причиной появления жаргонизма *finger charge* (досл. «пальчиковый заряд»).

Метафоричность военного жаргона тесно переплетается с юмором как основополагающим фактором формирования словарного состава разговорного языка военнослужащих [12, с. 126]. В армейской среде США новобранцев, проходящих курс начальной боевой подготовки, называют *rainbow* (досл. «радуга»). В семантике жаргонизма заключено образное уподобление бритых голов рекрутов радужной палитре.

Относящийся к стихии устной речи военный жаргон изобилует образными сравнениями, метафорическими выражениями, функционирующими в армейской среде на протяжении многих лет в связи с преимущественно наследным характером несения службы в американском обществе [9, с. 60].

Метафорическое переосмысление на основе сходства действий отражено в жаргонизмах *bird* (досл. «птица») ‘вертолет’, *bang-bang* (досл. «бах-бах») ‘пистолет, винтовка’, *bandit* (досл. «бандит») ‘самолет противника’.

Жаргонизм *11 bullet catcher* (досл. «11-ый ловец пуль») ‘пехотинец’ служит ярким примером не только метафоричности военного разговорного языка, но и его **репрезентативности**. Репрезентативная функция военного жаргона проявляется в возможности выступать в качестве маркера принадлежности к социальной группе. Неизвестная за пределами армейской среды США символическая нагрузка цифры 11 не вызывает затруднений в интерпретации у представителей военной субкультуры, в которой данная цифра в списке военно-учетных специальностей Сухопутных сил США (United States military occupation code) присваивается личному составу пехоты (ср., 11A Infantry Officer, 11B Infantryman, 11C Indirect Fire Infantryman (Mortarman) и т. д.) [15].

Употребление жаргонизмов в речи позволяет говорящему указать на принадлежность к социальной группе, идентифицировать себя как ее часть, самоутвердиться в глазах окружающих [14, с. 8].

Помимо упомянутых ранее факторов формирования военного жаргона – юмора и социальных отношений, Т. Мюррей выделяет также принцип экономии сил [12, с. 126], реализуемый в разговорном языке военнослужащих посредством большого количества сокращений. В качестве примера **компрессивности** военного жаргона приведем следующие слова и словосочетания: *commo* (сокр. от *communications*) ‘связь’, *hand frag* (сокр. от *fragmentation*) ‘осколочная граната’, *illum* (сокр. от *illumination*) ‘осветительный снаряд’, *Mas-Cal* (сокр. от *mass casualty*) ‘массовые потери’, *recon* (сокр. от *reconnaissance*) ‘разведка’, *repo depo* (сокр. от *replacement detachment*) ‘отряд пополнения’.

Обеспечивая экономию речевых и мыслительных усилий, военные жаргонизмы, образованные путем сокращения, способствуют осуществлению динамичной коммуникации.

Наиболее ярким проявлением принципа экономии в языке выступает аббревиация. Образованные путем сокращения и читаемые по алфавитному названию начальных букв слова в военном жаргоне реализуют номинативную функцию и функцию языковой экономии: *AWOL* (absent without leave) ‘самовольная отлучка с места службы’, *Alice* (All-purpose, Lightweight, Individual Carrying Equipment) ‘универсальная облегченная индивидуальная носимая экипировка, *KFS* (knife, fork and spoon) ‘нож, вилка и ложка’.

К одной из тенденций в военном субстандартном словообразовании относится дезаббревиация, под которой понимается обратная расшифровка аббревиатур. Понимание значения дезаббревиатур возможно лишь путем привлечения фоновых знаний и погружения в культуру, историю и общественное устройство страны, поскольку в их семантике заключены реалии, имеющие культурологическую значимость [3, с. 224].

В качестве примера дезаббревиации в американском военном жаргоне можно привести расшифровку *USMC* (United States Marine Corps ‘Корпус Морской пехоты США) *Uncle Sam's Misguided Children* (досл. «заблудшие дети дяди Сэма»). Интерпретация смысла дезаббревиатуры возможна путем привлечения экстралингвистических знаний об имени персонифицированного образа США дяди Сэма, имеющего статус прецедентного феномена в американской культуре и отличающем армейский социум США пренебрежительном и ироничном отношении к морским пехотинцам.

Еще одним примером служит расшифровка *NCO* (non-commissioned officer ‘военнослужащий сержантского состава’) *No Civilian Opportunity* (досл. «без возможностей на гражданке»). В семантике дезаббревиатуры – стереотипные представления о неспособности сержантского состава реализовать себя в условиях гражданской жизни, бытующие в армейской среде США.

В игровом раскодировании аббревиатур для снижения их официального статуса или зашифровки передаваемой информации [4, с. 85-86] проявляется **людическая направленность** единиц военного жаргона.

Американский военный жаргон отличает широкий спектр словосочетаний с различными вариантами расшифровок сокращений, используемых в международном радиотелефонном фонетическом алфавите: *Tango Mike* (thanks much) ‘большое спасибо’, *Charlie Mike* (continue mission) ‘продолжать миссию’, *Lima Charlie* (loud and clear) ‘громко и разборчиво’.

Специфика профессиональных языков определяется не только метафорическим переосмыслением лексики и фразеологии, но и своеобразной «зашифрованностью» передаваемого смысла [5, с. 364-365]. В американском военном жаргоне популярны выражения, шифрующие средствами фонетического алфавита обсценную лексику: *Whiskey Tango Foxtrot* (What The Fuck) ‘что за черт!’, *Charlie Foxtrot* (clusterfuck) ‘проблемная ситуация’, *Alpha Charlie* (ass chewing) ‘получить устный выговор’ и др.

Жаргонизмы позволяют выразить негативные эмоции, избегая табуированной лексики, и свидетельствуют о **криптолаличности** военного жаргона, проявляющейся в зашифровке передаваемой информации.

В заключение отметим, что единицы военного жаргона американских военнослужащих и выполняемые ими функции в среде представителей вооруженных сил позволяют сделать вывод о таких свойствах американского военного жаргона, как метафоричность, репрезентативность, компрессивность, криптолаличность и людическая направленность. Активное употребление жаргонизмов в речи представителей военной субкультуры США делает жаргон неотъемлемой динамично развивающейся частью английского языка, анализ специфики которой способствует осуществлению успешной коммуникации.

Литература

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 2001. 315 с.

2. Бойко Б.Л. Военный профжаргон и профессиональная речь военных // Организационная психолингвистика. 2018. №2 (2). С. 8 – 18.

3. Елистратов А.А. Дезаббревиация в молодежном жаргоне (на материале английского и русского языков) // Вестник Ленинградского государственного университет имени А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 2. Филология. С. 218 – 225.

4. Зеленин А.В. Дезаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. № 1. 2005. С. 78 – 97.

5. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славян. культуры, 2004. 888 с.

6. Лупанова Е.В. Фразеологизмы военной тематики как отражение социальных отношений военнослужащих // Преподаватель XXI век. 2017. № 4-2. С. 364 – 372.

7. Словарь социолингвистических терминов. РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

8. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston: Houghton Mifflin Company, 1992. № 1 191 p.

9. Colby E. Army Talk: A Familiar Dictionary of Soldier Speech. Princeton: Princeton Univ. Press, 1942. 232 p.

10. Dickson P. War slang: American fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Brassey's, Inc. Washington, D.C., 2004. 429 p.

11. Military Terms of the Modern Era [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-B.HTM (дата обращения: 10.09.2022)

12. Murray T.E. The Language of Naval Fighter Pilots // American Speech. 1986. Vol. 61. No. 2. P. 121 – 129.

13. Partridge E. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. New York : Routledge, 2008. 721 p.

14. Spears R.A. Slang and euphemism. New York, 1981. 449 p.

15. US Army basic [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://usarmybasic.com/army-jobs/army-mos-list (дата обращения: 10.09.2022)

References

1. Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolingvistika: uchebnik dlja vuzov. M.: Ros. gos. gumanit. un-t., 2001. 315 s.

2. Bojko B.L. Voennyj profzhargon i professional'naja rech' voennyh. Organizacionnaja psiho-lingvistika. 2018. №2 (2). S. 8 – 18.

3. Elistratov A.A. Dezabbreviacija v molodezhnom zhargone (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov). Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universitet imeni A.S. Pushkina. 2014. T. 1. № 2. Filologija. S. 218 – 225.

4. Zelenin A.V. Dezabbreviacija v russkom jazyke. Voprosy jazykoznanija. № 1. 2005. S. 78 – 97.

5. Krysin L.P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike. M.: Jazyki slavjan. kul'tury, 2004. 888 s.

6. Lupanova E.V. Frazeologizmy voennoj tematiki kak otrazhenie social'nyh otnoshenij voenno-sluzhashhih. Prepodavatel' XXI vek. 2017. № 4-2. S. 364 – 372.

7. Slovar' sociolingvisticheskih terminov. RAN. Institut jazykoznanija. Rossijskaja akademija lingvisticheskih nauk. Otv. red. V.Ju. Mihal'chenko. M., 2006. 312 s.

8. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston: Houghton Mifflin Company, 1992. № 1 191 p.

9. Colby E. Army Talk: A Familiar Dictionary of Soldier Speech. Princeton: Princeton Univ. Press, 1942. 232 p.

10. Dickson P. War slang: American fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Brassey's, Inc. Washington, D.C., 2004. 429 p.

11. Military Terms of the Modern Era [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-B.HTM (data obrashhenija: 10.09.2022)

12. Murray T.E. The Language of Naval Fighter Pilots. American Speech. 1986. Vol. 61. No. 2. R. 121 – 129.

13. Partridge E. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. New York : Routledge, 2008. 721 p.

14. Spears R.A. Slang and euphemism. New York, 1981. 449 p.

15. US Army basic [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://usarmybasic.com/army-jobs/army-mos-list (data obrashhenija: 10.09.2022)

Sausheva E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,

Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

MILITARY JARGON AND ITS CHARACTERISTICS IN THE SPEECH OF REPRESENTATIVES OF THE AMERICAN MILITARY SUBCULTURE

Abstract: the article is devoted to the study of lexical-phraseological units of the US servicemen's slang. The study of structural features, properties and the nature of functioning of professional language subsystems is an urgent task of modern linguistics. In order to reveal the properties and specifics of the functioning of jargonisms in the language of representatives of military subcultures, the article analyzes the semantics of military substandard units. The material for the study is English-English dictionaries of military jargon, general slang, terminological military dictionaries and electronic sources. The article reveals such properties of American military slang as metaphoricity, which is manifested by a large number of vivid figurative comparisons with objects of the surrounding world and the processes going on in it, and representativeness, which allows the speaker to indicate belonging to a social group and identify himself as a part of it. The compression of military jargon, which includes a large number of abbreviations and acronyms, cryptolateness (striving to encode meaning), and the human (playful) orientation of jargonisms are noted. The article concludes that the active use of jargonisms in the speech of the US military subculture makes jargon an integral, dynamically developing part of the English language, and the analysis of its specificity contributes to successful communication.

Keywords: military jargon, military subculture, sociolect, semantics, metaphor, image

Мельниченко А.А.,
Российский университет дружбы народов

ПРИЕМЫ НАРРАТИВА КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В КРИЗИСНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛАХ ИЗДАНИЙ «КОММЕРСАНТЪ», «ИЗВЕСТИЯ», «ЭКСПЕРТ»)

Аннотация: в данной статье рассматривается использование нарративных приемов в освещении кризисных ситуаций в СМИ. Авторы подчеркивают, что благодаря структуре человеческого мышления, нарратив может стать эффективным способом представления конфликтной ситуации. В этом виде повествования журналист не просто излагает факты, а выявляет причинно-следственные связи и закономерности между ними, представляет их в форме «истории». Также журналистский нарратив дает возможность автору материала как высказать свое мнение, так и показать точки зрения сторон конфликта. В статье рассматривается значение понятия «нарратив» в журналистике и нарративные приемы в работах отечественных и зарубежных теоретиков: «голос автора», особая драматическая структура, передача реалистичных диалогов, деталей обстановки, характерных черт героев, хронологическая последовательность событий, средства художественной выразительности, средства создания образности.

В статье проводится анализ материалов российских изданий «КоммерсантЪ», «Известия» и «Эксперт» на предмет нарративных приемов и делается вывод о том, что наиболее часто в российской прессе они используются в репортаже, так как этот жанр позволяет показать хронологическую последовательность событий. В российской прессе нарративные приемы используются для выражения авторской позиции, вызова эмоционального отклика аудитории и анализа кризисной ситуации.

Ключевые слова: дискурс, нарратив, нарративные приемы, нарративная журналистика, кризисные медиатексты, нарратив конфликта, кризисная повестка

В современном медиадискурсе основным направлением деятельности СМИ является предоставление аудитории информации о процессах, происходящих в обществе, в том числе и конфликтных. Однако в кризисной ситуации, когда информационные потоки атакуют аудиторию со всех сторон, тяжело сориентироваться в новостном дискурсе. С одной стороны, СМИ обеспечивают информирование аудитории о конфликтах и мнениях противоборствующих сторон, с другой – сами могут стать участниками конфликта, за счет «включения в конфликт глобальных медиаресурсов» [8, с. 2].

Согласно мнению исследователя технологий массовых коммуникаций Г.Г. Почепцова [11], СМИ могут становиться как косвенными участниками конфликта, при этом исполняя свою роль по информационному сопровождению кризисной ситуации, так и прямыми. Средства массовой информации могут удовлетворять потребность аудитории в получении сведений, то есть предоставлять информацию о субъектах и предметах конфликта, о целях сторон и их взглядах, способствуя при этом формированию общественного мнения о кризисной ситуации. Но также они могут способствовать появлению у аудитории ложного впечатления о

конфликте, путем отражения выборочных фактов или акцентирования внимания аудитории на какой-то конкретной стороне вопроса.

Для реализации своих целей СМИ используют разные методы. Одними из них могут служить нарративные приемы. Важной характеристикой нарратива в журналистике является фактическая информация, представленная в форме повествования с использованием приемов художественной литературы. Основная функция журналистского нарратива – информирование о произошедшем событии, она сочетает в себе описание и объяснение, а все события, упоминаемые в материале, упорядочиваются в определенной временной последовательности [7].

По мнению доктора социологических наук О.А. Даниленко, нарративы конфликтного дискурса отображают разные представления о кризисной ситуации, «за которыми кроются различные варианты ценностной интерпретации ситуации. При этом значение имеет не только то, что сказано, но и то, как это сказано» [6, с. 110].

Сам термин «нарратив» пришел в журналистику из литературоведения. Например, исследователь О. В. Мамуркина под нарративами понимает повествовательные произведения любого жанра и функциональности. «Нарратив в целом выступает в роли главной формы упорядочивания и осмысления окружающего мира, в контексте литературоведения – как особый конструкт, с помощью которого через повествование осваивается окружающая реальность» [10, с. 227]. Нарратив – текст, содержание которого включает в себя «историю», представляющую цепочку событий, связанных между собой пространством, временем и героями [4]. Он служит для придания смысла действиям человека, упорядочивания событий посредством организации, на первый взгляд, не связанных элементов в единое целое [3].

Эффективности нарративных приемов в освещении кризисной ситуации в СМИ способствует и нарративная структура человеческого мышления: мы гораздо проще воспринимаем информацию, когда она облачена не в простые факты, а в форму истории, которая имеет четкие причинно-следственные связи, последовательность событий и снабжена экспрессивно-выразительными языковыми средствами [15]. У нарратива всегда есть «вектор», адресованный определенной аудитории, благодаря которому происходит выделение из сухого хронологического перечисления определенного события и актуализация его как значимого «здесь и сейчас» [16].

Исследователь журналистских нарративов С.А. Бозрикова выделяет следующие характерные черты журналистского нарратива, обязательные для его создания: **актуальность** (острота и своевременность поднимаемой темы, а также важность ее для общества); **погружение** (как способ получения информации: длительное нахождение автора в среде своих героев, чтобы всесторонне изучить ситуацию); **фактографическая точность** (важным для журналистского нарратива является представление именно точной достоверной информации, ведь свое содержание нарративная журналистика берет от журналистики и лишь форму – от литературы); **драматическая структура** (использование структурной схемы художественного произведения, включающей: экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку); **художественный стиль** изложения; **голос автора** (задача автора журналистского нарратива – не только в освещении событий, но и в демонстрации собственного мнения и субъективной оценки относительно происходящего [4].

Важным аспектом журналистского нарратива является так называемый «эффект присутствия», который испытывает читатель, погружаясь в повествование благодаря выразительным средствам языка и различным приемам речевого воздействия. Благодаря таким приемам автор журналистского нарратива акцентирует внимание аудитории на фактах и деталях, необходимых для формирования картины действительности и вызова эмоционального отклика. Рассмотрим нарративные приемы более подробно.

Четыре важных приема, характерных для художественной литературы, а также активно использующихся в журналистских нарративах, выделяет один из теоретиков нарративной журналистики Том Вульф: **организация повествования «сцена за сценой»** («рассказ динамично переходит от одного эпизода к другому, без долгих исторических экскурсов») [5, 3]; наполнение произведения реалистичными диалогами, которые были воспроизведены из увиденного репортером лично; **«точка зрения от третьего лица»** (представление эпизодов с точки зрения персонажей); **наполнение нарратива деталями обстановки** (подробное описание привычек и склада характеров героев как символов «человеческого статуса») [5, 3].

Особую роль в построении журналистского нарратива играют его структурные особенности. Есть четыре основных структурных компонента журналистского нарратива: заголовок, вводная часть (лид) и заключение, задача которых состоит в привлечении читательского внимания, а также основная часть, несущая главную смысловую нагрузку.

С.А. Бозрикова обращает внимание на следующие особенности композиции журналистского нарратива: **последовательность событий:** от начала и до конца, в хронологическом порядке (в отличие от структуры «перевёрнутой пирамиды», когда информация выстраивается в зависимости от степени значимости); **передача информации** посредством сцен и диалогов; **оригинальная композиционная последовательность** фрагментов: различные планы, чередование сцен для поддержания напряжения сюжета журналистского нарратива [4].

Кроме того, для журналистского нарратива важны средства выразительности, поскольку, чем ярче история описана в материале, чем она увлекательнее, тем понятнее и привлекательнее она для читателя. Выразительные средства, использующиеся в нарративе, позволяют читателю ощутить вовлеченность в происходящие события, а также выразить авторское отношение к происходящему. Например, Г.В. Белой и К.И. Симоновым [3] выделяются следующие лингвистические особенности нарратива: **придаточные предложения**, которые должны соответствовать «временной организации событий»; **повествование в прошедшем времени**; **наличие следующих структурных компонентов**: описания места, времени действия, персонажей; конфликта; авторской оценки; разрешения конфликта; коды (завершения повествования и отнесения к «здесь-и-теперь»).

С.А. Бозрикова обращает внимание на такую языковую особенность журналистского нарратива, как **использование образности** в представлении материала с целью создания у читателя эффекта присутствия. Особую роль для достижения наглядности играет описание ярких деталей; **использование лексических, морфологических и пунктуационных приемов** для создания эмоционального окраса материала; **избегание штампов**; **удобочитаемость** текста (использование коротких и понятных предложений, сложные предложения могут выступать только для придания материалу художественности) [4].

Как отмечают Н.С. Авдотьина и И.А. Фокина в своей статье «Принципы и жанровое разнообразие литературного журнализма» [1], синоним литературного журнализма в России – документальная литература. Авторы выделяют несколько характерных приемов документальной литературы: «монтаж и развернутое сопоставление… фактологический, стилистический и психологический анализ документов и их инсценирование» [1, с. 534]. Под «инсценированием» понимается передача речи через диалоги. А также исследователи выделяют следующие принципы, важные для документальной литературы: «художественное исследование, отбор, изучение и критическая оценка документальных свидетельств о каких-либо происшествиях» [1, с. 534].

Особое значение для журналистского нарратива также имеет образ автора-нарратора, ведь его система взглядов, опыт и эмоции влияют на построение сюжетной линии материала и на интерпретацию событий. Как отмечает Н. И. Клушина, именно в современном медиадискурсе автор имеет огромную власть над аудиторией в рамках интернет-коммуникации, ведь интернет-аудитория не ищет официальной информации, а хочет получить эмоции и «уникальную авторскую мысль» [9].

Основываясь на вышеизложенном, проанализируем статьи российских изданий, раскрывающих актуальную кризисную повестку, на предмет применения приемов журналистского нарратива. Для анализа были выбраны материалы трех российских изданий: общественно-политических и деловых газет «КоммерсантЪ» и «Известия» и делового еженедельника «Эксперт».

Материал Александра Черных и Анны Васильевой «В режиме антивоенной спецоперации» [13] был опубликован в газете «КоммерсантЪ» 13 марта 2022 года. В нем рассказывается об антивоенных акциях протеста в Москве. Авторы делают акцент на количестве несправедливых задержаний и описывают эмоции прохожих, которые оказались приняты за митингующих.

В статье события развиваются в хронологической последовательности: сначала авторы делают небольшую предысторию, рассказывают о митингах, происходивших ранее, затем – о том, как и кем был организован этот. Подробное описание обстановки со всеми деталями помогает читателю ярко представить происходящее: «пространство перед Манежем было перекрыто», «там их ждал ряд полицейских автозаков, а за ними — автобусы Росгвардии. Сотрудники полиции расчехлили мегафоны» [13].

Несмотря на то, что восклицательных знаков в статье нет, авторы используют эмоциональную лексику: «хватали», «тащили», «подбегали со спины», «свобода оказалась недолгой». В материале четко видна позиция авторов по лексике, которую они выбирают для характеристики сотрудников Росгвардии и задержанных. Полицейские все делают с силой, «подскакивают», «толкают», «орут», используют нецензурную лексику, прохожие же «послушные», «растерянно топчутся», «всхлипывают», «вытирают слезы кулаком». Также в материале использованы фразеологизмы, например, «сдали нервы», которые добавляют эмоциональности.

Стоит отметить, что прохожие в материале – люди, всегда обладающие характерными чертами: «девушка в синей шубе», «девушка в черном берете и с красным шарфом на шее» [13], эти элементы одежды словно придают им больше человечности, формируют отношение к ним читателя. В тоже время, чтобы отметить для читателей полицейского, который толкнул корреспондента «коммерсанта», авторы используют

только номер его жетона. Благодаря ярким описаниям и акцентированию внимания на запоминающихся деталях, характеризующих героев материала (прохожих, которых задержали несправедливо: одну из двух подруг в красном шарфе, «инфлюенсера» Ксению Романову с брошью Chanel) у читателя создается отчетливая картина происходящего и появляется «эффект присутствия», кроме того, авторы используют разные планы: сначала они описывают происходящее на Манежной площади, затем – уже около Музея войны 1812 года: это придает «объема» картине.

Еще один материал Александра Черных «Здесь быстро учишься иначе быстро умираешь» [14] был опубликован в газете «КоммерсантЪ» 18 апреля 2022 года. В нем автор передает свои эмоции от посещения Мариуполя после обстрела.

События изложены в хронологической последовательности, журналист с фотографом едут на машине, и А. Черных постепенно описывает то, что видит: он обращает внимание читателя на детали («девушка… на рукаве – повязка определенных цветов, отличительный знак российских и пророссийских военных», «пост, солидно укрепленный покрышками и усиленный окопами» [14]). Особый акцент в статье сделан на противопоставление элементов когда-то мирной жизни и деталей войны («поля, зеленеющие весенней травой» - «черные проплешины в ней – воронки от снарядов», картины сельской жизни – «люди сажают картошку в огороде, подметают площадку у небольшой церкви» – «сгоревшее придорожное кафе; чуть дальше навстречу нам едет небольшая группа военной техники» [14]). Картины, описываемые автором, вызывают эмоциональный отклик у читателя. Для усиления этого эффекта используются лексические средства выразительности: эпитеты («остовы автомобилей»), сравнения («многоэтажки торчат обугленными спичками»), метафоры («невысокие дома будто обгрызены»). Кроме того, автор применяет эмоционально окрашенную лексику: «дьявольская избирательность», «пытаюсь не сблевать от страха и отвращения».

Автор воспроизводит диалоги с жителями Мариуполя, отмечает детали, которые формируют у читателя понимание характера героя: «Илоне* на вид лет 60, на ней спортивная флисовая кофта (когда-то светлая) и засаленные горнолыжные брюки; руки с облупившимся маникюром сжимают грязную доску» [14]. Он по памяти инсценирует свой разговор с женщинами, живо и реалистично передает диалоги.

Ярко и эмоционально передает А. Черных свои ощущения: запах от мертвецов на улицах города, впечатления от развалин, над которыми «инородно» смотрятся российский и украинский флаги, страх при звуках, похожих на выстрел («мое сердце разом делает десяток ударов в секунду, лицо горит, челюсти сами сжимаются до хруста», «в животе неприятно холодеет»).

Автор выбирает способ «монтажа» текста: стараясь вызвать как можно более яркий эмоциональный отклик у читателя, он сначала описывает обстановку наиболее нейтральными словами, а затем, добавив какую-то решающую деталь, переходит на более резкую лексику. Например, сначала он сравнивает развалины завода с советскими «заброшками», а затем добавляет: «только обычно в заброшках не стоят горелые танки. И не валяются расплавленные гильзы. И под еловыми лапами лежат шишки, а не бронежилеты».

Стоит отметить, что этот репортаж построен на противопоставлениях. Это символы, например, абсолютно целые автобусы на фоне сгоревшей остановки, компьютерные «стрелялки», в которые играли все

«мальчишки», находящиеся по обе стороны, и которые стали жизнью, весенняя зеленая трава, покрытая ямами от снарядов. Все это вызывает чувственный отклик читателя.

Еще один репортаж «Бесконечные минуты обстрела: как продвигаются бои в Донбассе» Сергея Прудникова [12] рассказывает о моменте атаки ВСУ на жилой квартал Николаевки. Материал был опубликован 27 февраля 2022 года. Сначала автор дает небольшое вступление, где вводит читателя в курс событий, объясняет ситуацию, затем – начинается повествование.

С. Прудников проводит читателя вместе с собой через населенные пункты, он в деталях описывает то, что проезжал, передает свои эмоции («до точки прибытия особого ощущения близости войны нет» [12]), чувственные ощущения («в нос ударяет резкий запах гари»), обращает внимание на особенности, например, на то, в какой цвет выкрашены линии электропередачи. Все это формирует у читателя «эффект присутствия», появляется четкая картина происходящего. Более того, «монтаж» сцен, когда последовательно внимание читателя переходит с одной детали на другую, создает более устойчивое «погружение» в события. В этих описаниях экспозиции автор использует короткие предложения.

Затем в материале появляются герои: автор характеризует их через диалоги, которые воспроизводит очень реалистично. Описание одного героя в первой сцене характеризует состояние всех гражданских жителей квартала: «Олеся до сих пор трясется мелкой дрожью» [12]. В материале рассказаны истории двух солдат, автор отмечает, что «нервы у всех на пределе». Но максимального эмоционального накала автор добивается, когда описывает мирных жителей, укрывшихся в подвале во время обстрела («женщина в темноте, утешающая плачущую дочь»).

Благодаря хронологической последовательности событий в материале обстрел для читателя начинается так же неожиданно, как это случилось для участников действий: «примерно на этих его словах над головой свистит» [12]. Для передачи эмоционального состояния автор использует лексические приемы: эпитеты («бесконечная минута»), повторы («вокруг десятки и десятки людей»), метафоры («весь подвал воет») и эмоционально окрашенную лексику («бросаюсь», «некуда забиться», «мы находимся на пятачке»). Для передачи состояния паники после обстрела используются короткие фразы, которые во время чтения способствуют «накалу» обстановки («в укрытие, пока передышка, скорее!»).

В материале сформированы яркие образы мирных жителей, которые оказались в безвыходной ситуации, автор создает эмоциональное напряжение у читателя, через черты героев, через свои ощущения.

Репортаж из Донбасса Марины Ахмедовой «Железные нежелезные» [2] был опубликован в 11 номере журнала «Эксперт» за март 2022 года. В этом репортаже М. Ахмедова делает акцент на эмоциях и мыслях жителей ДНР, на их мнении о военной операции на Украине.

Репортаж начинается с повествования: «Дмитрий Мироненко несется по коридору роддома. Из родзала слышен властный голос начмеда Железной…» [2]. Это способствует погружению читателя в события, автор подробно описывает путь по бункерным помещениям к подземному родзалу, все это позволяет читателю ощутить сложность и напряженность происходящего и самостоятельно оценить ситуацию. Фактографической точности материалу придают диалоги героев, услышанные и воспроизведенные в материале М. Ахмедовой, автор практически ничего не рассказывает, только задает вопросы, герои сами говорят о своей

судьбе. Факты раскрываются через диалог: где-то через рассказы героев журналисту, где-то из диалогов между героями.

Автор в репортаже выступает участником событий, он разговаривает с героями, описывает ситуации, происходящие между жителями ДНР, рассказывает об обстановке на Донбассе, через диалоги с интервьюируемыми. Авторская позиция М. Ахмедовой отражается даже в вопросах, которые она задает героям.

«Монтаж» последовательности фрагментов репортажа придает драматичность повествованию: автор начинает с роддома и врачей, которые закрывают недоношенных детей собой во время обстрелов. Сразу делается упор на эмоциональность, читателя погружают в среду тяжелых военных условий. В материале прослеживается кольцевая композиция: М. Ахмедова начинает и заканчивает репортаж с описания роддома, тем самым показывая читателю «болевые» точки Донбасса, где острее всего чувствуется весь ужас войны.

Для усиления «эффекта присутствия» и большей эмоциональности материал написан в настоящем времени, и в репортаже используются синтаксические средства выразительности: метафоры («холодное нутро кафельных стен») и эпитеты («хрупкий слой»). Особую роль в материале играет образность, автор создает ярких героев, описывает их внешний вид, движения, которые передают их внутреннее состояние: трясущиеся руки, бесстрашные глаза. Интересен заголовок материала: «Железная» – это фамилия одной из героинь репортажа, ее историю М. Ахмедова рассказывает в самом начале, и эта женщина соответствует своей фамилии: она проявляет силу и стойкость перед обстоятельствами, также ведут себя и остальные герои материала, поэтому языковая игра в заголовке «Железные нежелезные» отражает не только моральную стойкость героев, но и их физическую слабость.

В этом репортаже основной акцент делается на истории героев, автор позволяет своим героям самостоятельно высказаться, рассказать о своих горестях и сложностях, это добавляет фактографичности материалу, читатель понимает, что все, что описано, происходило на самом деле. Художественный стиль повествования, авторские описания героев с акцентами на особенностях поведения, которые стали следствием войны: трясущиеся руки, постоянная напряженность в ожидании обстрела – добавляют драматичности повествованию и вызывают эмоциональный отклик читателя.

Выводы

Анализ материалов российских изданий «КоммерсантЪ», «Известия» и «Эксперт», освещающих кризисные ситуации, показал, что нарративные приемы часто используются журналистами при освещении кризисных событий. Применение нарративных приемов помогает сделать материал более выразительным, наполнить его лексическими средствами, которые способны вызвать у читателя чувственный отклик. Языковая игра, ирония, отсылки – все это остается в памяти читателя, делая материал наиболее привлекательным и запоминающимся. Через нарративные приемы автор способен выразить свою позицию не только с помощью отбора фактов, но и подбора подходящих слов, выражений, фразеологизмов, которые погружают читателя в описываемую обстановку и показывают происходящее глазами участника событий. Более того, в журналистском нарративе у автора есть возможность самостоятельно определять наиболее значительные детали и подробности и акцентировать внимание аудитории на них.

В отечественной прессе наиболее востребованным среди нарративных жанров является репортаж, в котором автор показывает хронологическую последовательность событий, их развитие и этим создает у читателя «эффект присутствия». Этот жанр позволяет выразить не только позицию автора материала, но и дать возможность аудитории увидеть события с точки зрения героев, благодаря воспроизведению диалогов и поведенческих особенностей. В этом жанре автор не просто излагает факты, а создает причинно-следственные связи между ними, определяет закономерности для глубокого анализа кризисной ситуации и поиска способов ее разрешения. Журналистский нарратив имеет драматическую структуру, и это позволяет показать кризисную ситуацию в развитии, передать ее этапы.

На основе анализа выявлены тенденции использования нарративных приемов в российских изданиях: журналистский нарратив в освещении кризисных ситуаций используется для выражения авторской оценки, вызова чувственного отклика у читателя, в качестве попытки проанализировать кризисную ситуацию и дать ей свою трактовку.

Можно сделать вывод о том, что применение нарративных приемов является эффективным способом представления действительности в кризисных медиатекстах, так как дает возможность представить точки зрения противоборствующих сторон через мнения героев нарратива, является результатом сбора фактов, деталей, эпизодов путем «погружения» автора в происходящие события и имеет форму повествования, которая привычнее для читателя и лучше им воспринимается.

Литература

1. Авдотьина Н.С., Фокина И.А. Принципы и жанровое разнообразие литературного журнализма // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 4. С. 528 – 540.

2. Ахмедова М. Железные нежелезные // Эксперт. [Электронный ресурс]: Эксперт – Электрон. дан. 2022. № 11. Режим доступа: https://expert.ru/expert/2022/11/zheleznyye-nezheleznyye/ (дата обращения: 09.10.2022)

3. Белая Г.В., Симонов К.И. Гносео-онтологическая интерпретация дихотомии «нарратив/текст» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – № 4. – С. 1250-1258.

4. Бозрикова С.А., Татару Л.В. Нарративная журналистика в Америке и в России: учебно методическое пособие для студентов филол. специальностей. Балашов: Николаев, 2012.

5. Вулф Т. Новая журналистика и антология новой журналистики под редакцией Тома Вулфа и Э.У. Джонсона // Том Вулф: пер. с англ. Д.А. Благов и Ю.А. Балаян. Санкт-Петербург: Амфора, 2008. 261 с.

6. Даниленко О.А. Роль качественных методов в исследовании социальных конфликтов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 1. С. 110 – 123.

7. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 95 – 107.

8. Кинаш Ю.С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. С. 1 – 7.

9. Клушина Н.И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 1. С. 24 – 35.

10. Мамуркина О.В. Теория нарратива в современном литературоведении // Царскосельские чтения. 2011. № 15. С. 226 – 230.

11. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, 2000. С. 523.

12. Прудников С. Бесконечные минуты обстрела: как продвигаются бои в Донбасс // Известия. [Электронный ресурс]: Известия – Электрон. дан. 2022. Режим доступа: https://iz.ru/1297876/sergei-prudnikov/beskonechnye-minuty-obstrela-kak-prodvigaiutsia-boi-v-donetckoi-oblasti (дата обращения: 09.10.2022)

13. Черных А., Васильева А. В режиме антивоенной спецоперации // Коммерсант. [Электронный ресурс]: Коммерсант – Электрон. дан. 2022. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5252498 (дата обращения: 08.102022)

14. Черных А. Здесь быстро учишься, иначе быстро умираешь // Коммерсант [Электронный ресурс]: Коммерсант – Электрон. дан. 2022. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5316007 (дата обращения: 08.10.2022)

15. Шомова С.А. Политический сторителлинг в визуальной коммуникации // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сборник статей II междунар. науч. конф. 2016. С. 302 – 305.

16. Эльдарион А.А. Нарративизация истории: событие и нарратив // Успехи современной науки. 2017. № 1. С. 158 – 160.

References

1. Avdot'ina N.S., Fokina I.A. Principy i zhanrovoe raznoobrazie literaturnogo zhurnalizma. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. № 4. S. 528 – 540.

2. Ahmedova M. Zheleznye nezheleznye. Jekspert. [Jelektronnyj resurs]: Jekspert – Jelektron. dan. 2022. № 11. Rezhim dostupa: https://expert.ru/expert/2022/11/zheleznyye-nezheleznyye/ (data obrashhenija: 09.10.2022)

3. Belaja G.V., Simonov K.I. Gnoseo-ontologicheskaja interpretacija dihotomii «narrativ/tekst». Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2009. – № 4. – S. 1250-1258.

4. Bozrikova S.A., Tataru L.V. Narrativnaja zhurnalistika v Amerike i v Rossii: uchebno metodicheskoe posobie dlja studentov filol. special'nostej. Balashov: Nikolaev, 2012.

5. Vulf T. Novaja zhurnalistika i antologija novoj zhurnalistiki pod redakciej Toma Vulfa i Je.U. Dzhonsona. Tom Vulf: per. s angl. D.A. Blagov i Ju.A. Balajan. Sankt-Peterburg: Amfora, 2008. 261 s.

6. Danilenko O.A. Rol' kachestvennyh metodov v issledovanii social'nyh konfliktov. Sociologija: teorija, metody, marketing. 2006. № 1. S. 110 – 123.

7. Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. Modeli analiza narrative. Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2007. № 4. S. 95 – 107.

8. Kinash Ju.S. Rol' SMI i «novyh media» v sovremennyh politicheskih konfliktah. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). 2017. № 4. S. 1 – 7.

9. Klushina N.I. Narrativnye praktiki v sovremennom rossijskom mediadiskurse [Jelektronnyj resurs]. Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2021. № 1. S. 24 – 35.

10. Mamurkina O.V. Teorija narrativa v sovremennom literaturovedenii. Carskosel'skie chtenija. 2011. № 15. S. 226 – 230.

11. Pochepcov G.G. Psihologicheskie vojny. M.: Refl-buk, 2000. S. 523.

12. Prudnikov S. Beskonechnye minuty obstrela: kak prodvigajutsja boi v Donbass. Izvestija. [Jelektronnyj resurs]: Izvestija – Jelektron. dan. 2022. Rezhim dostupa: https://iz.ru/1297876/sergei-prudnikov/beskonechnye-minuty-obstrela-kak-prodvigaiutsia-boi-v-donetckoi-oblasti (data obrashhenija: 09.10.2022)

13. Chernyh A., Vasil'eva A. V rezhime antivoennoj specoperacii. Kommersant. [Jelektronnyj resurs]: Kommersant – Jelektron. dan. 2022. Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/5252498 (data obrashhenija: 08.102022)

14. Chernyh A. Zdes' bystro uchish'sja, inache bystro umiraesh'. Kommersant [Jelektronnyj resurs]: Kommersant – Jelektron. dan. 2022. Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/5316007 (data obrashhenija: 08.10.2022)

15. Shomova S.A. Politicheskij storitelling v vizual'noj kommunikacii. Vizual'naja kommunikacija v sociokul'turnoj dinamike: sbornik statej II mezhdunar. nauch. konf. 2016. S. 302 – 305.

16. Jel'darion A.A. Narrativizacija istorii: sobytie i narrative. Uspehi sovremennoj nauki. 2017. № 1. S. 158 – 160.

Melnichenko A.A.,

Peoples' Friendship University of Russia

NARRATIVE TECHNIQUES AS A WAY TO REPRESENT THE REALITY IN CRISIS MEDIA TEXTS (BY THE MATERIALS OF "KOMMERSANT", "IZVESTIA", "EXPERT")

Abstract: this article discusses using of narrative techniques media coverage of crisis situations. The authors emphasize that due to the narrative structure of human thinking, narrative can become an effective way of representing a crisis situation. The narrative journalism also allows the author to express his opinion and show the points of view of the parties of the conflict. The article discusses the meaning of "narrative" in journalism and narrative techniques in the works of domestic and foreign narrative theorists: "the voice of the author", a special dramatic structure, realistic dialogues, details of the situation, the characteristics of the characters, the chronological sequence of events, stylistic devices and expressive means.

The article analyzes the materials of the Russian publications "Kommersant", "Izvestia" and "Expert" and narrative techniques in them and concludes that the most common use of narrative techniques in the Russian press is in report, since this genre allows you to show the chronological sequence of events. In the Russian press, narrative techniques are used to express the author's position, evoke an emotional response from the audience, and analyze a crisis situation.

Keywords: discourse, narrative, narrative techniques, narrative journalism, crisis media texts, conflict narrative, crisis agenda

Курбакова О.Д.,
Попова Е.О., кандидат филологических наук, ассистент,
Российский университет дружбы народов

СТОРИТЕЛЛИНГ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧУВСТВА ЗРИТЕЛЯ

Аннотация: статья посвящена исследованию феномена сторителлинга, истории его появления в качестве бизнес-идеи. Авторы затрагивают проблемы удержания внимания современного зрителя и способы их решения. Цель статьи – показать, как влияет сторителлинг на восприятие людей преподносимой информации, и что заставляет следить за продолжением развития сюжетной линии. Материалом для исследования послужили книги: Д. Мовшовиц «От идеи до злодея. Учимся создавать истории вместе с Pixar», А. Симмонс «Сторителлинг. Как использовать силу историй», К. Галло «Искусство сторителлинга. Как создавать истории, которые попадут в самое сердце аудитории». В статье приводятся основные способы повествования сторителлинга такие, как устный, письменный и визуальный. Особое внимание уделяется схемам и формуле «успешной истории» с пояснениями к каждому пункту. исследовании приводятся и анализируются примеры из фильмов, сериалов и рекламы. Рассматривается история сториттелинга, композиция успешной и продающей истории, приемы воздействия на аудиторию. В заключении авторы приходят к выводу, что сторителлинг – мощнейший инструмент влияния. С его помощью можно сформировать ощущение сопричастности, внушить требуемые мысли и воздействовать на чувства аудитории.

Ключевые слова: сторителлинг, медиа, современный зритель, воздействие на чувства, способы рассказывания истории, формула успешной истории

Когда мы затрагиваем тему предпочтений телевизионного, рекламного или кинематографического контента, то даже самому опытному зрителю сложно сразу ответить на вопрос, почему он выбрал конкретно этот фильм или сериал, обратил внимание на ту или иную рекламу. Скорее всего зрителя привлекает именно сюжетная линия истории, а также авторская манера повествования. Это те аспекты, которые заставляет аудиторию давать максимальный отклик.

Интерактивное искусство использования слов и преподнесения истории так, чтобы максимально удержать зрительское внимание называется сторителлинг [1, с. 45]. На сегодняшний день технологии сторителлинга зарекомендовали себя в различных областях: детские сказки, книги, stand-up, импровизация, фильмы, сериалы, программы на ТВ и многое другое. Это уникальное явление, которое существует даже вне языкового барьера: при помощи картинок, видеоряда и жестов любой человек способен понять рассказываемую историю.

Сторителлинг сегодня – грамотная гуманитарная технология, с помощью которой рассказчик воздействует на аудиторию, формируя у нее необходимые эмоции и впечатления. Сторителлинг происходит от английского слова «storytelling», что дословно переводится как «рассказывание истории». Это донесение

информации до аудитории через истории и рассказы, героями которых являются выдуманные или реальные действующие лица.

Невозможно определить точную дату возникновения сторителлинга, так как он возникает вместе с зарождением коммуникации в обществе. Все сказки, мифы, предания и легенды, которые существуют абсолютно в каждой культуре, являются своего рода сторителлингом. Самое раннее свидетельство этого явления, относящееся к солютерейской культуре, было обнаружено во Франции в пещерах Ласко и Шаво. На стенах пещеры изображены наскальные рисунки, сделанные более восемнадцати тысяч лет назад, а поскольку древний человек при помощи рисунков запечатлел животных, методы охоты, то по своей сути это была история в картинках, которую можно справедливо назвать сторителлнигом. Другим примером сторителлинга служат детские сказки, целью которых было предостережение детей, попытка их научить определенным правилам жизни, например, «в лес не ходи, там опасно, особенно ночью». Подобное повествование было направлено на то, чтобы облачить запрет в такую форму, чтобы у ребенка не возникла желание его нарушить. Для этого в истории появлялись архетипы героя и врага, использовались зоометафоры. Это способствовало возникновению определенных стереотипов и формировало ассоциативный ряд с героями сказки.

Среди наиболее распространенных способов повествования выделяются:

- Устный – примерами может служить stand-up, когда человек рассказывает истории из жизни, которые находят отклик у зрителя, поскольку это ему знакомо; выступления на TED, где также звучат именно те темы, которые важны и понятны; устное народное творчество.
- Письменный – статьи в изданиях, серии книг, записи в блогах и т.п.
- Визуальный – в эту категорию можно отнести наскальные рисунки, фильмы, сериалы, рекламу и даже комиксы.

Впервые термин сторителлинг употребил Дэвид Армстронг, глава международной компании Armstrong International. Долгое время Д. Армстронг не мог обучить своих сотрудников определенному своду правил. В своих попытках он испробовал несколько способов, самым эффективным из которых оказался рассказ истории, который работники переносили на себя. Вместо сухих фактов он использовал комиксы про сотрудников, которые с легкостью воспринимались людьми.

В 2006 году сторителлинг был признан лучшей бизнес-идеей журналом Harvard Business Review. Тогда маркетологи смогли осознать, что этот метод можно использовать как эффективный способ продвижения товара или услуги.

Главная задача сторителлинга – захватить все внимание аудитории и удержать его до самого конца повествования. Нельзя оставлять внимание зрителя ни на секунду, ему должно хотеться узнать продолжение развития сюжетной линии.

Грамотно выстроенная структура повествования помогает сделать историю интереснее для потребителя информации. Существует несколько схем, на которые стоит опираться при создании повествования. Первая, которая считается стандартной, состоит из 6 пунктов [10]:

Кто главный герой истории.

1. Это может быть как выдуманный персонаж, так и реальный, важно прописать его характер, какой он, придумать предысторию, чтобы понимать причины его поступков.
2. *Сюжет*.
3. Общая нить повествования. Цель, к которой идет герой.
4. *Конфликт или принятие решения*.
5. Это то, что мешает герою для достижения цели.
6. *Преграда*.
7. То, что должен преодолеть герой для достижения цели.
8. *Мини преображение героя*.
9. Герой обязательно должен измениться к концу истории в худшую или лучшую сторону, в противном случае история не будет казаться зрителю настоящей.
10. *Конец*.

Данная схема отражает структуру большинства историй, но в целом она направлена на ознакомление с содержанием материала.

Рассмотрим вторую схему, предложенную Робертом Макки в книге «Диалог» [11], предназначенную для сценаристов:

1. *Переход сюжета от негатива к позитиву.*
2. *Конфликт и противоборства.*
3. *Неожиданный поворот или сюрприз.*
4. *Озарение.*
5. *Счастливый финал.*

Таким образом, у двух представленных выше схем есть общие пункты: герой, преграда, конфликт. Отличия же заключаются в том, что в первой схеме финал может быть как положительным, так и негативным, во второй – предусматривается только позитивный конец. Вместо преображения героя – озарение, то есть какая-то гениальная идея, которая возникла у персонажей в процессе развития сюжетной линии.

Стоит подчеркнуть, что существует также несколько общих аспектов, которые должны соблюдаться в любой истории: развитие персонажа, динамика событий и интересный финал. Залог успешной истории – ее конец, который должен быть захватывающим и удивляющим, даже если и можно было бы предположить, как и чем закончится повествование.

Еще одну схему написания успешной истории предлагает компания Pixar. Мультфильмы данной студии пользуются огромным успехом, поэтому мы считаем необходимым упомянуть в нашем исследовании их формулу идеального сюжета:

1. *Жил-был герой.*
2. *Каждое утро он что-то делает.*
3. *Однажды что-то происходит.*
4. *И потому следуют описываемые события.*

5. *Кульминация, которая меняет героя и мир* [17].

Рассмотрим данную формулу на примере известного мультфильма Pixar «Корпорация монстров»:

1. *Жили были* два монстра в Монстрополисе: Салливан и Майк Вазовский.

2. *Каждое утро* они ходят на работу в «Корпорацию монстров», где соревнуются с другими монстрами за первое место в гонке за лучшими показателями в сборе детских криков.

3. *Однажды*, Майк забывает о дне Рождении своей девушки и не успевает разобраться с бюрократическими моментами, поэтому поручает это сделать Салли. Синий монстр по пути к месту сдачи документов видит дверь в детскую комнату. Он решает заглянуть в эту дверь, что приводит к тому, что в Монстрополис попадает девочка Бу, которую боятся все монстры, так как дети считаются опасными для жизни. Салливан пытается скрыть наличие ребенка, поскольку его могут обрить налысо и уволить, поэтому решает вернуть ребенка обратно.

4. *И потому происходят* все события в истории.

5. *В кульминации* Салливан узнает, что его наставник Водоног – главный злодей и это сильно меняет его как личность.

Формула построения повествования, которую используют Pixar, делает сюжет интересным. По структуре данная композиция напоминает классические сказочные истории, что интуитивно повышает доверие у аудитории. Как и в классической сказке, в истории Pixar содержится мораль, а герои выносят из всего происходящего определенный урок. События, происходящие в мультфильме, заставляют героев меняться. А аудитория, наблюдающая за повествовательным процессом, активно сопереживает главным действующим лицам.

Чтобы заставить аудиторию сопереживать героям истории, необходимо отметить несколько обязательных критериев, которые должны содержаться в повествовании:

1. Герой должен выйти из своей зоны комфорта и принимать «неправильные» решения. Например, в мультфильме «История игрушек», созданным киностудией Pixar, совместно с компанией Walt Disney, если бы ковбой Вуди решил обсудить все с новой игрушкой, а не избавился от нее, то не было бы завязки, соответственно, не было бы самой истории.

2. У героя должны быть свои взгляды на вещи.

При разработке образа героя необходимо четко определить его жизненную позицию и ценностные ориентиры, чтобы зритель мог находить схожие черты и ассоциировать себя с героем.

3. *В конфликте должны быть ставка и риск.*

4. Герой должен пожертвовать, тем, что ему дорого, чтобы судьба наградила его. В мультфильме «Тачки» МакВинн пожертвовал победой в гонках, но помог другой машине доехать, главный герой мультфильма «Вверх» пожертвовал своим домом, который он строил со своей умершей возлюбленной, ради спасения мальчика. Такие поступки вызывают у аудитории эмоции: сопереживание, восхищение, сочувствие.

5. Все, проанализированные нами схемы построения повествования, можно применить к разным направлениям, будь то stand-up, фильмы, литература, персональный блог или реклама.

Кроме того, существуют приемы воздействия на аудиторию, используемые в сторителлинге, выполняющие функцию привлечения и удержания внимания:

1. *Воздействие на эмоции.*

Самый правильный и действенный способ – заставить зрителя сопереживать, соответственно, нужно принудить его прожить историю героя.

Например, реклама мыла Dove [14], в которой девушки сначала описывают себя художнику, а те их рисуют с описания, воздействует эмоции потребителя. Каждая женщина порой испытывает неудовлетворенность от своей внешности и ей важно почувствовать себя красивой, поэтому история для аудитории оказывается такой запоминающейся.

Воздействие на эмоции проходит также через формирование четкого ассоциативного ряда. Например, реклама крема NIVEA [7] порождает ассоциации с семьей, а реклама Coca-cola [9] с Новым годом.

Стоит отметить, что эмоции могут быть как позитивными, так и негативными. Например, самый короткий рассказ и одновременно рекламный текст, содержащий завязку, кульминацию и развязку – «Продаются детские ботиночки, неношеные» [15]. Страх вызывает непонимание того, выдуманная история это или за объявлением скрыта чья-то трагедия.

2. Заставить сочувствовать и сопереживать.

Чем сильнее история откликается в сердцах зрителей, тем более велика вероятность того, что ее досмотрят до конца. Важно понимать, что необходима четкая линия сюжета, которая раскрывает жизнь и характеры персонажей. Зритель сопереживает Хатико, потому что были показаны взаимоотношения собаки и хозяина. Развитие отношений в фильме «В метре друг от друга» заставляет зрителя сочувствовать героям и верить в лучшее будущее для них. Если рассматривать социальную рекламу, например, о помощи детям, страдающим серьезными заболеваниями, требующими дорогостоящего лечения, то линия повествования всегда начинается с описания любимых занятий ребенка, его достижений, а потом зрителю сообщается диагноз. Происходит эффективное воздействие на эмоции, аудитория понимает, чего может лишиться ребенок, сколько всего он не сможет сделать и попробовать в своей жизни. Возникает сочувствие и переживание.

3. *Мотивирование к действию.*

Мотивация имеет сильнейший эффект воздействия на аудиторию. Вдохновляющие цитаты из книг, фильмов и сериалов помогают обретать себя и развиваться. Реклама Nike [18] с измененной песней «Из чего же, из чего же…» стала популярной и яркой как раз из-за того, что мотивировала потребителей, в частности девушек, на свершения.

Таким образом, сторителлинг – средство воздействия на аудиторию путем передачи информации и нахождения необходимых смыслов через рассказ истории. Также это маркетинговый прием, обеспечивающий эффективную мотивацию к действию. Это такой рассказ, который захватывает внимание аудитории с

первой секунды повествования и держит на протяжении всей истории, вызывая симпатии или антипатии к героям, таким образом, донося основные мысли и идеи повествования.

При помощи сторителлинга можно оказывать влияние на зрителей, акцентировать их внимание на важных вещах, внушить требуемые мысли, сформировать ощущение сопричастности, вызвать запланированную реакцию, воздействовать на чувства аудитории.

Литература

1. Аннет Симмонс Сторителлинг. Как использовать силу историй. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 379 с. (дата обращения: 15.02. 2022)

2. Генцарь-Осипова Марина, Синюкова Мария, Крюкова Тамара Продающий сторителлинг / Комсомольская правда. 2022. 240 с. (дата обращения: 1.10. 2022)

3. Дин Мовшовиц От идеи до злодея. Учимся создавать истории вместе с Pixar. Эксмо, 2020. 128 с. (дата обращения: 08.02. 2022)

4. Дэвид Хатченс 9 техник сторителлинга. Попурри, 2019. 288 с. (дата обращения: 15.05. 2022)

5. Кармин Галло Искусство сторителлинга. Как создавать истории, которые попадут в самое сердце аудитории. Бомбора, 2021. 368 с. (дата обращения: 18.04. 2022)

6. Кэролайн Лоуренс Сторителлинг. Как написать отличную историю. Лайвбук, 2021. 176 с. (дата обращения: 21.02. 2022)

7. Поделись заботой. Поделись NIVEA – Мария Петрова и Алексей Тихонов // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=7dpYhIVst8U (дата обращения: 10.09.2022)

8. Пол Смит Мастер историй. Увлекай, убеждай, вдохновляй. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2017. 288 с. (дата обращения: 11.09. 2022)

9. ПРАЗДНИК К НАМ ПРИХОДИТ, новогодняя реклама Кока Колы – Караван Coca-Cola путешествует по России // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=qDjxM2nLVRs (дата обращения: 10.09.2022)

10. Рене Некуда Фабрика историй. Сторителлинг от нуля до бесконечности. Хоббитека, 2020. 140 с. (дата обращения: 21.02. 2022)

11. Роберт Макки Диалог. Искусство слова для писателей, сценаристов и драматургов: Альпина нон-фикшн, 2018. 318 с. (дата обращения: 08.02. 2022)

12. Роберт Макки История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. 4-е изд. Альпина нон-фикшн, 2019. 456 с. (дата обращения: 21.02. 2022)

13. Dove: Эскизы настоящей красоты // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=LMgAr2KgvL0 (дата обращения: 10.09.2022)

14. For sale, baby shoes, never worn // Wikipedia. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/For_sale,_baby_shoes,_never_worn (дата обращения: 9.10.2022)

15. THE STORY SPINE: PIXAR’S 4TH RULE OF STORYTELLING // Aerogramme Writers' Studio URL: https://www.aerogrammestudio.com/2013/03/22/the-story-spine-pixars-4th-rule-of-storytelling/ (дата обращения: 20.01.2022)

16. PIXAR'S 22 RULES OF STORYTELLING // Aerogramme Writers' Studio URL: https://www.aerogrammestudio.com/2013/03/07/pixars-22-rules-of-storytelling/ (дата обращения: 20.01.2022)

17. Nike: Из чего же сделаны наши девчонки? // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=xifSHMbGSKI (дата обращения: 10.09.2022)

References

1. Annet Simmons Storitelling. Kak ispol'zovat' silu istorij. OOO «Mann, Ivanov i Ferber», 2013. 379 s. (data obrashhenija: 15.02. 2022)

2. Gencar'-Osipova Marina, Sinjukova Marija, Krjukova Tamara Prodajushhij storytelling. Komsomol'skaja pravda. 2022. 240 s. (data obrashhenija: 1.10. 2022)

3. Din Movshovic Ot idei do zlodeja. Uchimsja sozdavat' istorii vmeste s Pixar. Jeksmo, 2020. 128 s. (data obrashhenija: 08.02. 2022)

4. Djevid Hatchens 9 tehnik storitellinga. Popurri, 2019. 288 s. (data obrashhenija: 15.05. 2022)

5. Karmin Gallo Iskusstvo storitellinga. Kak sozdavat' istorii, kotorye popadut v samoe serdce auditorii. Bombora, 2021. 368 s. (data obrashhenija: 18.04. 2022)

6. Kjerolajn Lourens Storitelling. Kak napisat' otlichnuju istoriju. Lajvbuk, 2021. 176 s. (data obrashhenija: 21.02. 2022)

7. Podelis' zabotoj. Podelis' NIVEA – Marija Petrova i Aleksej Tihonov. YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=7dpYhIVst8U (data obrashhenija: 10.09.2022)

8. Pol Smit Master istorij. Uvlekaj, ubezhdaj, vdohnovljaj. OOO «Mann, Ivanov i Ferber», 2017. 288 s. (data obrashhenija: 11.09. 2022)

9. PRAZDNIK K NAM PRIHODIT, novogodnjaja reklama Koka Koly – Karavan Coca-Cola puteshestvuet po Rossii. YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=qDjxM2nLVRs (data obrashhenija: 10.09.2022)

10. Rene Nekuda Fabrika istorij. Storitelling ot nulja do beskonechnosti. Hobbiteka, 2020. 140 s. (data obrashhenija: 21.02. 2022)

11. Robert Makki Dialog. Iskusstvo slova dlja pisatelej, scenaristov i dramaturgov: Al'pina non-fikshn, 2018. 318 c. (data obrashhenija: 08.02. 2022)

12. Robert Makki Istorija na million dollarov: Master-klass dlja scenaristov, pisatelej i ne tol'ko. 4-e izd. Al'pina non-fikshn, 2019. 456 s. (data obrashhenija: 21.02. 2022)

13. Dove: Jeskizy nastojashhej krasoty. YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=LMgAr2KgvL0 (data obrashhenija: 10.09.2022)

14. For sale, baby shoes, never worn. Wikipedia. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/For_sale,_baby_shoes,_never_worn (data obrashhenija: 9.10.2022)

15. THE STORY SPINE: PIXAR'S 4TH RULE OF STORYTELLING. Aerogramme Writers' Studio URL: https://www.aerogrammestudio.com/2013/03/22/the-story-spine-pixars-4th-rule-of-storytelling/ (data obrashhenija: 20.01.2022)

16. PIXAR'S 22 RULES OF STORYTELLING. Aerogramme Writers' Studio URL: https://www.aerogrammestudio.com/2013/03/07/pixars-22-rules-of-storytelling/ (data obrashhenija: 20.01.2022)

17. Nike: Iz chego zhe sdelany nashi devchonki? YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=xifSHMbGSKI (data obrashhenija: 10.09.2022)

Kurbakova O.D.,

Popova E.O., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Assistant Professor,

Peoples' Friendship University of Russia

STORYTELLING AS A WAY OF INFLUENCING THE VIEWER'S FEELINGS

Abstract: the article is devoted to the study of the phenomenon of storytelling, the history of its appearance as a business idea. The authors touch upon the problems of retaining the attention of the modern viewer and ways to solve them. The purpose of our work is to show how storytelling affects people's perception of the information presented and what makes them follow the continuation of the storyline. The material for the study was the books: Dean Movshovits "From idea to villain. Learning to create stories with Pixar", Annette Simmons "Storytelling. How to use the power of Stories.", Carmine Gallo "The Art of Storytelling. How to create stories that will get into the heart of the audience" and others. The article presents the main methods of storytelling narration, such as: oral, written and visual. Special attention is paid to the schemes and the formula of the "successful story" with explanations for each item. The paper presents and analyzes examples from films, TV series and advertisements. The article is divided into several parts: the story of storytelling, the composition of a successful and selling story, methods of influencing the audience. The authors conclude that storytelling is a powerful tool of influence. You can form a sense of belonging, inspire the required thoughts and influence the feelings of the audience with its help.

Keywords: storytelling, media, modern viewer, impact on feelings, ways of telling a story, the formula of a successful story